

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2012 – 9 (243)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2012**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Мальшева* – д-р полит. наук, *А.В. Малашенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. – М., 2012. – № 9 (243). – 176 с.

© ИНИОН РАН, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Валерий Степанов. Демографическая и социальная картина России: Итоги десятилетия	4
Азамат Буранчин. Современное башкирское общество в условиях кризиса национальной идентичности	23
Андрей Лукиенко. Культурно-идеологические аспекты роста напряженности в Северо-Кавказском регионе	35
А. Драганов. Иран и Кавказ в структуре современных региональных геополитических процессов на Ближнем Востоке	44
Идият Оруджев. История, проблемы и перспективы межрелигиозного диалога в Азербайджане	52
Алексей Малащенко. Белый пароход Киргизии среди львов постсоветского авторитаризма	66
Елена Кузьмина. Туркмения на современном этапе: Проблемы и возможности развития	75
Мунифахон Бабаджанова. Поликультурное образование в Таджикистане: Первые шаги	91
Музафар Артиков. Парадигмы межрелигиозной толерантности в Узбекистане: История и современность	94
Виктор Коргун. США в Афганистане: Миссия невыполнима?	105
Новое в постановке вопроса о национализме и национальной идентичности: Турция в начале XXI в.	132
Марина Каменева. Влияние глобализационных процессов на культурно-языковое развитие в Иране (XX – начало XXI в.)	137
В. Беляков. Принципы деловой жизни в Египте	143
Ольга Меренкова. «Британские бангладешцы» в поиске идентичности	150
«Восточный сценарий» – новая доминанта развития мира	162

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

Валерий Степанов,

кандидат исторических наук

(Институт этнологии и антропологии

им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН)

**ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ КАРТИНА
РОССИИ: ИТОГИ ДЕСЯТИЛЕТИЯ**

При общем неблагоприятном демографическом наследии и позитивном экономическом развитии в России первого десятилетия XXI в. сложилась своеобразная и во многом уникальная социальная ситуация. Хотя велики трудовые ресурсы и их наполняемость, но уже в некоторых сферах общественного производства ощущаются признаки демографического старения и нехватки рабочих рук. В то же время, компенсируя возникшую проблему, современные технологии и рыночные механизмы дополнили производительные усилия прошлых десятилетий (включая и советские) и привели страну к общему экономическому подъему. Одновременно усилились экономические и социальные диспропорции между регионами, между группами населения, что добавляет известное напряжение. Особая роль при этом принадлежит мифам – о демографической и миграционной «опасности», о глубокой бедности и др. Сложившаяся ситуация, вне всякого сомнения, оказывает непосредственное влияние на общественно-политические процессы, включая электоральные, и тем сыграет заметную роль в истории страны. Каковы же итоги демографического и социального положения России за десятилетний период?

Уже давно в России говорят о проблеме сокращения населения, при этом прогнозы выдвигаются худшие, нежели положение, которое затем выявляет статистика. Однако следует учитывать, что более значимые экономические и социальные последствия вызывает не снижение численности населения, а структурные де-

мографические изменения, прежде всего изменения возрастных показателей жителей страны.

Для России в целом и для всех ее федеральных округов характерно демографическое старение. Это выражается в высокой доле (более 16–17%) пожилого населения и низкой доле (до 20%) детей и подростков. На общем фоне относительно благополучным возрастным составом населения выделяется Северо-Кавказский федеральный округ.

Наибольший уровень демографического старения характерен для самых многонаселенных федеральных округов – Центрального, Северо-Западного и Приволжского. В этих регионах складываются условия для возрастания социального напряжения, ведь при большой и все увеличивающейся плотности населения, особенно что касается городских агломераций, продолжает нарастать дефицит детских и молодежных возрастов, а значит, впоследствии – дефицит экономически активного населения. Поэтому и в дальнейшем туда будут направляться многочисленные мигранты – внутрироссийские и международные.

Вместе с тем умение распознавать опасность социальных последствий демографического старения не должно порождать панические настроения. Само по себе демографическое старение не означает, что обязательно снижается экономическая и социальная активность населения. Темпы такого снижения различаются по регионам в зависимости от качества жизненных условий. В регионах с более высокими жизненными стандартами население обладает более продолжительной способностью к экономической активности, невзирая на возраст.

Расчет индекса реального долгожительства показывает, что, по состоянию на 2010 г., лучшие показатели характерны для Северо-Кавказского федерального округа, где более 17% лиц в своем долголетнем возрасте доживают до 90 лет и более. Вопреки бытующим представлениям, повышенные показатели долгожительства характерны для Центрального и Северо-Западного федеральных округов (13%). А наименьший уровень доживаемости до долгожительского возраста характерен для населения Дальневосточного федерального округа (9,6%).

Официальные данные о расчетах продолжительности жизни при рождении в интервале 2001–2009 гг. в целом соответствуют приведенной по состоянию на 2010 г. картине индексов долгожительства. Это свидетельствует о стабильности демографических процессов на длительную перспективу. Основываясь на существ-

вующих тенденциях, следует предусмотреть, что численность пожилого населения будет сокращаться в северных и восточных регионах страны и возрастать в центральных и южных регионах. При этом пресловутая нагрузка экономически активного населения иждивенцами будет, по сути, увеличиваться с меньшими темпами, нежели о том можно судить по формальным показателям пенсионного возраста.

В первое десятилетие XXI в. численность населения России продолжала снижаться. В 2010 г. в сравнении с 2001 г. сокращение составило порядка 3%. Всероссийская перепись населения в октябре 2010 г. учла на территории страны 142 млн. 905,2 тыс. человек. Это несколько больше, чем предполагалось.

Если сопоставлять современные цифры с численностью населения, которое было в России 20 лет назад, то окажется, что сокращение численности россиян за весь послесоветский период составило 3,5–4%, т.е. 4,8–5,8 млн. Эти цифры совершенно не подтверждают рассуждения в СМИ о том, что «россияне сокращаются по миллиону в год». Максимальная убыль населения в последнем десятилетии наблюдалась только в 2004 г., когда сокращение составило 795,5 тыс. человек, затем убыль снижалась. При этом следует также учитывать, что механизм регистрации действительного населения все еще не совершенен и существуют многочисленные примеры недоучета определенных категорий жителей.

Официальные статистические данные о численности населения свидетельствуют о том, что за последние три года проявилась позитивная демографическая тенденция. Хотя в целом по России численность населения продолжает сокращаться, темпы этого сокращения в отдельных регионах замедлились, а в ряде случаев даже обнаружился прирост населения. Такая ситуация складывается под воздействием специальных усилий в области демографической политики, хотя борьба с высокой смертностью, особенно смертностью в трудоспособных возрастах и в частности среди трудоспособного мужского населения, все еще недостаточна. Частично улучшение ситуации с рождаемостью связано также с тем, что в активном детородном возрасте находятся многочисленные возрастные группы населения 21–30-летнего возраста, которые родились в 1980-е годы.

Значительную роль в замедлении сокращения численности населения играет миграционный прирост за счет переселенцев из республик бывшего СССР. Однако качество миграционного учета не позволяет иметь точные сведения. Предполагается, что неуч-

тенными остаются порядка 1 млн. человек, прибывших из этих государств. Если это действительно так, то в этом случае позитивные тенденции замедления убыли населения должны проявляться еще более активно, нежели это отражают данные официальной статистики.

В настоящее время, как и на протяжении уже двух десятилетий, территории только двух федеральных округов характеризуются активным ростом населения. Это Северо-Кавказский ФО и Уральский ФО. Кроме того, согласно официальным сведениям, в 2010 г. имел место рост населения в Сибирском ФО, а также с отрицательной на нулевую отметку вышли Центральный и Южный округа.

Но долговременные тенденции иные. Статистика за прошедшее десятилетие показывает, что сокращение населения характерно для всех федеральных округов. Исключение – Северо-Кавказский федеральный округ, в котором численность жителей за десятилетие росла. Но и этот рост, вопреки расхожему мнению, не был большим, составив на конец периода +6,4%.

Три федеральных округа – Уральский, Южный и Центральный – также находятся в относительно благоприятном положении, так как потери населения, произошедшие в них за последнее десятилетие, оказались, несмотря на прогнозы, сравнительно небольшими, в пределах 3%. Колебание численности населения в этих округах можно оценить как состояние неустойчивого равновесия с тенденцией к убыли. В этих округах по отдельным субъектам Федерации картина существенно различается. Различается она и по тенденциям изменения численности городского и сельского населения: в городской среде стабильность населения выше в Центральном ФО. Для остальных федеральных округов характерна устойчивая убыль населения. Критически быстрая убыль произошла за десятилетие в Дальневосточном и Северо-Западном федеральных округах.

Негативное соотношение показателей рождаемости и смертности населения большинства регионов России является долговременной тенденцией, которая в последние два года несколько изменилась в сторону улучшения. Но за десятилетний период 2001–2010 гг. только в трех федеральных округах естественный прирост был положительным – в Северо-Кавказском, Дальневосточном, Уральском. Причем только в первом из названных округов показатели прироста были существенно выше нулевых. В прочих федеральных округах по сочетанию показателей рож-

даемости и смертности на протяжении десятилетия происходила убыль населения. Наибольший темп убыли (без учета миграционного притока) характерен для самых урбанизированных и демографически старых Центрального, Северо-Западного и Приволжского федеральных округов.

Ситуация с рождаемостью, смертностью и естественным приростом, притом что в последние два-три года имеются позитивные демографические подвижки, остается неизменной и в целом для России негативной. Имеющиеся официальные расчеты по данным на 2009 г. о численности родившихся и умерших на 1000 населения показывают, что по-прежнему смертность опережает рождаемость. При уровне рождаемости в том году 12,4 промилле, смертность составила 14,2 промилле. Соответственно, естественный прирост был отрицательным, на уровне $-1,8$ промилле. Максимальное в стране значение естественного прироста составляет $+23,8$ промилле (Чечня), минимальное значение составляет отрицательную величину $-10,5$ промилле (Псковская область).

Ситуация с рождаемостью дифференцирована по регионам. По показателям рождаемости безусловным лидером является Северо-Кавказский ФО. Кроме того, значительна величина рождаемости в Южном, Сибирском, Дальневосточном, Уральском федеральных округах. Самые низкие показатели рождаемости за десятилетие характерны для Центрального ФО.

Дифференциация показателей смертности за минувшее десятилетие следующая: наибольшая смертность в Центральном, Приволжском, Сибирском и Северо-Западном федеральных округах. Значительный уровень смертности характерен для Южного ФО. Наименьшие по стране показатели смертности отмечены статистикой в Северо-Кавказском ФО. Следует, однако, сказать, что официальные данные о смертности, основывающиеся на регистрации соответствующих событий, содержат ошибки, связанные с несвоевременным предоставлением отчетности именно в северокавказских республиках, поэтому, возможно, уровень смертности в Северо-Кавказском ФО несколько выше, а вместе с тем и показатели естественного прироста несколько ниже официально публикуемых значений.

Для регионов России характерны различные темпы и объемы смертности населения допенсионного возраста. По показателям смертности среди населения трудоспособного возраста выделяется не Центральный ФО (хотя, напомним, общие показатели смертности там наибольшие в стране), а Сибирский и Дальне-

восточный федеральный округ, тогда как в европейской части страны смертность трудоспособного населения особенно высока в Северо-Западном ФО. Уровень смертности населения в трудоспособном возрасте не имеет четкой статистической зависимости от объема медицинских услуг (или такая зависимость проявляется слабо). Вместе с тем наблюдается устойчивая зависимость данного вида ранней смертности от уровня заболеваемости, прежде всего от распространенности болезней органов дыхания (последствия курения), травм и отравлений, в частности алкогольных отравлений. Примечательно, что не подтверждается расхожее мнение о зависимости показателей смертности трудоспособного населения от частоты болезней системы кровообращения, которые более характерны для пожилой части населения. Кроме того, смертность трудоспособного населения в значительной мере зависит от уровня преступности, прежде всего от частоты преступлений, совершаемых в алкогольном или наркотическом опьянении.

Таким образом, ранняя смертность среди населения российских регионов является, прежде всего, производной естественных причин, вызванных распространением пагубных привычек (курение, употребление алкоголя, наркотиков) и преступлений, совершаемых под воздействием этих пристрастий. Соответственно, улучшение уровня медицинского обслуживания, действительно крайне необходимое, само по себе не может радикально сократить статистические показатели смертности в трудоспособных возрастах.

Характерна прямая взаимосвязь распространения смертности населения в результате самоубийств и смертности в результате алкогольных отравлений. И те, и другие ярко выраженные многолетние показатели присутствуют в одних и тех же регионах. На уровне федеральных округов высокие показатели суицидальной и алкогольной смертности за последние десять лет (а также за более ранние сроки) характерны для всех северных и восточных федеральных округов. Наименьшие показатели подобных смертей характерны только для Северо-Кавказского ФО.

За последнее десятилетие в России наблюдается меньший миграционный прирост, чем в первое десятилетие после распада СССР. Современный объем механического прироста сложился в конце 1990-х годов: в среднем за год на постоянное жительство приезжает на 250–300 тыс. человек больше, нежели уезжает. Особенно устойчиво этот баланс повторяется с 2007 г.

По регионам распределение миграционного прироста происходит крайне неравномерно. Превышение численности приезжих над уехавшими в Центральном ФО – наибольшее по стране; ежегодно это превышение составляет порядка 120 тыс. человек. На втором месте по объему миграционного прироста – Северо-Западный ФО, однако он в 4 с лишним раза меньше прироста в ЦФО. Третье место – Уральский ФО. Практически нулевой миграционный прирост – в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах. А в Дальневосточном и Сибирском федеральных округах – миграционный прирост отрицательный.

Часть прироста, формируемого международной миграцией, также распределяется весьма неравномерно. Основной объем баланса международной миграции приходится опять же на Центральный федеральный округ, составляя в течение последнего десятилетия превышение количества прибывших из-за рубежа над уехавшими примерно по 50 тыс. человек за каждый год. Приволжский ФО – на втором месте по объему международного миграционного баланса, в этом округе новых жителей, прибывших из зарубежья, становится больше на 20–30 тыс. ежегодно. Вместе с тем прочие федеральные округа характеризуются низким балансом международной миграции, причем баланс международной миграции в Северо-Кавказском ФО наиболее близок к нулевым значениям.

Как известно, под влиянием СМИ и некоторых лидеров общественного мнения, в России широко распространены стереотипы о «миграционном давлении», о «замене на новое население», причем якобы именно за счет приезжих из-за рубежа. В действительности весь поток приезжих, включая внутрироссийскую и международную миграцию, составляет всего лишь 1,5% от общей численности населения (соответственно, миграционное сальдо – это еще меньшие значения). Данный показатель закономерно несколько выше в малонаселенных восточных и северных регионах, но и там доля мигрантов среди населения не превышает 1,7–1,9% жителей соответствующих федеральных округов.

В целом по России за последнее десятилетие доля приезжих из других государств среди всех мигрантов составила только 15,5% (без учета временной миграции). В течение 2001–2010 гг. эта доля даже снижалась в первой половине десятилетия, затем росла, достигнув наибольших значений в 2009 и 2010 гг. При этом в Центральном ФО удельный вес мигрантов из других государств вырос к концу десятилетия до 18%. В других федеральных округах

увеличение доли было незначительным, а в Дальневосточном ФО эта доля даже сокращалась.

В целом за десятилетие доля приезжих из-за рубежа в общем миграционном потоке оказалась наибольшей в двух федеральных округах – Южном (18%) и Центральном (15%). Среди прочих округов относительно заметной долей выходцев из других государств среди мигрантов отличается Уральский ФО (только 13%). В остальных округах эта доля еще ниже (10–12%). В Дальневосточном ФО доля выходцев из других государств среди мигрантов была наименьшей по стране (7%).

Таким образом, значительного обновления населения за счет миграции в России не происходит, а среди всех мигрантов те, кто прибыл из других государств, составляют небольшую долю. Распространено также мнение о том, что дети мигрантов составят через определенный срок основную массу молодежи детородного возраста. Тенденции, однако, иные. Не углубляясь в подробные доказательства, следует указать на долю детей и подростков среди прибывающих мигрантов. Эта доля за последние десятилетия не превышает 6% как среди прибывших в целом по России, так и в структуре миграционного баланса (прибывшие минус выбывшие). То есть это очень малая величина. По отдельным федеральным округам наибольшие показатели доли детей и подростков среди прибывших на постоянное место жительства составляют всего лишь около 9% – Центральный, Уральский, Сибирский, Приволжский, Дальневосточный федеральные округа. Соответственно, в ближайшие десятилетия при существующей миграционной картине дети мигрантов из-за рубежа по-прежнему не будут составлять заметную часть населения России.

Уровень этнического разнообразия населения отдельных местностей не изучен. Исследователи ограничиваются шаблонными рассуждениями, повторяемыми с советских времен, о «100 нациях и народностях». После Всероссийской переписи 2002 г. распространен штамп о «более чем 160 народах». Списки национальностей, публикуемые в официальных источниках применительно к разным регионам, как правило, содержат сходное количество единиц (при разнообразии этнических наименований). Применительно к большим регионам, таким как субъект Федерации, и тем более к федеральным округам, количество национальностей повторяет их количество по стране в целом.

Для понимания меры разнообразия этнического состава населения крупных регионов данные переписей нами пересчитаны

по показателю полиэтничности. По этому показателю этническое разнообразие населения федеральных округов в России не имеет больших различий, за исключением Северо-Кавказского ФО. С одной стороны, это развеивает миф об «этнической однородности» центральных российских регионов, с другой стороны, отражает не такое уж большое, по сравнению с другими российскими регионами, этническое разнообразие населения Юга России.

В целом по России уровень полиэтничности составляет довольно значительную величину – индекс 7,4. Однако по федеральным округам, в каждом из которых этнический состав обладает своеобразием, данный показатель повсеместно ниже, исключая упомянутый СКФО с уровнем полиэтничности 10,5. Среди прочих федеральных округов наиболее заметный уровень полиэтничности характерен для Южного и Дальневосточного ФО, в каждом из которых показатель немного ниже 5. Значения уровня полиэтничности в остальных округах находятся в узком диапазоне 3–4. Устойчивая пространственная закономерность в России следующая: этническое разнообразие населения выше в южных регионах России, где достигает максимума на Кавказе, а также при движении к востоку. Некоторое увеличение этнического разнообразия характерно также для севера страны.

Что касается роста или снижения этнического разнообразия населения, то, учитывая данные переписей 1989 и 2002 гг. (необходимые сведения по переписи 2010 г. пока отсутствуют), показатели полиэтничности менее всего меняются в Северо-Кавказском ФО. Однако на прилегающих территориях – в Южном ФО – этническое разнообразие населения возрастает наиболее быстрыми темпами по стране. На втором месте по увеличению разнообразия этнического состава – Центральный ФО. В прочих округах увеличение этнического разнообразия является незначительным, а на Дальнем Востоке разнообразие даже сократилось.

Распространенный миф об особой роли иностранных мигрантов в изменениях этнического состава населения российских регионов не подтверждается. Подсчет корреляционных зависимостей обнаруживает, что прирост полиэтничности более связан со средними многолетними показателями внутрироссийской миграции и в малой степени зависит от показателей международной миграции.

Сведения об уровне образования населения в России не являются статистически регулярными и сопоставимыми. Наиболее

полная картина может быть составлена только по данным переписей. Однако пока Росстат не подсчитал региональные данные об уровне образования населения по регионам на основе данных Всероссийской переписи населения 2010 г., мы используем данные 2002 г. Дополнительно для усиления эффекта осовременивания этих данных для анализа взяты официальные сведения о численности студентов всех вузов – государственных и негосударственных – на возможно более поздний срок; в данном случае доступны статистические сведения за 2009 г. Мы рассчитывали численность студентов вузов на 1000 жителей. Выяснилось, что и показатели переписи 2002 г., и упомянутые расчетные данные о численности студентов отражают примерно одну и ту же картину по всем федеральным округам.

Наибольший удельный вес лиц с высшим образованием характерен для Центрального и Северо-Западного федеральных округов. Там же наиболее велик удельный вес студентов вузов. Относительно меньший – немного ниже среднего по стране – удельный вес студентов вузов в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах компенсируется показателями выше среднего по стране уровня образованности населения, поскольку определенная часть жителей этих округов получает высшее образование в других российских регионах.

Регионы: экономические лидеры и аутсайдеры. Наблюдается значительная вариация показателя производства валового регионального продукта (ВРП) по регионам на конец десятилетия. При этом существенно отличаются показатели даже по федеральным округам: максимальное значение (Центральный ФО) в 17 раз превышает минимальное значение (Северо-Кавказский ФО). Лидирующие позиции занимает Центральный ФО, на который приходится более трети объема ВВП страны. Далее с существенным отрывом следуют по объему вала Приволжский (16%), Уральский (14%), а затем Сибирский и Северо-Западный (по 10%) федеральные округа. Минимальные объемы ВРП характерны для Северо-Кавказского (только 2%) и Дальневосточного (4,5%) ФО.

В самом ЦФО имеются два лидера – Москва и Московская область. Хотя показатели ВРП Москвы во много крат превышают показатели области, следует учитывать, что значительные производственные мощности и человеческие ресурсы Московской области реализуются (зачастую чисто юридически) в административных пределах Москвы. Для целей данного исследования

следует рассматривать уровень производства ВРП для столицы и прилегающей области как единый.

В Приволжском ФО подобного безусловного лидерства по производству ВРП не наблюдается, поскольку в пределах округа имеется несколько экономических локомотивов – Татарстан, Башкортостан, Самарская область. Далее – Пермский край и Нижегородская область. Затем – Оренбургская и Саратовская области. Соответственно, в целом по федеральному округу характерна относительно равномерная социально-экономическая ситуация, без значительных территориальных диспропорций. Такая ситуация делает ПФО одним из самых благополучных и социально однородных федеральных округов в России.

Для душевых показателей ВРП по стране в целом и по федеральным округам в частности также характерна территориальная диспропорция. Лидером по производству ВРП в расчете на душу населения, как уже говорилось, является Уральский ФО. Второе место – Центральный ФО. Далее с заметным отрывом следуют Северо-Западный и Дальневосточный федеральные округа. Следует обратить внимание на то, что все прочие федеральные округа обладают душевыми показателями ВРП ниже среднего по стране. Очевидно, что такая диспропорция в нынешний посткризисный период еще более усилилась. Самый низкий душевой показатель ВРП характерен для Северо-Кавказского ФО.

Вместе с тем в пределах тех же низкоэффективных по производству ВРП Северо-Кавказского и Южного федеральных округов наблюдаются наименьшие внутриокружные различия. Естественно, по душевому производству ВРП в СКФО лидирует Ставропольский край. Тем не менее на вторых ролях, причем со сравнительно небольшим отставанием, находятся Северная Осетия, Дагестан, Карачаево-Черкесия. Самые низкие показатели ВРП на душу населения в этом федеральном округе наблюдаются только в Ингушетии. По Чеченской Республике данные, возможно, не вполне достоверны, но они ближе к низким показателям Ингушетии, нежели к показателям прочих регионов этого округа; общая картина по СКФО в целом та, что обозначена выше. Из сказанного следует, что СКФО является территорией, откуда и впредь будет направлен поток рабочей силы в другие федеральные округа.

О социальных последствиях того или иного уровня занятости и безработицы в России много говорят и пишут. При этом распространено немало домыслов об отрицательной роли миграции.

Тем не менее не подтверждаются существующие представления (и мифы) о том, что именно миграция порождает напряженность на рынке труда. Сопоставление показателей дефицита / обеспеченности вакансиями безработных лиц и показателей миграционного прироста по субъектам Российской Федерации отражает четкую зависимость миграционного притока именно от уровня обеспеченности рабочими местами. Если такой обеспеченности нет или она низка, то миграционный баланс стремится к нулю, либо является для региона отрицательным. Проще говоря, мигранты едут туда, где есть работа.

Уровень безработицы, по крайней мере ее регистрируемая часть, на 2009 и 2010 гг. составлял в Российской Федерации соответственно 2,84 и 2,10%. Из этого следует, что уровень регистрируемой безработицы за последние два года не был высоким, оставаясь в целом неизменным с некоторой тенденцией к снижению.

Региональная картина данного показателя имеет ту же закономерность – за период с 2009 по 2010 г. распределение и величина расчетного уровня безработицы по федеральным округам почти не менялись. Единственное, что обращает на себя внимание, так это некоторая более ускоренная позитивная динамика сокращения безработицы в 2010 г. сравнительно с предыдущим годом в Уральском ФО (что связано с улучшением данного показателя в Тюменской области, прежде всего благодаря улучшению проблемы занятости в отраслях, напрямую или опосредованно связанных с нефтегазовым комплексом).

При общем по стране невысоком уровне регистрируемой безработицы и высоком уровне регистрируемой занятости прослеживается тенденция большей занятости в столичном центре и на Юге России, при некотором ухудшении показателя безработицы в северо-западном направлении. В целом в европейской части страны проблема регистрируемой безработицы выглядит «мягче», нежели в азиатских регионах. При продвижении на восток показатели регистрируемой безработицы нарастают, достигая наибольших (но все же невысоких) значений в Дальневосточном ФО. Радикальным исключением для страны, целиком нарушающим указанную закономерность, является Северо-Кавказский ФО, где даже регистрируемая безработица (не говоря уже о показателях, рассчитываемых по более широким критериям, в частности по методике МОТ) достигает действительно больших величин, сопоставимых с уровнем безработицы в слаборазвитых странах. В СКФО,

по состоянию на 2009 г., уровень регистрируемой безработицы составлял 10,7%, а в 2010 г. – 8,6%. Даже если коррекция численности экономически активного населения по итогам переписи населения 2010 г. будет выше, а рассчитываемый уровень безработицы для этого федерального округа – несколько ниже, все равно уровень безработицы останется рекордно высоким для России и с точки зрения международных сравнений.

Безработица на Северном Кавказе является не столько результатом каких-либо международных кризисов, сколько банальным неумением еще с советских времен «разгрузить» социальную ситуацию. Постоянные ссылки на «трудоизбыточность» северокавказских республик на самом деле лишь прикрывают слабость управления и долгосрочного планирования применительно к данному региону. Тем более что фактически речь идет о по-настоящему проблемных с точки зрения недостаточной занятости только двух (а в советском прошлом одного) регионах – Чечне и Ингушетии. По состоянию на 2010 г. уровень регистрируемой безработицы в этих республиках составлял поразительно высокие цифры: в Чечне – 42,3%, в Ингушетии – 21,4%. Годом ранее ситуация была еще более суровой: в Чечне регистрируемая безработица – 54,1%, в Ингушетии – 22,3%. Напомним, что в более ранние годы данные о занятости населения по этим республикам вообще не публиковались под предлогом того, что соответствующий учет занятости не был в достаточной мере налажен.

Вместе с тем, учитывая столь высокие цифры регистрируемой безработицы в названных регионах, следует высказать некоторое сомнение в правдивости показателей. Дело в том, что и Чечня, и Ингушетия с 2002–2003 гг. по настоящее время являются объектами целевых федеральных программ экономического и социального развития. Это помимо того, что экономика обоих регионов почти целиком дотируется из федерального бюджета. Соответственно, любые показатели, свидетельствующие о потребности дополнительных бюджетных вливаний, скажем мягко, востребованы самыми разными участниками процесса восстановления и развития экономики обоих регионов.

Апелляция в данном случае к тому, что в Чечне и Ингушетии высока рождаемость, а потому якобы неизбежна высокая безработица, не может рассматриваться как исчерпывающая объяснительная схема. Следует напомнить, что в Туве, где уровень рождаемости также высок, тем не менее показатели регистрируемой безработицы составляли в 2009 г. 6,2% и в 2010 г. 5,5%. Этот

уровень, конечно, превосходит среднероссийский, но такое превышение является двукратным, а не 20-кратным, как в случае с Чечней, и не десятикратным, как в случае с Ингушетией. В Дагестане, где также высока рождаемость, регистрируемый уровень безработицы (3,2%) близок к уровню Тувы, но никак не к соседним Чечне и Ингушетии. В Республике Алтай также высоки показатели рождаемости, имеется единственный на всю республику город, где отсутствуют многие, в том числе энергетические, элементы социальной и производственной инфраструктуры; тем не менее уровень регистрируемой безработицы в республике составил в 2010 г. 3%, т.е. только в полтора раза превысил среднероссийский показатель.

Из многочисленных публикаций в СМИ и заявлений представителей государственных силовых ведомств следует, что усугубление проблем занятости непосредственно сказывается на масштабах преступности. Однако, как выяснилось, повышение уровня безработицы, происходившее в кризисные 2008–2010 гг., не привело в целом по стране к росту преступности. По регионам также не наблюдалось устойчивой зависимости показателей преступности от изменений уровней занятости или безработицы.

Вместе с тем проблемы занятости, если они не решаются годами, формируют долговременный неблагоприятный социальный фон, который действительно способствует распространению девиантных и асоциальных форм поведения, и, как показывают статистические сопоставления, в значительной мере влияют на уровень преступности. Если, например, с уровнем преступности сопоставить по регионам такой социально значимый показатель, как доля убыточных предприятий, то очевидна взаимосвязь: при высоких показателях доли убыточных предприятий высока и преступность. Вместе с тем такая взаимосвязь не вполне или совершенно не характерна для некоторых территорий, в частности для Северо-Кавказского и Уральского федеральных округов.

Тот же показатель убыточных предприятий вновь обнаруживает устойчивую взаимосвязь, если его сопоставлять с уровнем подростковой преступности. Лишь Северо-Кавказский ФО – практически единственная территория в стране, где сфера занятости не усиливает детскую преступность. Применительно к этой территории, видимо, следует говорить об особенностях региональной культуры и наличии эффективных общественных механизмов контроля в отношении подростков. Однако на том же Северном Кавказе традиции «сдерживания» не срабатывают в отношении

взрослой преступности. Если сопоставить показатели доли убыточных предприятий с показателями о доле тяжких преступлений среди всей массы преступлений, тогда взаимосвязь двух явлений будет очевидна и на Северном Кавказе, и во всех других федеральных округах России.

В 2010 г. статистика показала, что уровень преступности, несмотря на кризисные явления в экономике, в целом по стране снизился. Если годом ранее количество зарегистрированных преступлений на каждую тысячу жителей составляло 21,1 промилле, то теперь этот показатель сократился до 18,4 промилле.

Такое сокращение произошло примерно в равной пропорции во всех федеральных округах, что наводит на мысль о некоторой искусственности производимых подсчетов. Правда, некоторые аналитики поспешили заявить, что такое снижение является прямым следствием сокращения количества трудовых мигрантов. В данном исследовании не будем втягиваться в спор по этому поводу, однако заметим, что если бы уровень преступности действительно напрямую «регулировался» миграционными потоками, то в этом случае картина сокращения уровня преступности была бы в разных федеральных округах и тем более регионах различной, поскольку объемы притока–оттока мигрантов географически различаются.

Криминогенная ситуация в России за последнее десятилетие выглядит по федеральным округам следующим образом. Наибольшее количество преступлений в расчете на душу населения совершается в восточных регионах страны, а наименьшее – в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах. Вместе с тем среди преступлений, совершаемых в Северо-Кавказском ФО, самый высокий в стране удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений.

Для оценки предпосылок социальной тревожности населения следует уделить внимание преступлениям, совершаемым как асоциальные или аффективные действия, в частности преступлениям, совершаемым в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Если преступления в аффективных состояниях многочисленны и достигают крайних форм (убийства, причинение тяжкого вреда здоровью), то это свидетельствует о тяжелой общественной ситуации.

В целом по России особо не наблюдается значительной взаимосвязи между частотой тяжких преступлений и преступлений, совершаемых в состоянии опьянения. Однако такая связь со

всей очевидностью просматривается, если вывести за скобки статистику преступлений по Южному и Северо-Кавказскому федеральным округам. По крайней мере, в Приволжском и всех восточных федеральных округах картина «пьяной» преступности в значительной мере сходна с распространенностью таких преступлений, как убийство и покушение на убийство.

Социальная тревожность также высока при часто совершаемых противоправных действиях в общественных местах. Подобную картину отражает статистика хулиганств. Расчет коэффициентов корреляции показывает, что не имеется значимой взаимосвязи между преступлениями, квалифицируемыми как хулиганство, и подростковой преступностью. Это свидетельствует о том, что в среднем по России хулиганство и уличное насилие «является уделом», прежде всего, взрослого контингента преступников. Максимальные за последнее десятилетие показатели статистики хулиганств характерны для Уральского ФО – этот регион является лидером по количеству и удельному весу таких преступлений. Второе место по распространению хулиганств делят Центральный и Северо-Западный федеральные округа, а на третьем месте – Северо-Кавказский и Приволжский ФО.

В свою очередь, подростковая преступность при ее значительных масштабах также является сильным общественным раздражителем. Тем более что в России подростковая преступность в значительной мере связана с преступлениями, совершаемыми в состоянии алкогольного опьянения (при этом следует отметить, что не наблюдается статистической взаимосвязи подростковой преступности с преступлениями в состоянии наркотического опьянения). Подростковая преступность особенно высока в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах.

То, что на Северном Кавказе регистрируемая преступность – одна из самых низких в стране – явление не новое, хорошо известное в статистике. Реальная ситуация в этом федеральном округе, видимо, хуже, чем это представлено в отчетности. На вывод о мифичности низких показателей преступности в отдельных кавказских регионах наталкивают совершенно обычные показатели преступности в соседних регионах. Так, судя по отчетности правоохранительных органов, в Чечне уровень преступности в 2010 г. составил 3,6 случаев на тысячу жителей. Почти такой же низкий показатель в Дагестане – 3,9 промилле. В Ингушетии – 4,7 промилле. В то же время в Карачаево-Черкесии – 9,1 промилле, в Кабардино-Балкарии – 10,8, в Ставропольском крае – 13 промилле.

Наблюдения показывают, что территории с многотысячным населением всегда имеют уровень преступности выше 5 промилле.

К аналогичным выводам о недостаточно точной фиксации преступлений подводят данные о тяжких преступлениях. Факт тяжкого преступления труднее скрыть от статистики, тем более если речь идет об убийстве. По показателю количества убийств в составе совершаемых преступлений на первом месте в России числится именно Северо-Кавказский федеральный округ, причем наибольший удельный вес убийств фиксируется именно в вышеназванных, «наименее криминогенных» Чечне, Ингушетии, Дагестане. Более того, показатели по этим республикам – это абсолютный «рекорд» в стране, оставляющий далеко позади самые «криминальные» регионы. Примечательно, что если в целом по стране и по каждому федеральному округу в 2010 г. произошло некоторое снижение количества убийств в составе зарегистрированных преступлений, то в Южном ФО эта доля даже несколько возросла, а в Северо-Кавказском ФО доля убийств возросла значительно. Все эти статистические парадоксы возникают в результате регулярного сокрытия от статистики мелких правонарушений и иных, менее тяжких, преступлений.

Применительно к современным российским условиям, в частности при отсутствии широкой прослойки так называемого среднего класса, общим показателем материальной обеспеченности населения, учитывающим региональные особенности, является доля малоимущего населения. Прежде всего, к категории малоимущего населения относится население, денежные доходы которого устойчиво (в течение нескольких лет) находятся на уровне ниже прожиточного минимума. По данному показателю в России за последние десять лет малоимущими являются 22,3% населения, причем дифференциация по федеральным округам не имеет в большинстве случаев существенных отклонений. Как правило, доля малоимущих составляет 15–25% жителей. Максимальные и более высокие значения этой доли характерны для Сибирского и еще более – для Дальневосточного федерального округа. На общем фоне самыми неблагоприятными показателями отличается Северо-Кавказский ФО, в котором, согласно статистике, более трети населения имеет доходы ниже прожиточного минимума. По некоторым регионам этого округа ситуация еще более напряженная (в Ингушетии 63% населения – неимущие, в Чечне, по неполным данным, – столько же или более).

Для оценки дифференциации доходов принято сопоставлять массу денежных доходов 20% наименее обеспеченного и 20% наиболее обеспеченного населения. Такое сопоставление показывает, что за последнее десятилетие наименьшие различия в доходах, по крайней мере, по официально регистрируемым данным, характерны для жителей Северо-Кавказского ФО – денежные доходы «богатых» в 6,5 раза превышают денежные доходы «бедных». А наибольшая дифференциация доходов свойственна жителям Центрального и Уральского федеральных округов – доходы одних в 9 раз превышают доходы других.

Указанная картина имущественного расслоения, впрочем, не показывает, насколько острым является существующее положение вещей, ведь если какая-то часть населения является очень богатой, то это не означает, что менее обеспеченные должны непременно быть бедняками. Для общей оценки социальной напряженности в сфере материального обеспечения следует использовать показатель отклонения доли наименее обеспеченной части населения от доли ее доходов. В частности, если предположить, что вся денежная масса индивидуальных доходов в государстве в расчете на душу населения соответствует приемлемому уровню материального обеспечения, то, следовательно, отклонение от этого уровня какой-либо категории населения в сторону меньших доходов свидетельствует о недостаточном обеспечении. Исходя из этого, в данном исследовании подсчитано отклонение многолетних денежных доходов 20% наименее обеспеченного населения от уровня 20% «богатых». Подсчет показывает, что наиболее низким от теоретически равного уровня доходов, а следовательно, не только социально несправедливым, но и наиболее критическим с точки зрения материальных основ жизни является доход наименее обеспеченной части населения Центрального ФО – доходы ниже на 14,5%. Также низкими доходами отличается аналогичная категория населения в Сибирском ФО – дефицит доходов составляет 14%. В остальных федеральных округах дефицит доходов наименее обеспеченной части населения несколько ниже, но не менее 13%, причем наименьший дефицит доходов – в Северо-Кавказском ФО. Последнее свидетельствует о том, что общественно-политическая риторика по поводу Северного Кавказа как самой бедной части России не вполне соответствует действительности.

В подтверждение следует также привести данные о десятилетней тенденции роста реальных денежных доходов. Такие доходы в 2001–2009 гг. росли опережающими темпами именно в Севе-

ро-Кавказском ФО, где в среднем за год реальные денежные доходы населения увеличивались на 15%, в то время как в остальных федеральных округах, включая и Южный ФО, прирост доходов составлял 9–10%.

О различиях в уровне социального комфорта можно судить по многим параметрам, хотя общепринятой методики не существует. Как правило, в аналитических целях используют данные об обеспеченности населения определенным набором жилищно-бытовых удобств. Представляется, что такие индикаторы «объективного» свойства следует дополнять параметрами, которые можно интерпретировать с точки зрения общественного восприятия. К таковым параметрам относятся данные о росте потребительских цен в сопоставлении с доходами потребителей. Если, к примеру, в одном из регионов доходы населения высокие, но они растут медленнее по отношению к росту цен, а в другом регионе рост доходов опережает рост цен, хотя изначально доходы населения не являются высокими, то в первом случае социальная напряженность может быть выше, чем во втором. За последние годы рост цен на продукты питания (минимальный набор) существенно опережал рост денежных доходов населения в большинстве федеральных округов России. Наибольший разрыв наблюдался в Дальневосточном ФО. Значительное опережение потребительских цен сравнительно с доходами населения происходило в Уральском, Северо-Западном и Центральном федеральных округах. Естественно, для населения названных территорий ситуация с ценами и зарплатой не выглядела привлекательной, и в данном случае социальный дискомфорт очевиден. В других федеральных округах ситуация несколько лучше, однако лишь в Приволжском ФО опережение потребительских цен на основные продукты питания было незначительным. Единственный федеральный округ, где реальные денежные доходы населения не отставали, а наоборот, росли опережающими темпами по отношению к указанным потребительским ценам, – Северо-Кавказский. Это свидетельствует о значительном потенциале общественного развития и перспективах улучшения социального климата на Северном Кавказе.

*«Вестник Российской нации»,
М., 2011 г., № 4–5, с. 188–211.*

Азамат Буранчин,
кандидат исторических наук
(ИГИ АНРБ, г. Уфа)
**СОВРЕМЕННОЕ БАШКИРСКОЕ ОБЩЕСТВО
В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Назначение летом 2010 г. Р.З. Хамитова главой региона ознаменовалось не только началом болезненной смены властной элиты в Республике Башкортостан, но и завершением процесса глубинной трансформации современного башкирского общества. По всей видимости, на наших глазах завершается длительный исторический цикл, который начался еще в 20–30-е годы XX в. и закончился с началом политики Р. Хамитова. Основная черта этой трансформации – переход традиционного башкирского общества к обществу городской культуры. Политический процесс лишь совпал с процессом социокультурным, и его уже не остановить.

Приход в 1990 г. во власть М.Г. Рахимова, поднявшегося на волне «народного» движения за суверенитет, только на время отсрочил, законсервировал многие модернизационные процессы, которые в течение XX в. вызревали внутри башкирского общества, однако с концом жестко авторитарного режима переход, видимо, окончательно произошел. Несмотря на то что современное башкирское общество все еще несет на себе черты аграрного общества и носители фундаменталистских ценностей активно противостоят этому процессу, история уже не на их стороне. Политическая модернизация, которую (во многом неосознанно запустил Р. Хамитов) лишь на время активизировало «башкирское национальное движение», в действительности является иллюзией возвращения социальной активности, которая так ярко проявила себя в начале 90-х годов.

Одновременно с этим процессом активно идет не только атомизация башкирского общества, но и сильнейший кризис национальной идентичности, поиск новых институциональных форм для нового общества. И сегодня как никогда актуальны вопросы: «Куда двигаться?»; «Кто такие башкиры?»; «Под какими идеями и ценностями можно собрать новую башкирскую нацию?». Поиск ответов на эти вопросы крайне сложен, поскольку он требует не только отказа от многих этнических мифов и стереотипов массового сознания, но критического отношения к собственному историческому опыту. В конечном счете в результате начавшихся про-

цессов должна либо возникнуть новая историческая субъектность, либо в течение XXI в. башкиры как этнос прекратят свое существование. Остается надеяться, что поднятая проблема будет адекватно осознана во всей ее сложности.

Башкирское общество накануне революции 1917 г. К началу XX в. традиционное башкирское общество подошло с целым комплексом неразрешенных социально-экономических и культурных проблем. Причины, приведшие к такому положению, возникли еще в начале XIX в., когда башкирский этнос пережил очередную болезненную социокультурную трансформацию. Именно в этот период башкиры сменили тип хозяйствования и окончательно были «привязаны» к земле. Радикальные изменения не могли пройти бесследно. В ходе данной болезненной мутации начинается ломка этнического сознания. Прежний «этнос» (как система) перестает адекватно отвечать на новые вызовы времени. Груз «старой» традиции начинает мешать башкирскому народу войти в процесс «капиталистической» модернизации, которая, особенно во второй половине XIX в., все больше набирает обороты в российской империи. Тем более что башкиры могли напрямую наблюдать, как соседний татарский этнос активно и успешно встраивается в новую «буржуазную» систему. Помимо социально-экономических проблем наиболее негативные процессы башкирское общество переживало в связи с резким «кризисом этничности». В чем заключалась данная проблема?

Разрушение этнокультурной замкнутости, бывшее одной из сторон разрушения локальных миров вообще, породило одну из наиболее важных форм кризиса локализма, которую можно назвать «кризисом этнической идентичности», или кратко «кризисом этничности». Кризис этничности был частью всего кризиса, вызванного атомизацией общества и автономизацией личности, и притом частью особенно заметной: перемены, связанные со сменой этнокультурной среды и появлением неизбежной при этом напряженности межэтнических отношений, принадлежали к числу наиболее осязаемых. Этническая напряженность именно по причине своей очевидности стала своеобразным центром, к которому стягивались все другие социальные напряженности, становилась источником грозных разрушительных сил.

Способность общества найти ответ на этот вызов времени зависела от его готовности принять всю совокупность связанных с модернизацией перемен, все новые основания организации социального мира. Если такая готовность существовала, то и в кризисе

этничности нетрудно было увидеть проявление очень глубоких, фундаментальных перемен, свидетельство обесценения самих этнических принципов социальной интеграции и необходимости перехода к иному типу интеграторов, к существенно иным, не этническим механизмам социального сплочения. Именно такая исторически новая задача была поставлена и разрешена рядом западных обществ, где и было выработано такое обобщающее решение понятие «нация».

В нашей стране, как пишет А. Вишневский, «в реальных условиях Российской империи начала XX в. у федерализма и национализма были значительные области пересечения интересов, что и привело их к сближению. Региональные элиты очень быстро поняли, какую мощную поддержку в борьбе за передел власти и влияния между ними и имперским центром они могут получить со стороны национальных движений. Поэтому федералистские идеи недолго удержались в рамках идеологии чистого “областничества”, т.е. расширения прав и возможностей областей вне связи с национальной идеей. Соблазн обращения к этническим чувствам был так велик, что даже русские сибирские “областники” предприняли попытку раздобыть себе “этническую родословную”, выдвинув идею “образования путем скрещивания и местных физико-исторических и этнологических условий однородной и несколько своеобразной областной народности”».

В невеликорусских же частях империи федерализм все больше окрашивался в национальные цвета и в конце XIX в. почти полностью слился с национализмом. Региональные элиты почувствовали себя намного более уверенно, когда смогли опереться на национальные движения и ощутить себя одновременно и национальными элитами.

Движения нерусских народов в начале века, и в том числе движение А.-З. Валиди, коренным образом отличались от западных буржуазных движений, поскольку на Западе активности, вызванной кризисом этничности, противостояла система гражданской нации. На Западе общепринято противопоставлять гражданское общество (нацию) этническому национализму. Это одна из тех дуальных оппозиций, которые составляют фундамент нетрадиционных обществ. В России же зачастую этнический национализм ошибочно связывают с крайним шовинизмом, а очень часто и либеральными ценностями, что в действительности абсурд. К примеру, члены башкирской молодежной организации «Кук бур», называя себя «националистами», одновременно выступают за

«демократические ценности». В действительности буржуазная нация на Западе подавляет этнический национализм различных гасконцев и басков, создавая при этом унифицированный конструкт под названием «общегражданская нация».

Несмотря на желание, в том числе и советских историков, квалифицировать движение автономистов во главе с А.-З. Валиди как «буржуазное движение националистов», в действительности его правильно квалифицировать как традиционалистское, консервативное, поскольку главным лозунгом участников Гражданской войны было возвращение вотчинного права на землю. То есть восстановление власти башкирской общины и требование особого статуса для башкир как народа («автономии»). Это было вызвано тем, что «буржуазные» реформы уже к концу XIX в. достаточно сильно ударили по локальному миру башкирского общества.

Таким образом, к началу XX в. башкирское общество уже было готово к (советской) консервативной модернизации. Наблюдался кризис этничности и рост национального сознания, старые институциональные одежды стали тесны для новой реальности. Статичное состояние башкирского общества (локальный мир), которое не менялось веками, пришло в движение, и остановить ход истории уже ничто не могло. Общество готовилось шагнуть из архаики (премодерна) к современности (советскому модерну).

Башкирское общество в условиях советской модернизации. С победой Октябрьской социалистической революции началось складывание основ советской системы. Несмотря на то что идеологи суверенитета обвиняли в свое время СССР в разрушении башкирской национальной идентичности, в реальности картина была с точностью до наоборот. Все жители СССР имели двойную самоидентификацию – этническую и гражданскую, причем и та и другая были закреплены официально. И это притом, что, как уже говорилось выше, западное гражданское общество и гражданская нация противостоят этническому национализму, поскольку построены на разрушении последней.

В советской системе собственно русский народ исполнял функции гражданской нации, не имея этнической идентичности. Именно эта причина, по мнению либерального демографа А. Вишневого, привела к тому, что «сепаратистские устремления, приведшие в 1991 г. к распаду СССР, легко достигли цели, прежде всего именно потому, что не встретили значительного сопротивления со стороны российской, преимущественно русской, элиты, из которой в основном рекрутировалась и союзная элита».

В СССР этнический национализм нерусских народов не только не подавлялся, но и искусственно поддерживался. Практически все нерусские народы получили формальные признаки «гражданских наций» – язык, национально-государственную территорию, систему национальной печати, театров и т.д. Парадокс ситуации заключался в том, что постоянно осуждаемый на словах этнический национализм – антипод гражданского общества – стал нужным и эффективным инструментом власти, успешно стимулировал советский режим. Кроме того, именно в советский период башкирский народ, «подтянувшись» до уровня нации, получил региональную этническую элиту.

В целом модернизация советского времени резко ускорила формирование новых региональных элит у нерусских народов. Она усложняла жизнедеятельность городских и региональных систем, увеличивала их внутреннее разнообразие, пронизывала их горизонтальными экономическими, социальными и прочими связями. Все это с неизбежностью вело к возникновению или расширению множества независимых элитарных социальных статусов, источником которых была сама региональная или локальная социальная ткань. В ней должно было найтись место не только для руководителей местных органов власти, но и для директоров крупных предприятий, председателей колхозов, редакторов газет, крупных ученых и писателей, знаменитостей артистического или спортивного мира и т.п.

Однако советская модернизация вела к развитию региональных элит лишь в той мере, в какой это соответствовало ее инструментальным целям. Там же, где это соответствие кончалось, развитие элит блокировалось. Региональная элита до конца оставалась по преимуществу статусной, «номенклатурной», напоминавшей элиту феодального общества. Она зависела от начальства, от его субъективных оценок, назначений, «пожалований» больше, чем от объективных результатов своей деятельности.

Советский элитарный истеблишмент был моноцентрическим, как во времена самодержавия. Все эти его свойства воспроизводились – пожалуй, даже в усиленном виде, – на региональных уровнях, где непосредственная зависимость каждого от местного централизованного «партийного руководства», местного ЦК или обкома коммунистической партии и персонально его первого секретаря была особенно очевидной.

Во главе регионов обычно стояли наместники Москвы, нередко перемещавшиеся Центром из региона в регион без всякой

оглядки на их экономическую, национальную или культурную специфику. В Москве, пусть и при участии таких заместников, решалось, кого назначить директорами крупнейших предприятий региона, кому считаться выдающимся местным писателем или композитором, кому быть академиком или президентом местной академии наук и т.п.

В «национальных» республиках местная элита вербовалась по преимуществу из представителей коренных этносов (политика «выращивания» национальных кадров), но это не меняло ее номенклатурной сути.

Вся эта система имела известный смысл, когда внутренние силы регионов были неразвиты и в них возводились, порой на пустом месте, леса будущей региональной конструкции: создавалась система современного административного управления, строились первые заводы, открывались университеты или театры и пр. Но со временем раз созданные экономические, культурные и прочие конструкции начинали жить своей жизнью, к тому же перемешивались с жизнью, существовавшей здесь и прежде. Рядом со старыми номенклатурными элитами, отчасти и внутри них, складывались элиты нового типа, во многих отношениях глубже укорененные в новой собственно региональной почве. Интересы этих новых элит были двойственными.

С одной стороны, они были порождением модернизации и в целом безусловно принимали ее инструментальные результаты. В этом смысле они должны были быть заодно с номенклатурой и идти даже дальше нее в своем неприятии возрождения традиционалистских элит, пытавшихся опираться только на консервативную составляющую советской модернизации – на сохранявшуюся, а иногда и охранявшуюся социальную архаику, – но преувеличенно резко критиковавших многие ее инструментальные последствия. В то же время в своем региональном качестве новые местные элиты должны были выступать как противники номенклатуры, олицетворявшей централизм унитарного государства, и видеть союзников в традиционалистах, идеология которых всегда строилась на подчеркивании региональных и (или) этнических и этно-религиозных особенностей.

В разных частях СССР двойственность новых региональных элит проявлялась по-разному – в зависимости от степени продвинутости по пути модернизации и реального соотношения модернистских и традиционалистских сил.

Итоги советской модернизации. В целом одним из главных результатов развития башкирского общества в условиях советской модернизации стало появление новой советско-башкирской национальной интеллигенции, в основном гуманитарной и творческой, в ущерб технической. Это был, по сути, совершенно новый культурный и социальный тип, который достаточно сильно отличался от дореволюционной башкирской элиты. Одновременно он соответствовал маркерам «человека традиционной культуры». Характерными его чертами были: сакрализованное сознание (при отсутствии отрефлексированного пласта традиционной религиозной культуры); способность легко самоорганизовываться на традиционалистской основе; достаточно высокий уровень образования и культуры.

Как точно охарактеризовал его А.Г. Вишневский, это был «соборный человек с университетским дипломом». По его мнению, «советская культурная модернизация обеспечила стремительный рост образования, приобщение к современным техническим и научным знаниям, другие инструментальные изменения, без которых невозможно становление современного типа культуры, а значит, и типа личности. Но она не привела к вытеснению средневековой холистской культурной парадигмы современной индивидуалистской, породила Homo soveticus – промежуточный тип личности, сочетающий в себе черты современности и традиционной “соборности”».

Со своей стороны хотелось бы отметить, что наиболее слабым местом социалистической ускоренной модернизации был существенный разрыв между «переходом к современности» и традиционной культурой, что, в общем, было характерно для советской цивилизации. Башкирское общество не успевало выработать и адаптировать свою культуру к резким социальным изменениям. В результате сверхускоренной урбанизации и попыток со стороны советской власти искусственно создать новую башкирскую интеллигенцию возникла гомогенная социальная прослойка, которая обладала всеми признаками локального синкретизма. Высокая мобильность советского вертикального лифта подняла из глубин башкирского народа наиболее социально активных и талантливых людей, но парадокс ситуации заключался в том, что эти люди (новая элита) не были итогом органичного развития башкирской культуры. В глубине их ментального пласта лежала социальная архаика, которая лишь поверхностно была покрыта оболочкой советской культуры. Вчерашние сельские жители, т.е. носители осо-

бой психоментальности, по сути, за очень короткий исторический срок стали известными башкирскими учеными, художниками, писателями, врачами и т.д., однако такая ускоренная модернизация таила в себе главную опасность – неспособность синкретизма критически оценивать себя и существующую социальную действительность. Новая советско-башкирская элита обладала мифологизированным сознанием и крайне слабым уровнем исторической саморефлексии.

Наиболее ярко башкирский фундаментализм проявился в культуре и социальной жизни в 30–40-е годы, а затем и в послевоенный период. Символами этой эпохи стали композитор З. Исмагилов, писатели М. Карим, Н. Нажми, З. Бишшева, художник А. Лутфуллин и многие другие. Их заслуга заключалась в том, что они сумели достаточно органично трансформировать башкирскую народную культуру в формы высокой (советской) культуры. Они создали и оставили после себя прекрасные образцы высокой башкирской культуры, основанной на традиционных пластах народного сознания. (Примером наиболее органичной стилизации можно считать песню З. Исмагилова «Шаймуратов генерал», которую многие до сих пор считают народной.)

В эти годы появились новая башкирская художественная литература, башкирская опера, национальная печать и даже кинематография. Безусловно, что это одна из самых положительных сторон советской модернизации, хотя и здесь были отрицательные стороны. В том числе излишний русоцентризм и очень заметное влияние советских идеологических штампов (например, известные строчки М. Карима – «не русский я, но россиянин»). Кроме того, сами образцы и формы высокой культуры были привнесены советской цивилизацией, являлись результатом развития советского модерна, что тем не менее нисколько не умаляет историческое значение башкирской советской культуры. Резкий модернизационный скачок выявил и другие негативные явления, показал незрелость новой башкирской интеллигенции. К примеру, в этот период многие башкиры, в том числе и представители национальной интеллигенции, называли своих детей революционными, а в действительности чуждыми своей культуре именами – Тельман, Дарвин, Ревмир, Магнит и т.д. Особо ревностные носители коммунистической идеологии из башкир считали родной язык, традиции ненужной архаикой, мешающей строить социализм. В том числе и со стороны партийных органов негласно культивировалось нигилистическое отношение к национальной культуре в целом. Однако эти

явления не носили явно выраженного антибашкирского характера и были постепенно изжиты к 80-м годам.

Между тем новая модернизационная волна выводила на историческую сцену следующее поколение башкирской интеллигенции. На смену представителям советского фундаментализма 30–40-х годов шло поколение башкирской традиционалистской элиты, которое наиболее активно приняло участие в общественно-политической жизни республики в позднесоветский, а затем и в период парада суверенитетов. Главной ее чертой можно назвать отказ от жестких фундаменталистских установок традиционного общества и более зрелый «интеллигентный» характер. Социокультурные параметры башкирского общества к этому моменту уже подверглись определенным изменениям. Старая, холистская парадигма постепенно расшатывалась, разрушалась. Сама башкирская культура становилась более утонченной, дифференцированной. Коллективистские ценности традиционного общества вытесняются личностными, индивидуалистскими установками. Литературоцентризм советской башкирской культуры порождает таких талантливых писателей-общественников, как Газим Шафиков, Р. Бикбай и др. Однако вместе с ними уже появляется и Рами Гарипов, который выступает прежде всего как поэт лирический. Его поэтический язык сочетает простую и яркую есенинскую образность с восторженностью пастернаковского мировосприятия.

Одновременно в это время начинается процесс вызревания этнического национализма, крайнее проявление которого выживится в 90-е годы. Появление новой генерации башкирской интеллигенции характеризуется ростом национального самосознания и патриотизма. Именно в 70–80-е годы получают распространение истинно башкирские имена, такие как Салават, Азамат, Юлай, Урал и т.д. Природа этого явления была двоякой. С одной стороны, она была реакцией на резкое изменение типа жизни, вызванное урбанизацией: культура, хоть и очень медленно, становилась городской. Этот крайне болезненный, но объективный процесс интеллигенция БАССР ошибочно интерпретировала как дефективность советской системы и попыталась ответить усилением этнической идентичности. Чутко уловивший негативные процессы деэтнизации Р. Гарипов отразил это в стихотворении «Туган тел» («Родной язык»), за что подвергся гонениям со стороны партийных органов.

С другой стороны, в этом явлении уже были черты антисоветской и националистической идеологии, которые со временем вылились в движение за суверенитет в 90-е годы.

В советский период башкирский этнический национализм был социальной и политической реальностью. Внутри хозяйственной и властной (партийной) элиты БАССР, в первую очередь среди башкир, была четкая идентификация «свой–чужой», несмотря на то что все это было прикрыто лозунгами интернационализма и т.д. Одновременно у советского башкирского народа не было этноцентризма, который удалось активизировать местной интеллигенции лишь в 90-е годы.

Таким образом, в этот период в результате своеобразного синтеза башкирской народной «почвы» (премодерна) и культурной политики государства (модерна) возник специфический социокультурный феномен, который условно можно назвать «советской версией башкирского традиционализма».

Башкирское общество в постсоветский период. Про движение за суверенитет БАССР и в целом о политическом развитии республики в 1990–2010 гг. на сегодняшний день написано достаточно много, в том числе и региональными учеными. Остается уточнить лишь некоторые моменты этого сложного и противоречивого периода.

Особенностью «движения за суверенитет» можно считать то, что оно стало проявлением крайне специфического социального феномена. Слом традиционной империи (СССР) дал на выходе яркую политическую вспышку, которая в начале 90-х годов у башкирского народа сопровождалась очередным витком этногенеза. Именно в этот период башкирской интеллигенцией и новым режимом были заложены параметры для обновления башкирского народа. Поскольку идеологическим обеспечением «парада за суверенитет» занималась главным образом интеллигенция, которая поднялась за счет советского вертикального лифта из локального мира, то эти люди, на наш взгляд, задали крайне жесткие и узкие поля башкирской этничности. Такими маркерами в постсоветское время стали «язык», «сельское происхождение», «традиционные ценности», «этноцентризм».

И это притом, что спектр башкирского общества уже к началу 90-х годов был намного богаче и шире. Советская модернизация не прошла для башкирского народа бесследно – именно в этот период внутри башкирской этничности возникает уже новый культурный тип – «люди советского модерна». Эта менее этнизированная прослойка башкирского общества была проводником модернизационных идей. В основном это были инженеры на сложном техническом производстве, поколения нефтяников, ученые и др.,

которые в отличие от основной башкирской интеллигенции не сбивались по этническому признаку. Другими словами, это были люди, которые нашли свое место в советской системе, не используя этнические привилегии. Своеобразный башкирский «советский средний класс». Кстати, именно этот тип людей и был, на наш взгляд, отодвинут на второй план в период «парада за суверенитет», что и позволило архайке разрастись до больших размеров. Сегодня среди башкир к этому типу людей можно отнести, к примеру, историка Б. Азнабаева, Л. Гумерову, А. Бердина и многих других, включая и президента Р. Хамитова.

К сожалению, в новом национальном конструкте, который был создан в начале 90-х годов, кроме «людей советского модерна», не оказалось места ни для русскоязычных, ни северозападных, ни городских башкир. Хотя время шло и их становилось все больше, старые рамки этничности уже трещали по швам. Была и более глубинная причина этого процесса – урбанизация. Современное башкирское общество перестало быть деревенским. Сегодня уже 50% башкир живут в городах, пытаясь с трудом освоить новое социальное пространство. И этнические мобилизаторы просто перестают действовать. В условиях городской действительности требуются новые интеграционные механизмы, основанные на «гражданской», а не на этнической солидарности.

Одновременно «движение за суверенитет» было в реальности глубоко традиционалистским движением. На его волне к власти пришли носители локальной ментальности, которые длительное время оказывали существенное влияние на политический процесс в Башкортостане. Республика в течение 20 лет двигалась по траектории «консервативной модернизации» и пыталась, по сути, повторить путь СССР. Типично этатистскими методами оно старалось решить проблемы культурной, экономической и политической модернизации. На определенном этапе это оградило село, защитило преимущественно «аграрное» башкирское население, однако под конец эти достоинства обернулись отставанием республики, нерешенностью многих социально-экономических и политических проблем. Другими словами, ситуацию в регионе удалось на время законсервировать, однако процессы как негативного, так и позитивного характера, которые давно шли в других субъектах Федерации, сегодня начались и в Республике Башкортостан.

Таким образом, на данный момент мы наблюдаем не только процесс смены элит, но и демонтаж «постсоветского башкирского народа», который был собран в начале 90-х годов. С сожалением

приходится признать, что эта форма «народа» (основанная на жестком этноцентризме) изжила себя изнутри – и идеологически, и морально, и политически. «Суверенитетская» властная и этнополитическая элита РБ уже под занавес «рахимовского режима» показала свою полную неадекватность. До последнего момента она наивно считала, что для основной массы башкирского населения идеи государственного суверенитета важнее элементарных проблем выживания, порожденных катастрофическим переходом к «рынку».

Приход Р. Хамитова и его политические реформы задели интересы башкирского общества, поскольку оно за 1990–2010 гг. оказалось вертикально интегрированным в структуру региональной власти. Нужно признать, что горизонтальные связи общества сегодня крайне ослаблены, повреждены в ходе «догоняющей» модернизации (хотя уровень башкирского традиционализма по-прежнему высок, во всяком случае выше, чем, к примеру, у русских или татар республики). Ситуация усложняется и тем, что общественные институты, такие как Всемирный курултай башкир, например, не могут взять на себя в настоящий момент функции «гражданского общества», с трудом реагируют на необходимость менять формат своей работы. Связанно это в первую очередь с тем, что они изначально были нацелены на выполнение скорее представительской роли, были своеобразной подсистемой прежней региональной власти. Любопытно отметить, что попытки нового председателя ВКБ И. Султанмуратова сделать более адекватным политической реальности дискурс организации, уйти от радикальной политизации, вызвали резкое недовольство у старого поколения башкирских общественников. И это притом, что они сами, чувствуя назревшую необходимость в смене элиты, стали инициаторами его назначения, поскольку даже в возрастном плане в ВКБ к 2010 г. практически не осталось молодежи.

Современный кризис башкирской этничности делает, на наш взгляд, актуальной и проблему нового нациестроительства. Главным образом, через иные интеграционные механизмы, которые нужно как можно скорее выработать. В совершенно иных (от советского периода) политических и социально-экономических условиях эти вопросы для башкирского народа приобретают центральное, экзистенциальное значение. Требуют хотя бы активной научной рефлексии со стороны башкирской интеллигенции.

Хотелось бы отметить, что буквально через 10–15 лет общие социокультурные параметры башкирского общества изменятся, если не радикально, то очень значительно. На смену советскому идет новое поколение башкир, плохо знающее или совсем не владеющее родным языком, с менее фундаменталистскими взглядами и ценностями и т.д. Исходя из этого, уже сегодня необходимо расширять рамки этничности, не гипертрофировать проблему ассимиляции или утери национальной идентичности. На наш взгляд, новая башкирская нация должна быть собрана не по языковому и социальному признакам, а прежде всего по самосознанию. Только в таком случае найдется место и русскоязычным, и городским, северо-западным и другим башкирам.

В идеологическом плане необходимо уйти от ненужного противостояния с центральной властью, двигаться в сторону цивилизованного диалога. Любым формам радикализма нужно противопоставить меру и здравый смысл. При всех перипетиях политического характера башкирский народ стоит на пороге нового витка этногенеза – через некоторое время «старый народ» 90-х годов окончательно сойдет с общественно-политической сцены. Именно поэтому сегодня крайне важно изначально верно заложить параметры новой башкирской нации, постараться избежать ошибок 90-х годов. «Собрать» народ на основе традиционных и этнических ценностей, через органичный синтез традиции и модернизации.

*«Перспективы модернизации традиционного общества»,
Уфа, 2011 г., с. 116–127.*

Андрей Лукиенко,

публицист

(Ставропольский государственный университет)

КУЛЬТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

РОСТА НАПРЯЖЕННОСТИ

В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

В течение последних 20 лет трансформационные процессы, охватившие все сферы общественной жизни в постсоветской России, актуализировали старые и породили новые проблемные плоскости межэтнического и межкультурного взаимодействия. Стремительный региональный процесс этнокультурного самоопределения, этнокультурной «суверенизации», ярко проявившийся

в 1990-е и 2000-е годы в России, охарактеризованный А.Л. Андреевым как «этническая революция», совпал с общемировыми тенденциями актуализации «этнонационального вопроса». Эти процессы вызваны, согласно точке зрения В.А. Тишкова, стремлением к устранению ситуации исторической, социально-политической «несправедливости» («наследства» колониальной и неоколониальной политики), дискриминации расовых, иммигрантских, этнорелигиозных групп; реакцией этнокультурных общностей на процессы глобализации (развертыванием процесса трайбализации как охранительной реакции на нивелирующие тенденции массовой культуры и быта); обострением конкуренции сообществ за использование ограниченных ресурсов жизнеобеспечения.

Наращение напряженности в Северо-Кавказском регионе в этом смысле является отражением общемировых процессов и тенденций. В результате мощных, почти не контролируемых процессов этнорелигиозного ренессанса актуализировались такие деструктивные явления, как радикальный этнический национализм и экстремизм в религиозной сфере, которые дестабилизируют ситуацию на Северном Кавказе в течение последних двух десятилетий, не позволяя в полной мере реализоваться позитивным тенденциям в развитии региона. Вместо решительного модернизационного прорыва в действительной жизни региона все отчетливее проявляется то, что лучше всего назвать системным кризисом.

Причинами системного кризиса на Северном Кавказе являются внутренние (политико-идеологические) и внешние (геополитические) факторы. К ним необходимо отнести: развал единой, мощной державы Советского Союза, ослабление властной вертикали на уровне государственного управления, возникновение националистического сепаратизма, утрату прежних мировоззренческих идеалов и ориентиров, возникновение идеологического вакуума, кризис гражданской идентичности. Данные обстоятельства создали напряженность в регионе и стали очагом возгорания межэтнических противоречий. В результате роста терроризма и экстремизма указанные выше факторы создали основу, при которой этнополитические и этноконфессиональные конфликты приобрели существенную динамику.

Важным аспектом исследования напряженности на Северном Кавказе является культурно-идеологический фактор, к его проявлениям прежде всего следует отнести феномен религиозного возрождения, ставший одной из наиболее знаковых тенденций развития постсоветской России. Следует отметить, что в Советском

Союзе религия фактически находилась под запретом, вследствие чего процент верующих существенно снизился, а роль религии в целом значительно ослабла. За последние 20 лет позиции религии в России в значительной степени были восстановлены, религиозный фактор стал преобладающим в ряде сфер общественной жизнедеятельности, в том числе и в сфере образования.

Необходимо отметить, что процесс религиозного возрождения не оказал существенного влияния на модернизированные части Российской Федерации, а в традиционалистских регионах, в частности на Северном Кавказе, оно стало важнейшим фактором развития многих процессов, большая часть из которых не способствует решению многочисленных проблем региона. «Религиозная пропаганда, направленная в первую очередь на молодежь, вместе с приобщением их к основам веры, к исламской культуре, нравственности, одновременно формировала косный догматический тип мышления, авторитарно-консервативные, традиционалистские стратегии социального поведения». Подобные установки сознания во многом предопределяют демодернизационные тенденции в развитии северокавказского социума, становятся слагаемым на пути реальных социально-политических преобразований.

Важнейшей составляющей религиозного возрождения в Северо-Кавказском регионе является открытие мечетей и медресе. Значительное увеличение количества культовых сооружений произошло еще в последние годы существования СССР. Если в 1985 г. на Северном Кавказе насчитывалось всего 47 зарегистрированных пятничных мечетей (джума), из них 27 в Дагестане, то уже в 1990 г. их число подскочило до 431. На начало 2010 г. в Республике Дагестан насчитывалось уже 2200 мечетей при населении в 2,6 млн. человек. Это означает, что в Дагестане одна мечеть приходится примерно на 1 тыс. жителей, в то время как в «русских краях и областях» одна православная церковь приходится на 10–15 тыс. жителей. Например, в Ростовской области на 4 млн. человек, исповедующих православие, приходится 260 православных церквей.

Исходя из этих данных, создается впечатление, что процесс религиозного возрождения на Северном Кавказе чуть ли не полностью элиминировал секулярные модели жизнедеятельности, сконструированные в период существования СССР. Советская власть в течение многих лет выстраивала в регионе систему светской общеобразовательной школы на русском и национальных языках. В результате были достигнуты значительные успехи в деле

формирования у народов Северного Кавказа светского мировоззрения, основанного на научной традиции. В то же время успехи мусульманской школы за первое десятилетие исламской «культурной революции» впечатляют. Так, в Дагестане в период с 1987 по 1996 г. появились 670 мектебов, 25 медресе и 13 исламских вузов с филиалами в сельской местности. Почти в каждом городе и селе заработали курсы по изучению основ исламской религии. Учебные заведения религиозного характера есть в 40 из 42 сельских районов, в девяти из 10 городов Дагестана.

С другой стороны, необходимо отметить, что учебные курсы и методы преподавания многих исламских университетов скопированы со светских вузов России. Наблюдается странная смесь из традиционных дисциплин медресе (например, экзегетики-тафсира, 432 часа в год) с физкультурой (360 часов), информатикой, историей Отечества, основами международных отношений (по 72 часа) и даже астрофизикой (72 часа), которую изучают в Северокавказском исламском университете им. Шейха Мухаммеда-Арипа в Махачкале. Итогом такого соединения дисциплин становится низкий уровень подготовки выпускников исламских вузов, многие из которых в поисках работы вынуждены получать второе светское образование.

Еще одним важным элементом процесса религиозного возрождения на Северном Кавказе стало массовое обучение северокавказской молодежи в иностранных учебных заведениях религиозного характера. На Северо-Западном и Центральном Кавказе (Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария и Северная Осетия) прослеживается турецкое влияние, что обусловлено историческими обстоятельствами (распространение ислама в этих регионах Северного Кавказа шло из Турции и из вассального Турции Крымского ханства, в Турции сегодня пребывает значительная черкесская диаспора). Поэтому вполне естественно, что именно в Турцию устремились потоки желающих получить мусульманское образование. В то же время некоторая часть молодежи из упомянутых республик сделала ставку на страны Ближнего Востока (Сирия, Иордания, Королевство Саудовская Аравия и др.). Например, лидеры движения «молодых мусульман» в Кабардино-Балкарии, близкие к печально известному по событиям 14 октября 2005 г. в Нальчике «джамаату Ярмук», – М. Мукожев и А. Астамиров – получили образование в исламском университете в Эр-Рияде (Королевство Саудовская Аравия, или КСА). Молодые мусульмане Северо-Восточного Кавказа (Дагестан, Чечня и Ингуше-

тия) в основном выезжают в Сирию (Дамаск), Египет (Каир, университет «Аль-Азхар»), государства Персидского залива, прежде всего в КСА. Некоторые тюркоязычные этносы Дагестана (кумыки, ногайцы) предпочитают Турцию.

В целом, по оценочным данным, в течение 1990-х годов более 4 тыс. молодых людей из Северо-Кавказского региона получили исламское образование за рубежом. Многие из них после возвращения на родину проявляли и проявляют себя как приверженцы радикальных течений в исламе, в частности ваххабизма. Их деятельность входит в противоречие с традиционными для Северного Кавказа течениями ислама, часть этих людей прямо становится на путь религиозного экстремизма и терроризма. Например, в октябре 2006 г. в Нальчике состоялся митинг под лозунгом: «Нет террору». На митинг собралось более 5 тыс. человек, в основном из числа молодежи. Выступивший на митинге председатель общественной национальной организации кабардинцев «Адыгэ Хасэ» М. Хафицэ отметил, что среди кабардинцев никогда не было религиозных фанатиков: «Отправляя наших детей учиться в арабские страны, мы порой не замечали, что возвращаются они уже другими людьми, ваххабитами. То, что случилось, – беда для каждого из нас. А население республики потеряло значительный пласт генофонда!»

Немаловажную роль в радикализации исламского движения в современной России сыграли события, происходившие в Чечне. На ее территории в начале 1990-х годов стала формироваться инфраструктура по подготовке боевиков под прикрытием «изучения основ ислама». На деньги экстремистских организаций в Чечне была развернута сеть лагерей – липовых медресе. Под руководством саудовца Хаттаба в середине 1990-х годов в селении Сержень-Юрт Шалинского района был создан «учебный центр», который состоял из пяти лагерей, в которых «курсанты» изучали арабский язык, шариат и военное дело (тактика партизанской войны, подрывное дело и т.д.). В конце 1997 г. дагестанец Б. Кебедов перебрался из Дагестана в Чечню (Урус-Мартан), где возник другой крупный «ваххабитский центр», откуда и координировались действия радикалов на территории Дагестана.

Помимо образования, религиозное возрождение повлияло на рост и последующую радикализацию этноконфессиональной идентичности, что способствовало обострению ситуации в Северо-Кавказском регионе. Сегодня этноконфессиональная идентичность становится основой самоопределения и поведения как отдельных

субъектов, так и целых социальных групп. Наиболее опасным следствием абсолютизации этноконфессиональной идентичности является религиозный радикализм.

Говоря о религиозном радикализме, следует отметить, что как явление внутриконфессиональное (сектантство) он означает притязания религиозной группы или течения на олицетворение чистоты веры и догматическую непримиримость к иным толкованиям данного вероучения. Как явление общественно-политическое (фундаментализм), он означает требование строить и регулировать всю общественную практику в полном соответствии с религиозными предписаниями. В то же время религиозный экстремизм представляет собой совокупность действий, направленных на воплощение в жизнь конфессиональных и социально-политических установок религиозного радикализма (сектантства и фундаментализма), если они осуществляются в нарушение Конституции и законов Российской Федерации.

Наиболее опасным является экстремизм, в основе которого лежат идеологические, особенно религиозные, убеждения и прикрываемые ими политические цели и установки. Этот вид экстремизма не всегда и необязательно связан с социально-экономическим положением его сторонников. В его формировании ведущая роль принадлежит преданности идее, догмам и установкам, независимо от того, является ли эта идея светской или религиозной. Убежденность в том, что эта идея божественна, а потому безупречна и справедлива, придает ей мощную и притягательную силу, а у ее последователей создает иллюзию, что, борясь за ее претворение в жизнь, они выполняют миссионерскую, даже мессианскую роль, оправдывающую любые их действия. Вот почему при всей ложности их предпосылок к подобным экстремистским течениям примыкают самые разные люди. Некоторые непосредственно участвуют в реализации идей, другие способствуют их деятельности моральной поддержкой и щедрыми финансовыми пожертвованиями. А третьи, даже не разделяя эти идеи, цинично используют их сторонников в своих корыстных целях.

Наиболее ярким выражением религиозного радикализма и экстремизма на Северном Кавказе является ваххабизм. В основу его идеологии заложены религиозная дискриминация и призывы, направленные на возбуждение вражды против «неверных». Для представителей этого религиозного направления к таковым относятся все те, кто не разделяет их взглядов, т.е. последователи всех без исключения не только религиозных, но и идеологических те-

чений. Так, по мнению ваххабитов, «принадлежность к атеистическим течениям наподобие течений коммунистических, светских, демократических, капиталистических или иных подобных им течений неверных является вероотступничеством от религии ислама». В список подобных идеологических течений включаются также «антирелигиозный секуляризм, угнетательский капитализм, марксистский социализм, атеистическое масонство». Сильно достается иудаизму, который «стоит за спиной всех и за каждой разрушительной доктриной, подрывающей мораль и духовные ценности»; к таковым доктринам относятся масонство, мировой сионизм и бабувизм.

Любая форма реализации социально-политического устройства, если в ее основе не лежит шариат, как его представляют ваххабиты, является «неверием». «Неверие – это правление и суждение не на основе ниспосланного Аллахом». «Неверием» объявляется и любая человеческая законодательная и нормотворческая деятельность. «Неверие – притязание на право издавать законы, разрешать и запрещать».

Ваххабизм представляет собой идеологию зла и ненависти к так называемым «неверным», распространяет призывы, направленные на возбуждение религиозной вражды, грозит применением насилия в случае неподчинения ваххабитскому диктату. Для наглядности приведем прямую речь одного из идеологов данного течения: «Необходим джихад во имя Аллаха. Мы должны объявить войну каждому, кто борется против Аллаха и Его посланника (да благословит его Аллах и приветствует), так, чтобы исчезло всякое язычество». Под «язычеством» подразумеваются все неваххабитские течения, как религиозного, так и совершенно светского характера.

Рассматривая ваххабизм как один из факторов, создающих напряженность и провоцирующих конфликты, следует подчеркнуть, что на Северном Кавказе предпринимались попытки на законодательном уровне запретить деятельность ваххабитских организаций. Так, были изданы указ президента «Чеченской Республики Ичкерия» (1997) и распоряжение главы Временной администрации Чеченской Республики (июль, 2001) о запрете деятельности религиозных организаций и групп, исповедующих ваххабизм. В Дагестане также был принят Закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан». Однако все эти меры не принесли желаемого результата.

Становится очевидным, что эскалация экстремизма и терроризма во многих северокавказских республиках напрямую связана с действиями носителей идеологии радикального ислама – ваххабитов. Террористическая война в последние годы в той или иной мере практически повсеместно распространилась по Северному Кавказу. Терроризм помолодел, интеллектуально окреп, демонстрирует способность к самоорганизации и самовоспроизводству. Подтверждением этого могут служить регулярные проявления террористической активности. Большой резонанс получили убийства двух высокопоставленных мусульманских лидеров, отличавшихся особой непримиримостью по отношению к ваххабизму, – заместителя муфтия Дагестана Ахмада Тагаева, убитого двумя выстрелами в голову 25 мая 2009 г., и первого заместителя муфтия Карачаево-Черкесии, ректора исламского института в Черкесске Исмаила Бостанова, расстрелянного вместе со своим сыном в машине в день праздника Ураза-байрам 20 сентября 2009 г. Мусульмане Северного Кавказа лишились сразу двух авторитетных богословов, реально противостоявших экспансии экстремистов.

15 января 2010 г. заместитель министра внутренних дел РФ Аркадий Еделев заявил, что в адрес мусульманского духовенства на Северном Кавказе все чаще звучат предупреждения о расправе. «Все больше угроз получают те исламские священнослужители, которые призывают к борьбе с религиозным экстремизмом», – подчеркнул он. Действительно, многие имамы региона встали сейчас перед выбором – сохранить верность своей вере и тем самым подвергнуть смертельной опасности свою жизнь, либо заняться пропагандой ваххабизма, максимально рискуя получить лишь небольшой срок за разжигание религиозной розни, как это произошло в свое время с пятигорским имамом Абдуллой-Антоном Степаненко.

Пропаганда религиозного экстремизма наибольшее воздействие оказывает на молодежь. Так, командующий Объединенной группировкой войск на Северном Кавказе генерал Н. Сивак делает неутешительный вывод: «К сожалению, отток молодежи в ряды боевиков по-прежнему имеет место, многим из тех бандитов, которых мы ловим в горах, от силы 20 лет». При этом генерал приводит две основные причины происходящего. Во-первых, он связывает это с материальным фактором и безработицей в Чечне. По его словам, почти 60% трудоспособного населения не имеют работы. При этом даже работающие люди получают нищенскую заработную плату, которая «в среднем составляет всего 2,5 тыс. руб. в

месяц». Вторую причину оттока молодежи к боевикам генерал Н. Сивак видит в сохранившейся оппозиционности населения к местной власти. По его словам, «местное население либо поддерживает бандгруппы, либо относится к ним нейтрально, не противодействует им и не сдает их федеральным силам. Если бы не такое отношение жителей, с бандгруппами давно было бы покончено».

В этой связи следует отметить, что наличие террористического подполья является существенным фактором, способствующим распространению ваххабитского учения, идеологии экстремизма и терроризма на территории Северо-Кавказского региона. Не вызывает сомнений то обстоятельство, что решение всего комплекса проблем, создающих этнополитическую напряженность на Северном Кавказе, невозможно до тех пор, пока ваххабитская идеология будет не только духовно питать подполье, но и способствовать пополнению его рядов за счет «уловленной» молодежи.

Таким образом, процесс религиозного возрождения на Северном Кавказе создает благоприятную почву не только для позитивного духовного развития северокавказского социума, но и для генезиса радикальных интерпретаций исламского вероучения. Одновременно резко повышается значимость культурно-идеологических факторов напряженности в регионе. Так, именно обладание мощной идеологической базой дает возможность террористическому ваххабитскому подполью увеличивать количество своих приверженцев – как активно действующих членов террористических групп, так и «симпатизирующих» среди населения республик. Данное обстоятельство говорит о том, что пока не удалось создать эффективных методов и инструментов для противостояния ваххабитскому влиянию.

Борьба с «новым терроризмом» как особо опасным уголовным преступлением в Российской Федерации ведется, как и во многих других государствах, по следующим основным направлениям: совершенствование правовой базы, укрепление и улучшение деятельности специальных служб, усиление борьбы с финансированием терроризма, активизация разъяснительной и пропагандистско-идеологической работы. Если успехи на первых трех направлениях в последние годы очевидны, то в последней области значимого прорыва не ощущается, особенно в мусульманской среде. В этих условиях одним из реальных инструментов противодействия аксиологической агрессии со стороны религиозного экстремизма и религиозно-политического терроризма может стать

разработка и реализация масштабной культурно-идеологической стратегии, главной целью которой будет интеграция Северо-Кавказского региона в общероссийское социокультурное пространство, преодоление этнокультурных и ценностно-идеологических противоречий как внутри самого региона, так и с точки зрения взаимодействия России и Северного Кавказа, взятого как неотъемлемая часть Российской Федерации.

*«Научная мысль Кавказа»,
Ростов н/Д., 2011 г., № 4, с. 99–104.*

А. Драганов,

политолог

**ИРАН И КАВКАЗ В СТРУКТУРЕ
СОВРЕМЕННЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ**

Кавказский регион является уникальным геополитическим и этногеографическим анклавом. Именно эти обстоятельства влияют на его конфликтный потенциал и на распределение в нем силовых центров. Историческая особенность разделения Кавказа на Северный и Южный определила и формы взаимодействия внутри этого региона, и его место в отношениях внешних сил.

После прихода к власти в Исламской Республике Иран Махмуда Ахмадинежада в 2005 г., геополитические процессы внутри страны резко изменились: некоторые исследователи считают, что до Ахмадинежада правительство Ирана достаточно невнятно отстаивало национальные интересы страны на мировой политической арене. Иран во главе с М. Ахмадинежадом начал активно осуществлять свои представления о национальных интересах в международных отношениях, при нем получила дополнительный импульс «ядерная программа» по освоению энергии «мирного атома», началась активная политика в нефтяном бизнесе и в газовой сфере.

Однако полностью утверждать о том, что до президентства Ахмадинежада страна не вела активной внешней политики, все же не представляется возможным. Ведь после распада СССР Исламская Республика Иран (ИРИ) была одной из первых стран, которые признали государственную независимость новых государств на постсоветском пространстве (Азербайджан, Армения, Грузия). Хо-

тя в тот период ИРИ рассматривала данные страны не в качестве открытия для себя новых возможностей и перспектив, а скорее как угрозу собственной безопасности.

По мнению М.З. Сыздыкова, интересы Ирана в отношении Центральной Азии в данный период в основном были связаны с вопросами безопасности. С учетом уязвимости с юга, со стороны Персидского залива, Иран был заинтересован в том, чтобы избежать возникновения аналогичной ситуации на севере. В этой связи его интересы заключались в том, чтобы противодействовать возникновению в регионе враждебного ему режима, прежде всего в одном из сопредельных с ним государств (Туркменистан, Азербайджан), а также не допустить своей изоляции со стороны Центрально-Азиатского и Кавказского регионов.

Данная логика исходила из того, что при подобном развитии событий Иран попал бы в окружение враждебных ему сил – талибы в Афганистане, арабские страны, военно-морские силы США в Персидском заливе. Также следует отметить, что Иран на первом этапе отношений с центральноазиатскими республиками проводил достаточно пассивную политику. Не последнюю роль в этом сыграло то, что не получили дальнейшего развития в регионе не устривающие Иран сценарные варианты.

Позиции Ирана в регионе в 1995–2000 гг. существенным образом не укрепились. Следует отметить, что Тегеран особенно и не пытался активизировать отношения с центрально-азиатскими государствами. Серьезным ограничителем при этом продолжала оставаться проводимая США в отношении Ирана политика его международной изоляции.

Столкнувшись с решимостью США не допустить широкомасштабного политического и экономического проникновения Ирана в Центральную Азию, ИРИ проводила в этом направлении довольно осторожную политику. В рамках контактов с центральноазиатскими республиками Тегеран не преследовал цели подорвать устои правивших режимов или экспортировать сюда идеи исламской революции.

В период с 2000 по 2004 г. Исламская Республика больше занята решением своих внутренних проблем. Интересы этого государства приобретают все более сегментарный характер, оно все меньше и меньше проявляет масштабные амбиции в отношении Центральной Азии.

На сегодняшний же день ИРИ является одним из активных игроков как в Центральной Азии, так и на Каспии и Кавказе.

После 2005 г. Иран начинает активно укреплять свои позиции в регионе. Как уже отмечалось выше, Исламская Республика развивает свою «ядерную программу», разрабатывает нефтяные и газовые месторождения совместно со своими соседями по региону и зарубежными странами, в частности с Китаем, Россией, Арменией (уже открыт газопровод Иран–Армения, в результате чего Армения обеспечила себя газом на 20 лет вперед) и Туркменистаном (непосредственно граничащим с ИРИ). Также имеет место сотрудничество Ирана и Российской Федерации в области ядерной энергетики: в Бушере вступило в завершающую фазу совместное строительство атомной электростанции. Однако всецело ИРИ развиваться в ядерной области не позволяет постоянно нарастающий конфликт с Соединенными Штатами Америки, которые утверждают, что ядерная программа Ирана не носит только мирный характер. Согласно утверждениям стран Североатлантического альянса, Исламская Республика Иран разрабатывает ядерное оружие, что идет вразрез с договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Современный Азербайджан является одной из ключевых стран постсоветского пространства на Кавказе. Он не только обладает большими углеводородными ресурсами, но и занимает весьма выгодное положение в отношении транспортировки нефти и газа с территории всего Каспийского бассейна в западном направлении. В этой стране заметно влияние ультранационалистических политиков, которые выступают за объединение южных районов Азербайджана и северных провинций Ирана. Очевидно, что попытки реализации этих замыслов возможны только при поддержке их извне, со стороны государств, которые в этом могут быть заинтересованы.

Вместе с тем Азербайджан выступил одним из активных проводников интересов США и американских нефтяных компаний, объявив о присвоении самой «перспективной» части Каспия в несогласованных с другими прикаспийскими странами границах в качестве своей государственной территории. С точки зрения международного права, необходимо согласие всех пяти прибрежных стран на раздел Каспийского моря или раздел его дна на зоны функциональной ресурсной юрисдикции. В противном случае возможны острые противоречия между прикаспийскими государствами, которые могут привести к возникновению противостояния, в том числе с применением военной силы некаспийских государств.

Азербайджан – государство, где, как и в Иране, доминирует шиитское исламское вероучение (хотя соотношение шиитской и суннитской части населения в Азербайджане постепенно меняется). Тем не менее партнерство Баку с США, Турцией (многовековым оппонентом Персии, а затем и Ирана на Кавказе и Ближнем Востоке) и Израилем заставляет Тегеран отложить в сторону идеи регионального сотрудничества. Отношения между Азербайджаном и Ираном на рубеже XX–XXI столетий отличались высокой степенью конфликтности. Азербайджанские лидеры регулярно критиковали Иран за поддержку радикальных исламистов в Азербайджане и попытки заменить светскую модель власти в этом государстве Южного Кавказа на исламское государство.

Другой «болевым точкой» во взаимоотношениях постсоветского Азербайджана и Исламской Республики Иран является проблема Южного (Иранского) Азербайджана. Сегодня на территории Ирана проживают, по разным оценкам, от 25 до 35 млн. этнических азербайджанцев («азербайджанских тюрок»), что составляет более трети населения всего Ирана. Азербайджанское население Ирана в три раза превышает численность населения самой Азербайджанской Республики (и это только по официальной статистике, фактически может быть и больший перевес). С момента обретения независимости в официальной идеологии и историографии Азербайджанской Республики доминирует взгляд на Азербайджан как единую историческую территорию, искусственно разделенную на две части. Азербайджанцев же принято рассматривать как «разделенный народ» между Южным Азербайджаном (в составе Ирана) и Азербайджанской Республикой. Третья проблема – вопрос о статусе Каспийского моря. По словам известного бакинского политолога Арифа Юнусова, «в июле 2001-го обе страны едва не оказались на грани войны: иранские истребители и морские корабли регулярно препятствовали разработкам нефтяных месторождений вблизи границы».

Тем не менее в 2004 г. при иранском президенте Мохаммеде Хатами в двусторонних отношениях наступила «оттепель» (в Тебризе было открыто азербайджанское консульство, состоялся официальный визит в Тегеран Ильхама Алиева, обеспечены уступки в вопросе о статусе Каспия, и Тегераном была озвучена критика Армении в связи с конфликтом вокруг Нагорного Карабаха). Этот вектор (с определенными оговорками и «откатами» по причине крепнущих связей с Иерусалимом) в целом поддержал и преемник Хатами, вызывающий столь сильные чувства со стороны Запада

Махмуд Ахмадинежад. В мае 2006 г. Ахмадинежад побывал в Баку в рамках форума Организации экономического сотрудничества, а в августе 2007 г. он прибыл туда по приглашению Ильхама Алиева. В ходе визита 2007 г. Ираном и Азербайджаном были подписаны двусторонние соглашения в энергетической и транспортной сферах. Все это привело к установлению более конструктивных отношений. Свидетельство тому – положительная реакция Азербайджана на иранские предложения по нагорно-карабахскому урегулированию в апреле 2010 г. Комментируя этот факт, глава иранского МИД Манучер Моттаки заявлял: «У нас с Азербайджаном очень теплые и дружественные отношения. Мы воспринимаем безопасность Азербайджана, как свою».

Следующее государство постсоветского пространства, которое необходимо рассмотреть в рамках нашего анализа, – Армения. На сегодняшний день современные геополитические процессы в вышеупомянутой республике сложны и многогранны. Так же как и Грузия, политическая элита Армении все больше и больше тяготеет к Западу, однако внешнеполитический «крен» в эту сторону сейчас еще мало заметен. Армения на данный момент больше сотрудничает с Ближним Востоком, с Исламской Республикой Иран: не так давно был открыт газопровод Армения–Иран, с появлением которого Армения обеспечила себя природным газом на 20 лет вперед взамен на энергоносители. Конструктивный диалог между Российской Федерацией и Арменией подвергается воздействию ряда негативных факторов, что вызывает опасения о том, что Россия в своем региональном внешнеполитическом курсе может потерять эту страну.

Наибольшей интенсивностью в постсоветский период отличались армяно-иранские отношения, причем религиозный фактор не играл определяющей роли. Армянское направление внешней политики Ирана здесь следует рассматривать как самое прагматичное. Христианская Армения оказывается важным партнером Исламской Республики Иран, обеспокоенной усилением в регионе Турции. В этом плане мы можем говорить о некоторой игре на опережение. Пока два протокола о нормализации отношений, подписанные Анкарой и Ереваном в Цюрихе, не привели к реальным результатам (граница не открыта, дипломатические отношения не установлены), Иран объективно является важным фактором вывода Армении из геополитической изоляции.

Грузия, несмотря на все антиамериканские выступления Махмуда Ахмадинежада и, напротив, последовательную проамериканскую

риканскую риторику президента М. Саакашвили, не ушла из поля зрения Тегерана полностью. Действительно, по сравнению с Арменией и Азербайджаном контакты между Грузией и Ираном в 2005–2010 гг. были минимальны. И тем не менее во время топливного кризиса, возникшего в Грузии в феврале 2006 г., Иран оказал этой кавказской республике определенную помощь. Более активные контакты между Тбилиси и Тегераном стали развиваться на рубеже 2010–2011 гг., что связано, в частности, с заключением соглашения о безвизовом режиме и достижением ряда иных договоренностей.

Сегодня можно определить следующие иранские приоритеты на Большом Кавказе.

Во-первых, Тегеран крайне болезненно относится к появлению по соседству тех или иных внешних игроков. Этим объясняется его стремление принять не последнее участие в урегулировании нагорно-карабахского конфликта. В апреле 2010 г. министр иностранных дел Ирана Манучер Моттаки заявил о разработанных Тегераном предложениях, которые можно рассматривать как определенную альтернативу «обновленным Мадридским принципам» (подписанным президентами США, РФ и Франции).

Иран не заинтересован в разрешении конфликта в Карабахе, при котором предполагалось бы введение в регион международных миротворческих сил. По мнению представителей Тегерана, в регионе должны присутствовать лишь региональные силы – Армения, Азербайджан, Грузия, Россия, Иран и Турция. При этом необходимо отметить, что РФ и Турцию в Тегеране воспринимают как партнеров и конкурентов одновременно. Однако и в том и в другом случаях иранские политики и дипломаты готовы рассматривать Россию и Турецкую Республику как «кавказские державы». После пятидневной войны в августе 2008 г. Иран предлагал свой вариант обеспечения безопасности в Кавказском регионе «местными силами». Тогда этот формат был назван «3 + 3» (то есть три закавказские республики плюс Турция, Иран и РФ). 19 февраля 2010 г. эту же линию озвучил иранский посол в Ереване Сейед Али Сагайан. По его словам, спорные вопросы между Арменией и Азербайджаном «должны решать стороны конфликта», в то время как Иран готов «высказать свои замечания и позицию относительно состава миротворческих сил, которые, возможно, будут размещены на этих территориях».

Особенно болезненно Тегеран реагирует на проникновение на Кавказ Израиля. Здесь показательна реакция иранского истеб-

лишмента на визит в Баку президента еврейского государства Шимона Переса. Как только в мае 2009 г. весть об этом достигла иранской столицы, начальник Генштаба Хасан Фирузабади заявил, что визит Переса создаст проблемы во взаимоотношениях Ирана и Азербайджана и что необходимо закрыть посольство Израиля в Баку. В начале апреля 2010 г. в парламент Ирана был представлен специальный доклад о проникновении Израиля в страны Южного Кавказа.

На Южном Кавказе Тегеран выступает сторонником сохранения (там, где это возможно) статус-кво. Резкие движения (такие, как поддержка этнополитического самоопределения, изменение межгосударственных границ) иранские власти не приветствуют. И если в своем стремлении «держать и не пущать» внешних игроков политика Тегерана нацелена против США, Израиля и ЕС, то в действиях по «заморозке» всего, что можно заморозить, иранские власти иной раз выступают оппонентами Москвы. Исламская Республика не готова к признанию независимости Абхазии и Южной Осетии. По словам иранского дипломата, посла в Москве Сейеда Махмудреза Саджади, его страна и так сделала все возможное, чтобы адекватно отреагировать на события августовской войны 2008 г.: «Мы осудили грузинскую агрессию... и объявили о том, что мы готовы выделить средства на восстановление Абхазии и Южной Осетии. Но признание независимости таких объектов в этом регионе пока не входит в основную политику Исламской Республики Иран». Сейед Махмудреза Саджади заявил (озвучив позицию своего политического руководства), что такое решение «провоцирует другие войны и кровопролития». Иран же, являясь полиэтничным образованием и имея в своем составе многомиллионную азербайджанскую общину, не заинтересован создавать прецеденты, которые внутри страны могут для него иметь негативные последствия.

Российско-иранские отношения, конечно же, не ограничиваются одним лишь кавказским контекстом. У Тегерана и Москвы непростая история двустороннего взаимодействия. Очень часто за фасадом регулярных встреч и заверений в поддержке скрываются противоречия. С одной стороны, Тегеран опасается того, что в случае ухода Северного Кавказа из-под российской юрисдикции доминировать здесь будет Турция, исторический оппонент Ирана. Иранские власти во время двух чеченских кампаний всячески подчеркивали, что не поддерживают сепаратистов. Что же касается северокавказского исламизма, то политики и эксперты в Тегеране

любят подчеркивать, что идеологически это течение связано не с шиизмом, а с «салафией» (тем течением, которое поддерживает другой исторический оппонент Ирана Саудовская Аравия). Иран осуществляет также взаимодействие с отдельными республиками Кавказа. Несколько провинций (останов) Исламской Республики активно сотрудничают с Северной Осетией и Дагестаном. Но с другой стороны, нельзя сбрасывать со счетов поддержку Ираном различных исламистских организаций («ХАМАС», «Хезболла», «Монафегин»), которые готовы рассматривать кавказских исламистов как союзников. Ни для кого не является секретом неоднозначная роль Тегерана в деле поддержки экстремистских сил в Ираке. Лидер так называемого «Кавказского эмирата» Доку Умаров (ныне, видимо, покойный) рассматривал их как своих стратегических союзников: «Мы неотъемлемая часть исламской уммы. Меня огорчает позиция тех мусульман, которые объявляют врагами только тех кафиrow, которые на них напали непосредственно. При этом ищут поддержки и сочувствия у других кафиrow, забывая, что все неверные – это одна нация. Сегодня в Афганистане, Ираке, Сомали, Палестине сражаются наши братья». Таким образом, возникает еще одно противоречие. Официальный Иран никогда не был замечен во вмешательстве во внутренние дела РФ на Северном Кавказе. Однако поддерживаемые им исламские радикалы имеют симпатии к кавказским исламистам. Некоторые предполагают, что эти симпатии (как видно из оценок того же Умарова) взаимны.

Кавказским контекстом не ограничиваются и сложные двусторонние отношения Турции и Ирана. В последние годы Анкара стремится принципиально изменить свое геополитическое позиционирование как в регионе Большого Кавказа, так и во всей мировой политике. В частности, Анкара уже не собирается ограничивать себя лишь «родственными обязательствами» в отношении Азербайджана. Турции интересна игра на нескольких кавказских векторах. В данном случае нельзя упускать из внимания тот факт, что турецкие внешнеполитические усилия выходят за пределы кавказского региона. Как верно заметил американский аналитик Стив Ларраби, «Турция заново открывает Ближний Восток». За несколько лет Анкара сделала серьезный прорыв в отношениях с Сирией. В 2004 г. впервые в истории сирийский лидер совершил визит в Турцию. С тех пор обе стороны проводят обсуждение таких важных вопросов, как раздел водных ресурсов Евфрата или противодействие курдскому движению. Произошли серьезные пе-

ремены и в отношении Турции к арабо-израильскому конфликту. Будучи единственной мусульманской страной, признавшей еврейское государство весьма скоро после его образования, Анкара заняла сегодня более удаленную от Израиля позицию и пытается быть посредником в мирном процессе. Все это меняет отношение Тегерана к турецкой политике – как внутри Большого Кавказа, так и в рамках Большого Ближнего Востока – в лучшую сторону. Несмотря на это, полного доверия между Анкарой и Тегераном нет. Предлагая свою «кавказскую платформу», Турция обошла вниманием Иран, оставив его за рамками «кавказского пространства безопасности», в то время как Тегеран включил Анкару в свой формат «3 + 3».

Во внешней политике очень часто риторика и реальные действия не совпадают (или, как минимум, требуют корректировки). С одной стороны, говоря об иранском руководстве (рахбар Али Хаменеи и президент Махмуд Ахмадинежад), всегда отмечаются их антиизраильская риторика, популистские призывы исключить США или Великобританию из рядов ООН или МАГАТЭ, поставить на колени «сионистов», Джорджа Буша судить международным трибуналом. Но на отдельных внешнеполитических театрах, в частности на Большом Кавказе, иранцы не раз доказывали свое умение вести прагматичную игру.

«CAUCASICA: Труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона», М., 2011 г., с. 258–264.

Идият Оруджев,
председатель ГК Республики Азербайджан
по работе с религиозными образованиями
**ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО ДИАЛОГА
В АЗЕРБАЙДЖАНЕ**

На протяжении своей многовековой истории территория современного Азербайджана всегда была многоконфессиональным и полирелигиозным регионом мира. В различные периоды здесь одни верования сменялись другими. Первоначально господствовали языческие культы. Потом установились зороастризм и христианство. В конце концов наиболее распространенным стал ислам.

Первые миссионеры христианства на территории современного Азербайджана, как и во всем регионе Южного Кавказа, появились почти 1900 лет назад. Христианство было доминирующей религией в Азербайджанской Албании. Первые христиане появились здесь еще в первые века христианской эры. Согласно церковному преданию, именно в этой местности проповедовал один из 12 апостолов Христа Варфоломей. Он был убит в городе Альбана, местонахождение которого является спорным. По одной из версий, это современный город Баку, однако она не подтверждается никакими фактами. Кроме Варфоломея, по церковной традиции, на Южном Кавказе действовали еще несколько известных святых ранней церкви: Андрей Матфий, Иуда Фаддей, Елисей. Полиэтничность, отсутствие единой религии, грубое язычество местного населения способствовали распространению христианства в Азербайджанской Албании. Правивший в стране царь Урнайр (III–VI вв.) принял христианство от парфянина Григория Просветителя. Проповедь Григория Просветителя была частью этого общего для всего региона Средиземноморья и Ближнего Востока процесса. С помощью новой веры, Урнайр хотел объединить разноплеменную страну, а также противостоять зороастрийской Персии.

Параллельно с распространением христианства были заложены основы Албанской церкви. Согласно церковному преданию, в числе возглавлявших ее был Григорис – внук Григория Просветителя. В последующие века албанские христиане сталкивались с попытками персидских царей, под влиянием которых они находились, навязать им зороастрийскую религию. В определенные периоды даже вспыхивали восстания против персов. В конце концов персы прекратили попытки искоренения христианства на Южном Кавказе. Также известно, что с VI в. Албанская церковь стала монофизитской, хотя потом в зависимости от политических процессов склонялась к византийскому православию.

После завоевания Южного Кавказа арабами в VII–VIII вв. этот регион превратился в арену противостояния Византии и Халифата. Халифат поддерживал монофизитскую церковь против господствовавшего в Византии православия. Попытка албанского католика Нерсеса Баура сделать Албанскую церковь православной была пресечена сторонниками монофизитства, которых поддерживали арабы. Они стремились не допустить усиления православия, так как это была религия их противника – Византии. Таким образом, арабы, поддерживая Армянскую церковь, способствовали

подчинению ей церкви Албании. После арабского завоевания Албании большинство населения постепенно перешло в ислам. Христианство сохранялось больше в горных районах, в которых власть Халифата была относительно слабой. С другой стороны, позиции и влияние Албанской церкви ослабевали под натиском Армянской церкви, пользовавшейся, как уже было отмечено, поддержкой арабов. Тем не менее Албанская церковь продолжала свое существование и даже расширяла свое влияние в периоды ослабления Армянской церкви. В XIII в. центром Албанской церкви стал монастырь Гандзасар в Карабахе.

После вхождения Южного Кавказа в состав Российской империи, в 1836 г. решением царя Николая I и Священного Синода, Албанская церковь была присоединена к Армянской церкви. В настоящее время прямыми наследниками Албанской церкви считают себя удины, которые проживают в Габалинском районе Азербайджана. Они сопротивлялись арменизации и григорианизации. В 1867 г. ими было составлено протестное письмо российским властям. Удины перестали посещать свои церкви и стали молиться дома. Потом часть из них была вынуждена покинуть Карабах и поселиться в Габалинском районе. Здесь удины удалось сохранить как народу. В последнее время они пытаются возродить древнее наследие Албанской церкви и вернуть ей статус автокефальной. Одним из шагов к этому является официальная регистрация Албано-удинской христианской общины Азербайджанской Республики.

На протяжении XIX и XX вв. Российская империя, а затем Советский Союз активно воздействовали на этнический состав населения Южного Кавказа. В частности, сюда переселялись армяне из Турции, Ирана, арабских стран, на которых власти нередко делали ставку в политическом противостоянии с сопредельными государствами. Сюда также переселялись другие христианские народы. Велась активная христианская миссионерская деятельность среди мусульманского населения, строились храмы. В 1860 г. в Тифлисе было учреждено «Общество восстановления православного христианства на Кавказе». Все эти меры увеличивали процентное соотношение христианского населения и привели к последующим этническим конфликтам в регионе.

Политика изменения этнической картины Южно-Кавказского региона продолжалась и в советское время. После распада СССР именно эта политика привела к конфликтам и войнам, которые не прекращаются до сегодняшнего дня. Тем не менее

конфликт Азербайджана с Арменией имеет политическую подоплеку, а не религиозную.

Власти современного Азербайджана создали в стране равные условия для жизни и развития всех народов. Несмотря на противостояние Азербайджана и Армении, армяне, живущие за пределами Нагорного Карабаха, не испытывают притеснений по национальному и религиозному признакам; Армянская церковь в центре г. Баку остается в целостности и сохранности. Другие христианские общины в республике также функционируют, развиваются и занимаются миссионерством. В настоящее время в Азербайджане существуют представительства самых различных христианских конфессий. Наиболее крупная христианская община Азербайджана – православная. В Баку находится Бакинско-Прикаспийская епархия Русской православной церкви, которая была основана еще в 1905 г. В столице республики также имеется представительство католической церкви. Первые католические миссии появились еще в XVIII в., затем, после некоторого перерыва, католичество было возрождено в начале XX в. Современный период истории католицизма в Азербайджане начался с восстановления независимости республики.

В 1990-е годы в Азербайджане прошли государственную регистрацию и успешно ведут свою миссионерскую деятельность ряд протестантских церквей. После завоевания арабами в VIII в. территорий современного Азербайджана еще долгое время мусульмане составляли меньшинство населения, пополнявшееся в основном переселившимися сюда арабами. Первыми начали принимать ислам население юга Азербайджана. К концу VIII в. исламизация этих территорий была завершена. На севере Азербайджана, где преобладали христиане, исламизация шла медленнее. Тем не менее уже в IX в. появились первые признаки того, что данный процесс приобретает массовый характер. Начиная с периода арабского завоевания, Азербайджан входил в состав Халифата. Однако по мере ослабления последнего на территории современного Азербайджана начали образовываться первые мусульманские государства, наиболее ранним из которых является государство Ширваншахов (799–1539).

Все азербайджанские государства первоначально были в основном суннитскими. Шиизм среди местных мусульман стал преобладать со времени возвышения Сефевидов, уничтоживших прочие государственные образования. В ходе разрушительных войн между Сефевидами и Османской империей обеими сторонами ис-

пользовался религиозный фактор как идеологическое обоснование противостояния держав: представление его как борьбы шиитов и суннитов.

Межконфессиональное противостояние продолжилось и после распада государства Сефевидов. Впоследствии здесь возникло несколько мелких ханств (княжеств), между которыми временами происходили междоусобицы, но религиозная составляющая в этих конфликтах уже практически отсутствовала.

«В XIX в. в результате Русско-иранской войны (1804–1813) значительная часть территории Северного Азербайджана была завоевана Россией. Независимости ханств был положен конец. В это время в области религиозной жизни произошли определенные изменения. В 1872 г. были образованы шиитское и суннитское духовные управления, которые отныне обязаны были вести все дела, связанные с мусульманами. Они располагались в Тифлисе. Шиитов возглавлял шейх-уль-ислам, а суннитов муфтий». Большую проблему для российских властей представляла зависимость верующих шиитов Южного Кавказа от высшего иранского духовенства. Поэтому в 1823 г. была введена должность шейх-уль-ислама шиитов Кавказа. В 1832 г. был назначен и суннитский муфтий. Что касается сохраняющейся напряженности в суннитско-шиитских отношениях, то это обстоятельство использовалось Российской империей в политике, направленной против Ирана и Турции.

В конце XIX – начале XX в. на территории Северного Азербайджана шел процесс роста национального самосознания, формировалась мусульманская национальная буржуазия, нарастал экономический прогресс. Подрастала азербайджанская интеллигенция, в большинстве своем получавшая образование в России и Европе. Она занималась просветительской деятельностью, критиковала традиционный уклад жизни общества, высмеивала невежество. Интеллигенция призывала народ к приобщению к европейским ценностям. Кроме того, велась борьба за уравнивание в правах мусульман и христиан и за представительство мусульман в органах власти. В этот период активизировалась деятельность различных неисламских сект среди мусульманского населения Азербайджана. Помимо христианских миссионеров в Азербайджане под влиянием иранских событий активизировалась секта бабидов. Их общины существовали во многих регионах Азербайджана вплоть до сталинских репрессий 1930-х годов. Затем они возродились и существуют в стране до настоящего времени.

«После объявления независимости Азербайджана в 1918 г. представители Духовного управления мусульман Кавказа переехали в Баку. Здесь было создано единое религиозное управление, где шиитский шейх-уль-ислам и суннитский муфтий Азербайджана получили равные права. После установления советской власти в Азербайджане в 1920 г. это управление было ликвидировано большевистскими властями, а дела мусульман Азербайджана были переданы в ведение Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ), которое располагалось в Уфе».

После советизации Азербайджана началась продолжительная борьба новой власти с исламом, которая привела к падению авторитета религии в обществе. На протяжении первых десятилетий советской власти в стране действовало «Общество воинствующих безбожников». Одновременно с этим были ликвидированы шариатские суды, а также обучение в мусульманских религиозных школах. Мусульмане больше не могли ездить в паломничество в Мекку и другие святые места. В Азербайджане разрушались и закрывались мечети. Параллельно с этим велась кампания по повышению социального статуса и активности женщин. В 1929 г. был отменен арабский алфавит и заменен вначале на латинский, а потом на кириллический. Также в 1920–1930-е годы проводились репрессии против представителей мусульманского духовенства. Все это привело почти к полному вытеснению религии из всех сфер общественной жизни.

Такое положение сохранялось вплоть до середины Второй мировой войны, когда стало ясно, что негативное отношение к религии активно используется германской пропагандой в войне против Советского Союза. Поэтому были закрыты все атеистические издания и активизировался процесс вовлечения духовенства в общественную жизнь. «В 1944 г. в Баку было создано Духовное управление мусульман Закавказья, председателем которого было решено назначить шиита, а его заместителем суннита, который имел почти полную свободу от него, помимо хозяйственных вопросов. Такая структура духовного управления сохраняется до сегодняшнего дня. Деятельность этого органа, как и всей религиозной жизни в Азербайджане, находилась под строгим контролем властей. После этого было разрешено открыть некоторые из ранее закрытых мечетей. В то время в Азербайджане функционировало около 20 мечетей и было несколько десятков священнослужителей. Было разрешено ехать в хадж и другие святые места, правда, количество паломников ограничивалось до минимума».

На протяжении всех послевоенных лет вплоть до начала 1990-х годов политика властей в отношении исламской религии изменялась в зависимости от времени и ситуации. Однако атеистическая пропаганда все это время продолжалась. Курсы, посвященные научному изучению атеизма, преподавались в учебных заведениях до самого распада Советского Союза. Помимо того организовывались различные общественные мероприятия и лекции атеистической направленности. Религия существовала только в пределах мечетей, не было ни одной религиозной школы. В последние годы существования советского режима в Азербайджане интерес к исламу стал возрастать. Однако в целом активного воздействия на общественную жизнь азербайджанского народа ислам по-прежнему не оказывал. Религиозность населения оставалась приблизительно на том же уровне, как это было в прежние годы.

После восстановления независимости республики положение в значительной степени изменилось. Стали строиться новые мечети, появились религиозные учебные заведения, теологические факультеты при университетах. Исламские проповедники получили возможность вести религиозную пропаганду. Появилась мусульманская молодежь, которая стала придерживаться исламского образа жизни, соблюдать его базовые постулаты. Несмотря на то что атеизм стал непопулярен, тем не менее религиозность значительной части населения остается больше декларативной, чем реальной.

Как и в предыдущие столетия, «практикующие» мусульмане Азербайджана разделяются на шиитов и суннитов. По-прежнему север Азербайджана является преимущественно суннитским, а юг преимущественно шиитским. Большинство суннитов Азербайджана ханафиты, есть и шафииты. После распада СССР в Азербайджане активизировали свою деятельность зарубежные мусульманские миссионеры, в основном иранские, турецкие и арабские. Арабские проповедники привнесли в страну еще одно ответвление суннитского ислама – салафизм. Но в последние годы благодаря политике государства активность зарубежных мусульманских миссионеров в Азербайджане сократилась. В то же время необходимо отметить, что перспектив активизации политизированного ислама в Азербайджане нет, несмотря на то что это явление существует в сопредельных странах.

Сегодня в Азербайджане продолжает действовать Духовное управление мусульман Кавказа. Также в стране действуют сле-

дующие религиозные организации: Православная религиозная община Бакинско-Прикаспийской епархии Русской православной церкви, Религиозная община европейских евреев, Религиозная община горских евреев, Религиозная община Римской католической церкви, Религиозная община христиан-баптистов города Баку, Адвентисты седьмого дня, Свидетели Иеговы, Бакинское религиозное общество «Сознание Кришны», Бахаиты, Религиозная община лютеран-евангелистов и т.д. В 2001 г. появился и новый центральный исполнительный орган – Государственный комитет по работе с религиозными образованиями, целью которого является следование статьям Конституции Азербайджанской Республики о свободе вероисповедания, создание соответствующих условий для осуществления религиозной политики государства, урегулирования государственно-религиозных отношений, контролирования исполнения актов законодательства, связанных со свободой вероисповедания, обеспечение взаимосвязи деятельности центральных и местных исполнительных органов в этой области и решение других вопросов, касающихся сферы государственно-религиозных отношений.

Наличие различных религиозных общин и конфессий на территории современного Азербайджана постоянно актуализировало проблемы их взаимодействия. При этом были отмечены периоды как межрелигиозных и межконфессиональных конфликтов, так и мирного сосуществования и сотрудничества. В период доминирования христианства были отмечены серьезные противоречия и конфликты между представителями халкидонских и нехалкидонских течений, что привело к укреплению нехалкидонской церкви. В те годы основ мирного сосуществования и взаимодействия различных конфессий выработано не было. В различных регионах христианского мира насильственно разрушалась дохристианская культура и насаждалась новая религия. Затем на Кавказе были отмечены попытки насильственного обращения в зороастризм христиан и обратные антизороастрийские действия христиан.

Впервые модель мирного сосуществования религий была разработана и применена после распространения ислама. Это был качественно новый этап межцивилизационного взаимодействия, который допускал мирное сосуществование различных религий и цивилизаций на определенных условиях. Несмотря на то что оно достигалось при главенствующей роли ислама, это была первая попытка установления межрелигиозного мира и мирного сосуществования. Схема была проста: выплата особого налога взамен на

покровительство со стороны мусульман. Ранние арабские хроники сообщают о том, что мусульманские полководцы заключали такие договоры с местным населением Азербайджана, как зороастрийским, так и христианским и иудейским.

На протяжении многих веков немусульманское покровительствуемое население мирно сосуществовало с мусульманским и продолжало исповедовать свои культы. В то же время бывали и периоды конфликтов и противостояний, особенно во времена ослабления власти мусульманских правителей, междоусобных противостояний и внешних агрессий.

Межконфессиональный мир на территории Азербайджана был нарушен в период осmano-сефевидского противостояния. Шиитско-суннитские противоречия привели к череде трагедий, конфликтов и погромов. Территория Азербайджана в тот период была опустошена войной. Совершенно естественно, что тогда могли пострадать и представители других религий.

В начале XVIII в. по инициативе Надир-шаха Афшара была предпринята попытка преодоления суннитско-шиитских противоречий. В частности, было предложено признать шиитское течение ислама одним из ортодоксальных направлений. В границах империи Надир-шаха, куда входила большая часть территории Южного Кавказа, было запрещено проклинать первых трех праведных халифов. Однако турецкая сторона отказалась признать шиитов равноправными с суннитами. Несмотря на провал этой инициативы, она стала первым шагом для дальнейшего шиитско-суннитского диалога, который был продолжен в последующие века и в наше время.

В результате русско-иранских и русско-турецких войн начала XIX в. Южный Кавказ был присоединен к Российской империи. После этого мусульманское большинство региона стало терять свое доминирующее положение. На протяжении многих десятилетий совершались депортации народов, вселение на Кавказ немусульманских этносов. Зачастую искусственно изменялась демографическая структура населения. В этих условиях мусульмане были вынуждены бороться за свои права. Подавлялись многочисленные восстания.

Межрелигиозные и межконфессиональные отношения также претерпели существенные изменения. Мусульманская система уплаты налога взамен на гарантии неприкосновенности была полностью ликвидирована. Сами мусульмане оказались в империи религиозным меньшинством. В то же время российские власти

опирались и на мусульманские элиты и духовенство для сохранения и укрепления своей власти в регионе. Помимо политики изменения этнического состава населения Южного Кавказа среди мусульман проводилась миссионерская деятельность. Шиитско-суннитские противоречия также умело использовались Российской империей для усиления власти. Кроме того, в противостоянии с Ираном она опиралась на суннитов, а в противостоянии с Османской империей – на шиитов. Мусульман старались не привлекать на высшие государственные посты, население оставалось преимущественно безграмотным.

Межрелигиозные отношения также строились в условиях неравноправности мусульманского населения, которое было вынуждено делать все, чтобы постоянно показывать свою лояльность имперской власти, государственной религией которой было православие. В силу этих причин мусульманские религиозные и общественные деятели во все свои дела привлекали и представителей христианских конфессий, выделяли деньги на строительство различных христианских культовых сооружений и учебных центров, в которых проводилась в том числе и миссионерская деятельность. Например, во время строительства собора Александра Невского в центре Баку в конце XIX в. мусульманское население города активно участвовало в его строительстве, повсеместно шел сбор средств.

Все это происходило и происходит сегодня по причине толерантности азербайджанского населения ко всем религиозным конфессиям. Традиции диалога, согласия, взаимопонимания и взаимопомощи между представителями различных религий в Азербайджане были продолжены и в советские времена, так как в условиях дехристианизации и деисламизации представители различных религий и конфессий были вынуждены решать некоторые свои проблемы совместно. Кроме того, советские власти в Азербайджане были больше заинтересованы в подавлении исламского фактора.

В то же время необходимо отметить и то, что традиции добрососедских отношений, присущие Азербайджану, в настоящее время положительно применяются в государственной политике независимой страны. Например, совместные акции, официальные мероприятия, взаимная помощь в строительстве культовых сооружений существуют и в настоящее время. Но здесь присутствуют некоторые объективные факторы, которые способствуют установлению такой атмосферы. Дело в том, что в регионе представлены

интересы различных мировых сил. Некоторые религии, деноминации и конфессии в стране также пользуются покровительством извне. Паритет строится на объективных факторах. Раньше была доминанта сильного ислама, и представители остальных религиозных верований принуждались к миру выплатой налога и лояльностью. В Российской империи мусульмане оказались в подчиненном положении и были принуждены к миру с остальными на условиях господства православия. А в настоящее время межрелигиозный мир установлен на основании паритета между интересами внутренних и внешних сил, а также современных политико-экономических процессов.

В схожем ракурсе видится проблема шиитско-суннитских отношений в Азербайджане. До советского периода противостояние все еще сохранялось, однако регулировалось властями Российской империи. В полной ликвидации противоречий они не были заинтересованы, так как она предоставляла возможность перехода к мусульманскому единству с последующим соединением с зарубежными единоверцами. Но с обретением независимости страны новая власть эти противоречия не поддерживает. Тем не менее существуют мировые силы, которые готовы инициировать обострение шиитско-суннитских конфликтов. В первые годы восстановления независимости Азербайджана в стране действовали проповедники различных конфессий ислама, расширение миссий которых могло привести к противостояниям. Вскоре окрепшая власть в стране взяла ситуацию под контроль. В настоящее время каких-либо признаков открытого противостояния не замечено. Обе конфессии подчинены единому Духовному управлению Кавказа, которое действует еще с российских и советских времен. Но существует разделение – конфессиональный паритет, основанный на взаимопонимании. Так, северные регионы страны – преимущественно суннитские. Там шиитское меньшинство подчинено суннитским муфтиям. В остальных регионах страны суннитские меньшинства подчинены шиитскому духовенству. Центральные мечети не разделены на шиитские и суннитские. Там молятся все. Даже пятничные молитвы в последнее время проводятся совместно.

Между тем иногда на низовых уровнях, в местах неформальных соприкосновений между шиитами и суннитами ведутся богословские споры. Особенно ярко это проявляется на различных веб-форумах.

Помимо сильной власти в стране, которая способна удерживать межконфессиональные противоречия от перерастания их в

открытые конфликты, на мирный религиозный климат Азербайджана продолжает оказывать влияние советское прошлое. Светские власти страны способствуют сохранению секуляристских тенденций. С течением времени советское прошлое полностью уйдет в историю, вырастет новое поколение, значительной части которого уже сегодня симпатичны религиозные доктрины. В то же время правительство способствует просветительской работе среди населения, ограждая его от религиозных крайностей и фанатизма.

К началу XX в. мусульманский мир представлял собой колонию и полуколонию западных держав. В связи с создавшейся ситуацией мусульманская интеллигенция искала выход из положения и проводила просветительскую работу с населением. К этому процессу подключилась и азербайджанская интеллигенция, которая в своих трудах призывала народ к приобщению к европейским ценностям. «Совершенно естественно, что этого можно было бы достигнуть только при некоторой секуляризации общества. Однако на пути стояли консерваторы, которые поддерживались мусульманским духовенством, не желавшим делать никаких уступок. Им было выгодно держать в полном повиновении себе массу малограмотного или абсолютно безграмотного народа. Тем не менее азербайджанские просветители планомерно претворяли в жизнь свои идеи, и в результате им удалось добиться некоторых успехов. Среди мусульман помимо религиозных предметов стали преподаваться светские науки, открывались новые школы на средства азербайджанских меценатов. Например, на средства бакинского миллионера Гаджи Зейнал Абидина Тагиева была построена мусульманская женская гимназия. Таким образом, частично была решена проблема безграмотности мусульманских женщин».

В 1879 г. мусульмане Южного Кавказа стали получать образование на тюркском языке в Горийской семинарии. Выпускниками этого учебного заведения были многие азербайджанские мыслители, просветители, поэты, писатели, общественные деятели. Кроме того, мусульмане обрели возможность получать светское образование на русском языке. До этого все учились только в религиозных учебных заведениях.

Идея перехода на латинский алфавит и отказа от арабской графики была впервые выдвинута просветителем Мирзой Фатали Ахундовым. В будущем эта идея оказалась претворенной в жизнь в Турции, Азербайджане и других тюркских республиках. «Усилиями просветителя Гасанбека Зардаби была выпущена первая газета “Экинчи” (“Земледелец”) на тюркском языке, которая печат-

талась в 1875–1877 гг. После этого стало печататься много национальных газет и журналов на тюркском и русском языках. Особенно популярен был сатирический журнал “Молла Насреддин”, в котором работали выдающиеся азербайджанские просветители Джалил Мамедкулизаде, Мирза Алекпер Сабир, Азим Азимзаде и др. На страницах этих печатных изданий очень часто подвергались ожесточенной критике общественное невежество и религиозный фанатизм. Именно в них они видели одно из главных препятствий на пути прогресса народа. В то же время они не выступали против основ исламской религии и считали, что именно духовенство и феодальные порядки в обществе привели его к состоянию застоя».

Однако после советизации Азербайджана просветительская и секулярная деятельность азербайджанской интеллигенции была использована для проведения активной атеистической работы. В результате позиции всех религий в стране были подорваны.

В настоящее время удалось достигнуть мирного сосуществования религий в Азербайджане. Религиозные общины действуют в пределах законодательства страны, которое соответствует международным правовым актам. Отношения между религиозными образованиями и государством регулируются Государственным комитетом по работе с религиозными образованиями.

В 2009 г. были приняты некоторые поправки к существовавшему ранее Закону «О свободе вероисповедания». Иностранцам религиозным проповедникам запретили возглавлять или представлять религиозные общины Азербайджана, вести незаконную миссионерскую деятельность, были перекрыты финансовые потоки для некоторых сомнительных религиозных организаций, что привело к ослаблению их позиций. Это положение будет сохраняться до изменения объективных условий.

Конференции по межконфессиональным и межрелигиозным отношениям, прошедшие в Азербайджане

1. Современность и религиозно-нравственные ценности (Баку, 29 сентября 1998).
2. Исламская цивилизация на Кавказе (Баку, 9 ноября 1998).
3. Исламская архитектура на развилке веков (Баку, 21 сентября 1999).

4. Сотрудничество во имя мира на Кавказе (Тбилиси, 17 июля 2002. Совместно с грузинскими коллегами).
5. Гейдар Алиев и религиозная политика в Азербайджане: Реалии и перспективы (Баку, 3–4 апреля 2007).
6. Межрелигиозный диалог: От взаимопонимания к сотрудничеству (Баку, 6–7 ноября 2009).
7. Бакинский саммит религиозных лидеров. 26–27 апреля 2010.
8. Всемирный форум по межкультурному диалогу. 7–9 апреля 2011.

Помимо вышеназванных конференций в Азербайджане постоянно проводятся различные круглые столы с привлечением религиозных лидеров. Большую работу в области религиозной толерантности проводит Государственный комитет по работе с религиозными образованиями, который выпускает газету «Джамиат ве Дин» («Общество и религия») и журнал «Девлет ве Дин» («Религия и общество»), в которых постоянно освещается эта тематика. Также периодически издаются книги и другая научно-популярная литература на религиозно-просветительские темы. Государственные органы Азербайджана заинтересованы в сохранении межрелигиозного мира и проводят работы в этом направлении. Создаются специальные группы по проведению лекций в местах лишения свободы, школах и вузах страны. Аналогичной деятельностью занимаются и негосударственные организации. Помимо этого, зарегистрированные государством и действующие религиозные общины обладают правом проводить учебные занятия самостоятельно.

Таким образом, перспективы развития общества зависят от жизнеспособности конструктивных межрелигиозных отношений, политики отказа от дискриминации, а также проявления толерантности во всех сферах жизни. В настоящее время в Азербайджане идет процесс усиления и дальнейшего регулирования межрелигиозных и межконфессиональных отношений в контексте светских тенденций государственного строительства независимого Азербайджана.

*«Мировые религии в контексте современной культуры:
Новые перспективы диалога и взаимопонимания»,
СПб., 2011 г., с. 98–107.*

Алексей Малашенко,
доктор исторических наук
**БЕЛЫЙ ПАРОХОД КИРГИЗИИ
СРЕДИ ЛЬВОВ
ПОСТСОВЕТСКОГО АВТОРИТАРИЗМА**

Каждая страна Центральной Азии по-своему неповторима. Киргизия как независимое государство уникальна своей недавней политической историей. Ее первый президент, не похожий на своих коллег – выходец из советской номенклатуры, профессиональный ученый, интеллигент Аскар Акаев, активность общества и тяга к политическому плюрализму, две произошедшие за два десятилетия революции – все это сделало Киргизию исключением среди стран региона.

Специфика Киргизии перечисленным не ограничивается. Это единственная в Центральной Азии страна, которая четко поделена на южный и северный ареалы, отношения между которыми очень непросты и в чем-то напоминают отношения между Триполитанией и Киренаикой в Ливии. От того, как они складываются, зависит стабильность в республике и ее благополучие.

В Киргизии сложный и быстро меняющийся этнический состав населения: по данным переписи 2009 г., из 5,0–5,5 млн. человек киргизы составляют 71% (в 1999 г. – 64%), узбеки – 14,3 (13,8%), русские – 7,8% (12,5%). На юге узбеков 27% (на самом деле даже больше), а русских лишь 5,7%.

Непривычный для Центральной Азии политический плюрализм, этническая чересполосица, экономическая отсталость плюс растущий религиозный радикализм превратили Киргизию в территорию нестабильности. С этой точки зрения, она сегодня наиболее уязвимая страна региона.

Но вот парадокс: предсказывавшийся многими аналитиками кризис, который, как они думали, мог последовать вслед за попыткой киргизов приступить после свержения в 2010 г. президента Курманбека Бакиева к построению парламентской системы, так и не случился. Идея киргизского парламентаризма вызывает скепсис, если не сказать негатив, как у соседей Киргизии, так и в Москве. Президент России Дмитрий Медведев выразился вполне определенно: «Наши киргизские друзья на этот путь (парламентской демократии) стали, но я открыто вам скажу: для России, как, кстати, боюсь, и для Киргизии, это катастрофа».

Однако успешно, без крупных эксцессов, прошли парламентские, а затем в 2011 г. и президентские выборы. Сформировалась коалиция в составе Социал-демократической партии Киргизстана (СДПК), партий «Ата-Мекен», «Ар-Намыс» и «Республика», а социал-демократ Алмазбек Атамбаев пересел из премьерского кресла в президентское. В истеблишменте ощущается некоторое преобладание СДПК – ее членами являются президент, спикер Жогорку Кенеш (парламента) Асилбек Жээнбеков, ранее состоял ее членом нынешний премьер Омурбек Бабанов. Одновременно формируется оппозиция в составе одной из самых влиятельных в стране партий «Ата-Журт» и не прошедшей в парламент «Бутун Кыргызстан», возглавляемой амбициозным Адаханом Мадумаровым.

Разумеется, утверждать, что все перечисленные партии соответствуют классическим стандартам, нельзя. Они в значительной степени сформировались на основе региональных и даже родовых кланов. Некоторые из них можно считать скорее «южными» или скорее «северными». Тем не менее кланово-политический плюрализм находит выражение в том числе через современные институты – партии и парламент. У некоторых партий, хотя бы у социал-демократов, есть более или менее артикулированная программа, и все они претендуют на статус общенациональных.

Как бы ни относиться к нынешней киргизской элите, нельзя не признать, что она изобилует яркими личностями, а политическое поле в республике не вытоптано, как это имеет место в большинстве центральноазиатских стран. При разных оценках каждого из них (в плане морали) политическая палитра Киргизии импрессионистически пестра и эффектна. Здесь нет скучного, спящего общими корпоративными интересами правящего класса.

Анализируя обстановку в Киргизии, следует избегать двух крайностей: во-первых, надо не абсолютизировать фактор клановости и регионализма, во-вторых, не впадать в эйфорию относительно киргизской демократии. Система, складывающаяся в стране на основе сдержек и противовесов, очень хрупка. Но уже один тот факт, что после трагедии в Оше и Джалал-Абаде в 2010 г. эта система устояла, свидетельствует о ее потенциале: почти два года Киргизия живет в режиме неавторитарной власти.

Также важно взвешенно оценивать то, что сегодня представляет собой киргизское общество. После последовательного свержения двух президентов – Акаева и Бакиева – доводилось слышать в Бишкеке такой анекдот: «Что такое революция? Революция – это

народная киргизская забава». В нем есть доля правды, высвечены характерные ныне для киргизов импульсивность, всплески социальной, этнической ярости, в отдельных ситуациях чреватые утратой самообладания, даже жестокостью. Однако также неоспоримо, что киргизы в отличие от некоторых своих соседей преодолели инертность. В них воспиталось чувство самоуважения, сознание того, что «маленький человек» – также субъект политики, а не только ее объект.

В этих условиях власть вынуждена нести ответственность перед обществом, которое, в свою очередь, следит за ее действиями. Но, как известно, управлять страной, население которой живет в постоянном стрессе, крайне сложно.

При этом экономическое положение в Киргизии остается очень тяжелым. В 2011 г. по уровню ВВП на душу населения Киргизия с ее 2162 долл. заняла 14-е место среди стран СНГ, опередив лишь Таджикистан (1907 тыс. долл.), но уступив Узбекистану (2959 долл.).

Государственный долг Киргизии составляет около 3 млрд. долл. 2011 год страна завершила с дефицитом в 400 млн. долл. Ее внешний долг на начало 2010 г. достиг 2230 млн. долл. Теневой сектор колеблется в пределах 60–70% экономики. Уровень безработицы составляет от 8,4% по официальным данным, до 20% – по неофициальным. По данным ООН, около 1 млн. жителей страны круглый год испытывают недостаток в продовольствии. Всемирная продовольственная программа в 2011 г. направила в страну помощь на 17,5 млн. долл.

В рейтинге индекса развития человеческого потенциала-2011 Киргизия занимает 126-е место из 193 (Россия – 66-е, Казахстан – 68-е, Узбекистан – 117-е, Таджикистан – 127-е).

Еще одной проблемой Киргизии остается коррупция. По данным Генпрокуратуры республики, в 2010 г. ущерб от коррупции составил 24 млрд. сомов (примерно 500 млн. долл.). Специально исследовавший эту проблему шведский ученый Йохан Энгвалль отмечает, что «коррупция в Киргизии неотделима от институтов государства». Так, по его мнению, главная проблема энергоснабжения (а оно находится в критическом состоянии) не в состоянии инфраструктуры, а в воровстве энергии через различные схемы. ГАИ – коммерческая структура. «Принципиальных изменений в природе и целях правления у нового руководства я не увидел», – отмечает Энгвалль. Уменьшение коррупции требует времени и усилий на самых разных направлениях, тем более что

коррупционером сегодня может оказаться едва ли не каждый имеющий свой бизнес политик. Ключ к борьбе против коррупции на постсоветском пространстве не найден нигде (возможно, наиболее решительно его поиск велся в Грузии).

С другой стороны, предсказывавшийся многими крах киргизской экономики все же не состоялся. 29 декабря 2011 г. на своей первой пресс-конференции президент Атамбаев отметил, что «наблюдается рост ВВП, мы смогли сдержать инфляцию, а сплетни о дефолте не подтвердились». В самом деле, ВВП страны вырос на 5,7% (в 2010 г. был спад на 0,5%), причем рост зафиксирован почти во всех отраслях экономики. Примерно на 4% снизился уровень инфляции. Наконец, на 60 млн. долл. уменьшился бюджетный дефицит, составивший в 2010 г. 460 млн. долл.

Проблема в том, насколько некоторое улучшение экономических показателей обратится в устойчивую тенденцию, а это, в свою очередь, зависит от политической стабильности и в значительной степени от положения на юге страны.

Политические, социальные, экономические проблемы Киргизии обретают особую остроту в условиях хронического этнополитического кризиса на юге. Людям памятли кровавые события в Оше в 1990 г., а после 2010 г. на это накладывается новая трагедия – бойня, устроенная узбеками и киргизами в Оше и Джалал-Абаде, в ходе которой были убиты 476 человек, сотни ранены и искалечены. Можно говорить о социальных и экономических причинах этого столкновения, о политических провокациях, но крайняя жестокость была обусловлена именно межэтнической неприязнью, которая особенно устойчива и труднопреодолима.

Расследование событий в Оше и Джалал-Абаде продолжается. Причем, с одной стороны, необходимость в нем ни у кого не вызывает сомнений, однако, с другой стороны, попытки докопаться до «одной-единственной» истины, взаимные обвинения, постоянные инциденты, происходящие в судах, ведут к дальнейшему разжиганию розни. В феврале 2012 г. генеральный прокурор Аида Салянова, выступая на заседании Жогорку Кенеш, заявила, что, опросив 48 политиков, включая нынешнего президента Атамбаева и бывшего президента Отунбаеву, пришла к выводу, что «они не исполнили свою работу на должном уровне», хотя преступлений не совершали.

Нынешняя власть остается заложницей конфликта 2010 г., последствия которого еще долго будут сказываться на ситуации в стране. Правительство разработало «Концепцию по этническому

согласию», в основу которой положен принцип совместного проживания представителей разных этносов. К концу 2011 г. было построено 11 многоэтажных домов для пострадавших. Атамбаев считает, что «надо строить современные города, а не большую деревню Ош» (но в этих домах люди стремятся расселиться по этническому принципу). Прилагаются усилия по устранению из СМИ, в первую очередь электронных, провоцирующих межэтническую рознь материалов, строятся четыре мемориала погибшим, один из которых получил название «Слезы матерей».

Однако межэтнические столкновения не прекращаются. По мнению МВД республики, в стране существует 147 очагов возможных конфликтов, Государственный комитет национальной безопасности называет «всего» 29 очагов возможных межэтнических столкновений. По мнению директора общественного фонда «Эгалите» Татьяны Выговской, в межэтническое противостояние вовлечено 350–370 тыс. жителей республики, т.е. примерно 10% населения (в нормальной обстановке в любой стране эта доля не превышает 2%).

В межэтнические конфликты, кроме киргизов и узбеков, втянуты также таджики и проживающие в республике выходцы с Кавказа. Но, разумеется, наибольшая напряженность сохраняется между двумя самыми многочисленными этносами. Депутат парламента Азамат Арапчаев, заявив, что «нет дружбы между киргизами и узбеками», в лучших традициях черного юмора предложил принять закон, согласно которому «за разжигание межнациональной розни полагается расстрел».

Возникают проблемы, связанные с русским населением, которое продолжает эмигрировать. Люди уезжают не только по экономическим причинам, но и в связи с опасениями относительно стабильности в стране и ростом этнонационализма. За 20 лет независимости Киргизии на постоянное жительство в Россию выехало 485 тыс. человек.

Сокращается распространение русского языка, хотя право на его равенство с киргизским прописано в трех статьях Конституции. В ст. 10, например, сказано, что наряду с киргизским «в Киргизской Республике в качестве официального употребляется русский язык». Русский язык теряет позиции не только на юге, но также в Нарынской, Таласской и Иссык-Кульской областях, где раньше он употреблялся наравне с киргизским.

Депутат парламента от СДПК Ирина Карамушкина ездила в Баткенскую область (на юге), встречалась там со студентами и обнаружила, что «они по-русски понимают, но уже не говорят».

В СМИ приводится такой эпизод: в Ошском городском суде на адвоката Татьяну Томину, которая защищала обвинявшихся в погромах 2010 г., набросились родственники пострадавших, крича: «Пусть эта русская уезжает к себе!»

Русские практически не представлены во властных структурах. В составе утвержденного в декабре 2011 г. правительства нет ни одного русского. Комментируя это обстоятельство, президент Атамбаев признался, что ему обидно. Обида эта совершенно понятна, хотя бы потому, что на президентских выборах ему отдал голоса русскоязычный Бишкек. Странно, однако, что на отсутствие русских в правительстве никто не обратил внимания ни в самом правительстве, ни в парламенте. Этнократизм противоречит провозглашенному киргизской властью курсу на демократическое устройство государства.

Этнонационализм – одна из главных, если не главнейшая причина возможной дестабилизации, и это хорошо понимает нынешняя власть. Однако преодолеть сдерживающую развитие страны межэтническую напряженность в ближайшие годы вряд ли удастся. А ведь этническая карта может легко оказаться козырной в руках любого амбициозного политика, вульгарного авантюриста и просто уголовника.

Подобно остальным центральноазиатским государствам, Киргизия проводит многовекторную политику. Вопрос, однако, в том, что, следуя этому принципу, республика попадает к нему в некоторое подчинение. Киргизия в обозримом будущем обречена на зависимость от внешних акторов, а также от соседей. На этот счет ни в политической элите, ни в обществе нет особых заблуждений. Вопрос в том, как будет выглядеть эта зависимость и в какой степени она будет ограничивать суверенитет. Проблема зависимости по понятным причинам остается весьма болезненной для любого режима. «Кому-то выгодно, – замечает Атамбаев, – чтобы мы стояли на коленях и выпрашивали деньги... мы должны быть суверенной страной».

Наиболее прочные отношения связывают Киргизию с Россией, и ни один местный лидер не ставит под сомнение их сохранение. В Бишкеке мне доводилось слышать, что в Киргизии Владимир Путин популярнее, чем в самой России. Москва участвует во всех основных киргизских проектах, включая строительство

крупнейшей в стране Камбаратинской ГЭС, Нарынского гидроэнергетического каскада. Россия занимает первое место в импорте Киргизии (33,4%) и третье в ее экспорте (18,2%). В 2010 г. более чем вдвое выросли прямые российские инвестиции в местную экономику, составив 95,9 млн. долл. Россия оказывает Киргизии прямую финансовую и материальную помощь. Например, в январе 2012 г. она передала киргизским пограничным войскам военную технику на 16 млн. долл.

Наконец, по разным данным, в России работают от 700 тыс. до 1 млн. (последняя цифра представляется завышенной) граждан Киргизии, которые ежегодно пересылают на родину 2 млрд. долл., и, если эта цифра точна, она превосходит бюджет республики, составляющий примерно 1,8 млрд. долл.

Руководители страны искренне готовы развивать сотрудничество с Россией. Показательны готовность Бишкека вступить в Таможенный союз, его позитивное отношение к Единому экономическому пространству, наконец, к создаваемому Россией и Казахстаном Евразийскому союзу (выгоды от которого для Киргизии еще требуется доказать). Помимо чисто прагматических мотиваций участия в этих организациях для киргизского политического менталитета характерно эмоциональное к ним отношение. «У многих отцы, деды воевали за Советский Союз, и хотя бы в память о них мы должны создать Единое экономическое пространство», — считает Атамбаев.

Думается, такое мнение, пусть и экзальтированное, совершенно искренне, хотя, на мой взгляд, лишний раз укрепляет убежденность кремлевских политиков в непреходящей зависимости Киргизии от Москвы.

Восприятие некоторыми высокопоставленными кремлевскими функционерами Киргизии как чуть ли не части Российской Федерации уже создает проблемы в отношениях между двумя государствами. Обидчивая реакция Бишкека на такой подход понятна, хотя порой выражается она инфантильно. Известно вызвавшее в Москве усмешку высказывание Атамбаева: «Я не попрошу у России ни одного тыйына. Придет время, и мы сами будем им помогать».

На рубеже 2011 и 2012 гг. в отношениях между Москвой и Бишкеком возник некоторый холодок. На инаугурацию Атамбаева от Кремля не приехал глава президентской администрации Сергей Нарышкин (Россию представлял чиновник невысокого ранга), что, видимо, было вызвано присутствием на церемонии нелюбимого в

Москве президента Грузии М. Саакашвили. Некоторые эксперты считают неудачным (а некоторые – даже «абсолютно провальным») рабочий визит в Москву Атамбаева в начале 2012 г. Не был подписан договор о передаче России 50% акций военно-промышленного предприятия на Иссык-Куле «Дастан». Министр финансов России Антон Силуанов отказался принять их взамен списания 190 млн. долл. долгов Киргизии. Не было подтверждено получение от России через Евразийское экономическое сообщество 106 млн. долл., до конца неясным остался вопрос о льготных ценах на поставки из России горюче-смазочных материалов, затягивается решение вопроса о продаже «Киргизгаза» «Газпрому», простаивают проекты по строительству нескольких ГЭС на Нарыне, неясны перспективы планов по совместной разведке нефти в Джалал-Абаде.

Однако, несмотря на проблемы, которые, скорее всего, будут решены, отношения между Киргизией и Россией останутся прочными. «Специально ухудшать ситуацию в Киргизии Москва не хочет, но и содержать республику не собирается». Москве не имеет смысла терять устойчивого союзника, а Бишкеку ссора с ней не принесет ничего хорошего.

В таком контексте, думается, не оправдан некоторый ажиотаж, возникший после слов Атамбаева о возможном выводе из Киргизии базы российских Военно-воздушных сил в Канте. Это можно скорее рассматривать как тактический ход, попытку сбалансировать обещание закрыть американскую базу в Манасе. О Манасе киргизские власти высказываются столь осторожно, что нельзя окончательно понять, на самом ли деле они не намерены продлевать в 2014 г. договор с США. «Прежнее руководство КР со своим предвзятым отношением к взятым на себя международным обязательствам уже достаточно подпортило внешний имидж Киргизстана, – считает его президент. – Чтобы переломить этот образ, мы просто обязаны выполнять уже заключенные договоренности... Наша позиция такова: ...мы уведомим за полгода... американскую сторону о прекращении действия договора, и с 2014 г. здесь будет крупный гражданский международный транспортный узел, участвовать в формировании которого сможет любой капитал».

Для Киргизии проблема базы в Манасе, переименованной в Центр транзитных перевозок, остается своего рода символом многовекторности. В Бишкеке ее рассматривают не как альтернативу российскому влиянию, но как свидетельство сосуществования российского и американского векторов во внешней политике. Му-

рат Иманалиев определяет транзитный центр в Манасе как краеугольный камень внешней политики страны.

В Вашингтоне к проблеме Манаса в целом относятся спокойно. Во-первых, Россия по большому счету не будет настаивать на прекращении присутствия там американцев, поскольку эта база нацелена в первую очередь на поддержание порядка в Афганистане, в чем Москва заинтересована. Во-вторых, сохранение базы выгодно Киргизии, получившей за годы ее существования 1,411 млрд. долл. Консенсус между Киргизией, Россией и США в конечном счете обязательно будет найден, хотя всем заинтересованным сторонам еще придется услышать немало взаимных обвинений.

Против существования Центра транзитных перевозок не возражает и Пекин, который также считает Манас инструментом для борьбы против распространения исламского радикализма и во всяком случае не считает его развернутым против Китая.

Китай, помимо России и США, является третьим вектором внешней политики Киргизии. И этот вектор, подобно российскому, приобретает самодовлеющее значение. Китайское направление становится одним из ключевых в сфере внешнеэкономических связей Киргизии. Проведенные Центральноазиатским институтом свободного рынка исследования показывают, что на двух крупнейших (один на севере страны, другой на юге) базарах Киргизии (ставших оптовыми рынками) – Кара-Суйском и Дордойском – 85 и 76% товаров являются китайскими.

Торговля с Китаем, в которой участвуют десятки тысяч мелких и средних бизнесменов, автоматически становится политическим фактором, ибо в случае перебоев в ней неизбежно возникнет раздражение множества вовлеченных в нее людей. Уже в одном этом проявляются скрытый характер политического влияния Пекина на обстановку в Киргизии и одновременно заинтересованность Бишкека в поддержании устойчивых отношений с Китаем.

В Киргизии КНР не является конкурентом России, ибо у каждой из этих стран есть своя экономическая ниша. Китай с уважением относится к российским интересам, Россия, в свою очередь, воспринимает как должное китайскую товарную экспансию. С этой точки зрения, Киргизия мало чем отличается от десятков других стран, в том числе в Центральной Азии, чьи прилавки заполнены китайским ширпотребом.

Пекин не вмешивается в местные политические интриги. Никто из находящихся у власти политиков не ставит под сомнение

необходимость развивать отношения с могущественным восточным соседом. Если на рубеже 1990-х и 2000-х годов кое-кто в Бишкеке выражал недовольство китайским давлением на республику и, в частности, подписанными в 1996 и 1999 гг. договорами, по которым Киргизия уступила Китаю почти 500 км² территории, то сейчас это осталось в прошлом.

Как бы ни складывались отношения Киргизии с внешними акторами, ее судьба в конечном счете зависит от внутривосточной обстановки. Стремление выстроить непривычную для Центрально-Азиатского региона парламентскую систему не исключает сохранения авторитаристских настроений, психологически объяснимой тяги к «твердой руке», к поиску харизматического лидера, еще одного «отца нации», якобы способного повести за собой общество, «непринужденно», но жестко преодолевая все трудности страны. Кстати сказать, претенденты на место такого вождя в Киргизии есть.

И все же сегодня уязвимая во многих отношениях Киргизия, несмотря на все противоречия и ошибки, подобно отчаянному ледоколу движется в ином направлении, пытаясь проложить себе свой собственный путь сквозь льды центральноазиатского авторитаризма.

*«Брифинг Московского Центра Карнеги»,
М., 2012 г., т. 14, вып. 2, с. 2–11.*

Елена Кузьмина,

кандидат политических наук
(Институт экономики РАН)

ТУРКМЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ

Туркмения наиболее закрытое государство СНГ. С одной стороны, в ней происходят процессы, присущие всем странам Центральной Азии, с другой – там сложилась наиболее замкнутая политическая и экономическая система, почти не изменившаяся со сменой главы государства. Между тем страна с ее мощными углеводородными запасами как экспортным ресурсом все больше становится объектом противоречивых интересов различных геополитических игроков, как региональных, так и глобальных.

Туркменское общество в этническом отношении состоит из нескольких региональных группировок: ахал-текинской, марый-

ской, кизил-арватской, балканской, ташаузской (северные иомуды). И первый президент С. Ниязов, и ныне действующий глава государства Г. Бердымухамедов – представители ахал-текинских (ашхабадских) туркмен. Первый глава государства проводил политику регионально-племенного гегемонизма и ахализации страны в целях укрепления личной власти. В начале 90-х годов XX в. Туркменбаши был очень осторожен в отношении других региональных политических кланов, особенно наиболее сильных – марыйского, кизил-арватского и чарджоуского. К началу же нового века он постепенно убрал все значимые фигуры этих кланов с политической арены. Фактически при Туркменбаши – С. Ниязове сложился политический режим монархического типа. В 1999 г. решением Халк Маслахаты (Народного совета) ему было присвоено звание главы всех туркмен и статус пожизненного президента страны. Несмотря на расширение полномочий Народного совета в 2003 г. верховная власть осталась неограниченной.

Вступивший в начале 2007 г. в должность президента Г. Бердымухамедов начал модернизацию страны и одновременно занялся укреплением своей власти. За четыре года правления им проведен ряд реформ системы государственного управления страной.

Началом политической модернизации стало создание структур по правам человека. Летом 2007 г. учреждена Государственная комиссия по рассмотрению обращений граждан по вопросам деятельности правоохранительных органов при Президенте РТ. В то же время образована Межведомственная комиссия, призванная обеспечить выполнение международных обязательств страны в области прав человека. В ноябре 2007 г. появилась Государственная комиссия по совершенствованию национального законодательства, вступила в действие программа по реформированию законодательной системы страны, рассчитанная на 2008–2012 гг. В начале 2008 г. по инициативе Г. Бердымухамедова начал функционировать Институт государства и права при президенте страны, призванный обеспечить научную основу законодательства.

26 сентября 2008 г. принята новая редакция Конституции страны. Главным изменением в ней стало упразднение Халк Маслахаты. Его функции перераспределены между Президентом РТ, Меджлисом РТ (парламентом), Правительством РТ и Верховным судом РТ. Количество депутатов парламента увеличено с 50 до 125. Многие эксперты отмечают, что новая Конституция на деле не расширяет полномочия парламента, а усиливает президентскую

власть. Согласно новой редакции Основного закона, именно президент назначает руководителей региональных органов власти, членов избирательных комиссий и других должностных лиц. Парламент, в свою очередь, получает полномочия назначать выборы президента и принимать решение о его досрочном освобождении от должности по болезни. Парламент также решает, кто из заместителей председателя Кабинета министров назначается на должность временно исполняющего обязанности главы государства в случае, если президент по тем или иным причинам не в состоянии исполнять их. Положение о том, что и.о. президента не может участвовать в выборах, сохранилось. В новой редакции Конституции упоминается и о Совете безопасности. Особое значение в документе придается «формированию рыночной экономики, основанной на частной, государственной и других формах собственности.

Затем настал черед реформы избирательной системы страны. В октябре 2008 г. Г. Бердымухамедов подписал Закон «О выборах депутатов Меджлиса Туркменистана», в соответствии с которым выборы будут проводиться по одномандатным избирательным округам со сроком полномочий пять лет. Признаются полномочия избранных депутатов на сессии Меджлиса после публикации итогов выборов в печати. В декабре того же года в стране прошли выборы депутатов Меджлиса IV созыва. На них впервые полный мониторинг всех этапов избирательного процесса на местах осуществляли иностранные наблюдатели, представлявшие Исполком СНГ, Межпарламентскую ассамблею государств – участников СНГ, дипломатический корпус, ОБСЕ. Наблюдатели высказали диаметрально противоположные мнения об открытости выборов, но признали их состоявшимися.

В апреле 2009 г. принята новая редакция Закона Туркменистана «О выборах членов Генгешей». 26 июля состоялись выборы в Генгешу (местные советы), которые прошли на альтернативной основе. Изменения коснулись не только парламентских структур, но и органов местного самоуправления. Так, в декабре 2008 г. президент Г. Бердымухамедов подписал постановление, утвердив положение о Совете старейшин Туркменистана, определяющее правовые основы деятельности этого органа.

Следующим шагом в преобразовании государственной власти стало формирование нескольких проправительственных партий. В стране действует только одна политическая партия – пропрезидентская Демократическая партия Туркменистана. Оппозиционные партии, например, движение «Ватан», функционируют

за границей. Кроме того, представлены Движение возрождения «Галкыныш» («Возрождение»), молодежная организация имени Махтумкули, Общественная организация ветеранов войны и труда, Союз женщин и Совет профсоюзов. В феврале 2010 г. президент Г. Бердымухамедов выступил с инициативой создания новой Партии дайхан (крестьян): «Появление в нашей стране оппозиционной партии, – подчеркнул он, – станет важным событием в общественно-политической жизни страны»; «Если кто-нибудь проявит желание создать новую политическую партию и выйдет с этой инициативой, то в соответствии с Конституцией мы готовы эту новую партию зарегистрировать уже в этом году». Президент инициировал и принятие Закона «О политических партиях».

Многопартийность была зафиксирована и в прежней Конституции, но оппозиция находилась в плачевном положении. Фактически в стране нет ни легальной, ни нелегальной оппозиции. Это связано как с политической пассивностью населения, так и с действиями туркменских властей. Последние еще в 2002 г. провели показательные суды над группой политических деятелей страны по делу «о террористическом акте» против президента. За рубежом, правда, существует ряд организаций, называющих себя политической оппозицией, но никоим образом не влияющих на внутриполитическую ситуацию. Проблемы оппозиции связаны с тем, что практически все ее лидеры в разное время были в руководстве страны и помогали Туркменбаши создавать существующую и поныне авторитарную государственную систему.

Г. Бердымухамедов продолжает перенять у С. Ниязова тактику постоянной смены чиновников всех уровней под предлогом участия в экономических преступлениях и других нарушениях. Неудивительно, что политическая элита страны пока слабо отреагировала на инициативы нынешнего президента, опасаясь возможных репрессий за проявления политической активности при создании новых партий.

В стране проводится курс на «десакрализацию» культа личности С. Ниязова. В 2008 г. принято решение о переносе позолоченной Арки нейтралитета, увенчанной вращающейся статуей первого президента С. Ниязова, из центра Ашхабада на его южную окраину, отменен «ниязовский» календарь, изменен государственный гимн, прославлявший Туркменбаши. Его уже не упоминают в официальной клятве верности Туркменистану, его портреты убраны с денежных знаков, имя исчезло с президентского штандарта. Г. Бердымухамедов также распорядился снять с экспозиции о Ве-

ликой Отечественной войне материалы об отце С. Ниязова. Свои действия по развенчанию культа Туркменбаши власти объясняют требованиями избранного курса на интеграцию страны в мировое сообщество.

Впрочем, ряд экспертов считают, что одновременно Г. Бердымухамедов ведет к установлению своего «культа личности», прежде всего, в идеологической сфере. Недаром на смену произведениям Туркменбаши в учреждения и организации привозят книги действующего президента. Кроме того, стало известно, что главный мусульманский храм Марьинской области будет называться Гурбангулы-хаджи. Что это, как не смена идеологических символов в Туркмении?!

Перемены коснулись и образования. Оно вновь стало десятилетним, восстановлен пятилетний срок обучения в институтах (против двухлетнего при С. Ниязове). Однако школьные и институтские программы почти не изменились, из них только изъято подробное изучение «Рухнамы», главного труда С. Ниязова, точнее оно заменено изучением работ действующего президента.

В июне 2010 г. по его распоряжению министерствам и отраслевым ведомствам было разрешено создание на базе начальных профессиональных школ средних профессиональных учебных заведений. Училища появились при министерствах строительства, энергетики и промышленности, сельского хозяйства и при госконцернах «Туркменнефтегазстрой» и «Туркменгаз». В зависимости от профессии специалистов будут готовить на основе учебных программ, рассчитанных на 2–2,5 года обучения, которое началось в 2010/2011 уч. году.

Восстанавливается и научный потенциал страны: воссозданы Академия наук и ВАК. В соответствии с постановлением «О совершенствовании научной системы Туркменистана» возник Высший совет по науке и технике (ВСНТ) при Президенте РТ, в структуре которого образуется Фонд науки и техники. Определены основные направления сотрудничества ВСНТ и Академии наук: участие в разработке и претворении в жизнь научно-технической политики государства; проведение совместных работ в области фундаментальной науки, внедрение в экономику страны результатов научных исследований и научно-технических новшеств; подготовка предложений по наращиванию научно-технического потенциала страны; участие в подготовке высококвалифицированных специалистов и проведение научных и научно-технических исследований; развитие международного научно-технического

сотрудничества, содействие внедрению новейших достижений современной науки и техники.

На заседании Кабинета министров в июне 2009 г. президент обнаружил концепцию дальнейшего развития отечественной науки, ориентированную на ускорение инновационных процессов в экономике, разработку комплексной государственной программы научно-технического развития и ее последовательную и эффективную реализацию. Такие действия дали хороший стимул к усилению политики модернизации экономики страны.

В октябре 2008 г. вышло постановление президента о создании специальной комиссии при его аппарате, регулирующей деятельность творческих работников – писателей, поэтов, режиссеров и т.п. В постановлении указывается, что «комиссия наделяется правом оценивать художественный уровень соответствующих творческих работ и выдавать разрешение на их публикацию, сценарную постановку, проведение съемок». При этом государством контролируется завоз литературы и печатных изданий из-за рубежа, а также ограничивается доступ в Интернет.

Туркмения, несмотря на новую политику «открытости», остается закрытым государством, хотя бы из-за недоступности экономической и статистической информации, что весьма осложняет анализ хозяйственной ситуации в стране.

Особенности национальной экономики определяются несколькими факторами. Во-первых, наличием больших запасов углеводородов, которые, по оценкам международных экспертов, исчисляются в 20,8 млрд. т нефти и 24,6 трлн. м³ природного газа. Кроме того, выявлено более тысячи перспективных на нефть и газ структур, открыто 150 месторождений, из которых только 1/3 находится в разработке. Здесь также разведано свыше 160 месторождений твердых полезных ископаемых, в том числе целестина, угля, самородной серы, минеральных солей, каолина, бентонита, озокерита, минеральных красок, карбонатного сырья. Во-вторых, закрытым типом экономики: иностранные инвесторы допускаются лишь в сложные для добычи месторождения. В-третьих, географической замкнутостью. Туркмения не имеет выходов к открытому морю и окружена государствами, политическая ситуация в которых затрудняет продвижение ее углеводородов на мировой рынок. Долгое время туркменский газ в основном экспортировала Россия, через трубопроводы которой он приходил на европейские рынки. С открытием нового трубопровода Туркмения–Китай в декабре 2009 г. туркменский газ стал поступать в Китай.

Основные отрасли промышленности – добыча и переработка углеводородов, электроэнергетика, текстильная отрасль и строительство. Особенностью современного периода развития промышленности стал ускоренный рост перерабатывающих отраслей: химии, нефтехимии, машиностроения и металлообработки, легкой и пищевой промышленности. В 2009 г. появилась и металлургия: под Ашхабадом введен в действие завод по выпуску строительной арматуры, уголков, швеллеров мощностью 160 тыс. т в год. В сельском хозяйстве стратегический акцент сделан на хлопководстве и зерноводстве. В 2000-е годы был заложен морской торговый флот.

В период независимости принято несколько программ экономического развития. В 1992 г. одобрена программа «10 лет стабильности», которая предполагала на начальном этапе реформ сохранить систему планового управления хозяйством при постепенной либерализации экономики, не отказываясь и от прямого государственного управления и регулирования. В 1999 г. принята «Стратегия социально-экономических преобразований на период до 2010 г.», которая предусматривала продолжение начатых преобразований по четырем приоритетным направлениям, обеспечивавшим достижение экономической, продовольственной, социальной и экологической безопасности республики. Однако уже в 2004 г. принимается «Стратегия экономического, политического и культурного развития Туркменистана на период до 2020 г.», согласно которой в 2015 г. ВВП должен вырасти в 14,6 раза, а к 2020 г. – в 28,4 раза.

Одним из направлений реформирования экономики признана приватизационная политика. По Закону «О разгосударствлении и приватизации собственности Туркменистана» (1992) приватизации в первую очередь подлежали мелкие предприятия сферы услуг, легкой промышленности, строительства и агробизнеса. К 1 января 2008 г. приватизировано 2130 объектов государственной собственности. В сельскохозяйственном производстве в частную собственность переданы орошаемые земли, 89% крупного рогатого скота и птицы, более 61% овец и коз. Арендаторы осваивают 70% пашни. Было заявлено о развитии свободных экономических зон. Закон «О свободных экономических зонах» принят еще в 1998 г., но лишь в июле 2007 г. состоялась презентация проекта первой свободной экономической зоны в прикаспийском Туркменбаши (бывший Красноводск) для развития индустрии туризма.

С приходом нового президента власти страны провозгласили курс на развитие малого и среднего бизнеса (МСБ), планируя довести его долю в ВВП страны к 2015 г. до 45%, а в перспективе – до 70% (в 2008 г. – около 40%). Для этого в конце 2005 г. в Налоговый кодекс внесены поправки для частных предприятий и индивидуальных предпринимателей, в соответствии с которыми установлена ставка единого налога с валового дохода 2%, что позволило сократить документооборот у этих хозяйствующих субъектов и упростить процедуру уплаты налогов. В результате налоговая нагрузка на малые предприятия уменьшилась почти в 2 раза.

Преобразуется и таможенное законодательство. В 2008 г. постановлением президента утверждены перечни товаров, в соответствии с которыми значительно снижены или вообще отменены таможенные пошлины для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В феврале 2010 г. создана Государственная комиссия по поддержке малого и среднего предпринимательства (МСИП). В соответствии с Законом «О государственной поддержке малого и среднего предпринимательства», она в основном нацелена на активизацию предпринимательской деятельности в различных отраслях национальной экономики.

Основой реформы на селе стало введение частной собственности на землю. Передачу земли крестьянам (в собственность до 50 га, долгосрочную аренду – до 500 га) предполагается осуществлять без ущерба для деятельности колхозов. Минимальный срок аренды увеличен до десяти лет; предусматривается также наследование земель. Иностранным инвесторам земля, находящаяся в государственной собственности, может предоставляться в пользование только на условиях аренды. Ситуация в аграрном секторе остается сложной. Частные производители стратегически важных хлопка и зерна получают от государства льготные кредиты, освобождены от уплаты налогов, правительство оплачивает 50% их расходов на семена, химикаты, минеральные удобрения, различного рода технические услуги.

Реформы и минимальное расширение открытости экономики страны дали результаты (см. табл.). В 2005–2010 гг. Туркмения развивалась высокими темпами. По официальным данным, ежегодный прирост ВВП в 2007–2008 гг. превышал 10%, в 2009 г., несмотря на мировой финансовый кризис, – 6,1, а в 2010 г. – 9,2%. В кризисном 2009 г. в Туркмении наблюдался хоть и снизившийся по сравнению с предыдущими годами, но стабильный рост макроэкономических показателей. Промышленное производство увели-

чивалось неравномерно по отдельным отраслям. Наибольшего роста добились в нефтедобыче – на 79,3%, химической промышленности – 50,6, электроэнергетике – на 37,8%. Благодаря высокому урожаю заметно возросло сельскохозяйственное производство.

По официальным данным, в 2009 г. продолжался рост платежеспособности и реальных доходов населения: при нулевой инфляции среднемесячная заработная плата в стране увеличилась за год на 10,4%, оборот внутренней торговли – на 15,9%. Доходная часть государственного бюджета выполнена на 102,3%, расходная – на 93,9%. Высокие темпы социально-экономического развития страны позволяют планомерно пополнять Стабилизационный фонд, созданный в 2008 г.

Таблица

Основные макроэкономические показатели

	Годы					
	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Валовой внутренний продукт:						
млрд. долл. (расчетные данные)	–	–	13,89	15,36	18,48	20,2
темпы роста в сопоставимых ценах, %	–	–	110,9	110,5	106,1	109,2
на душу населения, долл. (расчетные данные)	–	–	2138	2369	2843	3103
Инвестиции в основной капитал, млрд. долл., в действующих ценах (расчетные данные)	–	–	1,61	5,44	8,75	10,0
Внешнеторговый оборот:						
млрд. долл.	7,6	8,9	13,4	17,6	18,3	17,9
темпы роста, %	105,5	117	149	132	103,8	97,6
Экспорт, млрд. долл.	4,3	6,1	8,9	11,9	9,3	9,7
Импорт, млрд. долл.	3,3	2,8	4,5	5,7	9,0	8,2
Сальдо торгового баланса, млрд. долл.	1,0	3,3	4,4	6,2	0,3	1,5
Курс национальной валюты (манат / долл.)	5200	5200	5200	14 250	2,85	2,85

Источник: Данные торгового представительства РФ в Туркмении.

В течение 2009 г. фактически проводилась деноминация туркменской валюты. Курс доллара к национальной валюте нового образца составил 2,85 маната за 1 долл., против 14 200 за 1 долл. по курсу на 31 декабря 2008 г. Правда, официально манат не был девальвирован. Курс устанавливается властями страны, а не на основе валютных торгов.

Одновременно правительство предприняло меры по сокращению влияния глобального финансового кризиса: ужесточился контроль за валютным режимом, укреплены банковская система и налогово-бюджетная сфера. Согласно постановлению президента образована комиссия по анализу негативного влияния мирового финансово-экономического кризиса на экономику страны и разработке соответствующих мер.

Открытие новых месторождений газа на суше и изменение Закона об иностранных инвестициях привели к значительному увеличению с 2009 г. притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ), главным образом в сектор добычи углеводородного сырья.

В 2010 г. темпы роста ВВП по отраслям составили: в сфере промышленности – 108,1%, строительства – 116, транспорта и связи – 112,2, торговли – 111,3, сельского хозяйства – 107,8, услуг – 106%. По сравнению с аналогичным периодом 2009 г. увеличилось производство электроэнергии, газа, нефти и нефтепродуктов, минеральных удобрений, цемента, нерудных строительных материалов, хлопковолокна, хлопчатобумажной пряжи, швейных и трикотажных изделий, обуви, дубленой кожи, лекарственных средств, рыбы и рыбной продукции, хлеба и хлебобулочных изделий, молочных и других сельхозпродуктов.

Дальнейшее развитие получил топливно-энергетический сектор – базовый для национальной экономики. Темпы роста добычи природного и попутного газа достигли 116,5% по сравнению с 2009 г. Объем экспорта природного газа вырос на 33,6%. За 2010 г. производство электроэнергии в стране увеличилось на 3% по сравнению с предыдущим годом, динамично растут объемы ее экспорта. В 2010 г. запущен еще один газопровод в Иран, заложены основы строительства газовой магистрали «Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия» и началось строительство крупнейшего в стране газопровода «Восток–Запад», осуществляемое силами туркменских компаний.

Доходная часть госбюджета в 2010 г. составила 125%, расходная часть – 92% к предшествующему периоду. Денежные сред-

ства, сформированные за счет профицита бюджета за 2010 г., направлены в Стабилизационный фонд.

При этом, по мнению экспертов международных организаций, Туркмения реформируется медленно. Лишь в 2009 г. начался переход к рынку. Несмотря на деноминацию национальной валюты, банковская система недостаточно масштабна. Главная проблема, как считают аналитики ЕБРР, обусловлена доминированием государственных банков, что серьезно ограничивает доступ частного сектора к финансам и одновременно тормозит решение более общей задачи диверсификации экономики.

В мае 2010 г. правительство приняло национальную программу социально-экономического развития Туркмении на 2011–2030 гг. Ею предусматривается диверсификация экономики, повышение конкуренции и признается важность дальнейших рыночных и институциональных реформ. Впервые эта деятельность прямо включает приватизацию в сфере малого и среднего предпринимательства. В целом определены приоритетные направления структурных реформ. Речь идет, во-первых, об улучшении делового и инвестиционного климата для привлечения дополнительных ПИИ в целях содействия диверсификации экономики, а также дополнительном облегчении административного бремени и упрощении процедур регистрации и лицензирования частных предприятий; во-вторых, об увеличении доли частного сектора в банковской системе. Проводимая реформа банковского законодательства должна будет способствовать расширению доступа к кредитам, что имеет решающее значение для МСП, поскольку оно пока лишено доступа к кредитам, необходимым ему для роста.

Были объявлены тендеры на приватизацию некоторых государственных компаний страны. В августе 2010 г. правительство внесло в парламент новые законопроекты о банковском и валютном регулировании, призванные улучшить национальную банковскую систему путем ее перевода на международные стандарты отчетности и повышения прозрачности банковских операций.

Наращивание промышленного потенциала страны предусматривается по нескольким основным направлениям. Пока бесспорный приоритет отдается развитию нефтегазового комплекса. Согласно «Национальной стратегии развития нефтегазового комплекса до 2020 г.», предполагается, что к 2020 г. добыча нефти и газового конденсата возрастет до 100 млн. т, газа – до 240 млрд. м³.

Участие иностранных компаний в модернизации и развитии нефтегазовой промышленности страны до 2020 г. законодательно

закреплено указом президента о создании совместных предприятий с зарубежными фирмами. Туркмения имеет долгосрочные соглашения о сотрудничестве в газовой сфере с Россией, Китаем, Ираном, подписан меморандум о сотрудничестве в энергетической сфере с Евросоюзом. Туркменское правительство заявило, что в 2010 г. иностранные инвестиции в энергетический сектор, обслуживаемый совместными предприятиями, возрастут на 46% – до 4,1 млрд. долл. против 2,8 млрд. долл. в 2009 г. Однако пока официальная статистика не приводит каких-либо данных на этот счет.

Одним из приоритетных направлений развития нефтегазового комплекса выбрано освоение углеводородных ресурсов шельфа Каспия. Туркменский сектор разбит на 32 блока. По подсчетам специалистов, прогнозные запасы нефтегазовых ресурсов шельфа Каспийского моря оцениваются в 12 млрд. т нефти и 6 трлн. м³ газа. При добыче нефти с морского шельфа на «Блоке-1» применяются передвижные морские установки новейшего образца.

Большое значение придается не только добыче, но и переработке углеводородов: реконструирован НПЗ в г. Туркменбаши. В рамках данного проекта построены завод по производству масел и установка каталитического крекинга. Инвестиции японских и турецких нефтяных компаний позволили модернизировать процесс каталитического риформинга на этом НПЗ и увеличить в 2,5 раза выпуск высокооктанового бензина. Реконструирован и второй по величине в стране Сейдинский НПЗ. Программой предусмотрено строительство в 2025 г. в Балканском велаяте и в 2030 г. в Ахалском и Марыйском велаятах новых заводов по переработке нефти. На месторождении Яшылдепе строится новый газоперерабатывающий завод проектной мощностью 1 млрд. м³ товарного газа, 50 тыс. т сжиженного газа и 200 тыс. т конденсата в год. Комплекс включает в себя 40 технологических и инженерно-коммуникационных объектов контрактной стоимостью 42 млн. долл.

В соответствии с туркмено-китайскими договоренностями на месторождении Саманде в июле 2008 г. начаты инвестиционный проект в области развития газовой инфраструктуры и строительство газоперерабатывающего завода проектной мощностью 5 млрд. м³ газа в год, который будет обеспечивать сырьем транснациональный газопровод «Туркмения–Китай».

Туркмения еще в начале века начала диверсификацию своих газовых коммуникаций. Еще более интенсивно эта тенденция про-

явилась в 2009–2010 гг. Из-за серьезнейших потерь вследствие прекращения Россией импорта сырья более чем на полгода была резко снижена его добыча, законсервировано около 150 скважин. В итоге в 2009 г. добыто лишь 38 млрд. м³ газа (вдвое меньше запланированного).

В конце 2009 г. начал функционировать уже упоминавшийся трубопровод Туркмения – Китай, по которому в 2010 г. поставлено около 6 млрд. м³ газа, на проектную мощность в 40 млрд. м³ трубопровод должен выйти к 2013 г. К этому моменту Туркмения будет экспортировать по нему примерно 30 млрд. м³ (между CNPC и «Туркменгазом» заключен контракт на поставку газа в КНР сроком на 30 лет, начиная с 2009 г.), еще 10 млрд. м³ дадут Узбекистан и Казахстан. Однако пока не урегулированы цены на поставляемый в Китай туркменский газ. Главное при этом учесть гигантские расстояния от туркменских месторождений до китайской границы (1,7 тыс. км) и дальнейшую транспортировку газа по китайской территории – основные регионы потребления находятся в прибрежных провинциях Поднебесной (еще 6 тыс. км). По некоторым источникам, китайская сторона предлагает значительно более низкую цену, чем европейские потребители. Пока же низкая цена (120 долл. за 1 тыс. м³) обеспечивается за счет целевого кредита Государственного банка Китая в 4 млрд. долл. на освоение Южного Иолотаня.

6 января 2010 г. введен в действие 30-километровый газопровод в Иран Довлетабат–Серахс–Хангеран. Это позволит, с учетом мощностей функционирующего газопровода Корпедже–Курткуи, довести объемы поставок туркменского газа в Иран до 20 млрд. м³ ежегодно.

Несмотря на то, что Россия и Туркмения договорились об экспорте газа в объеме до 30 млрд. м³ ежегодно, такая цифра отражает верхнюю планку в зависимости от потребностей на украинском и европейском рынках. Согласно данным российского ЦДУ ТЭК, поставки туркменского газа «Газпрому» составили по итогам 2010 г. около 11 млрд. м³, т.е. почти в 4 раза меньше, чем в 2007–2008 гг. Однако России данное соглашение выгоднее, чем предыдущее. Так, согласно подписанному в конце 2008 г. контракту, «Газпром» должен был закупать ежегодно около 50 млрд. м³ (2/3 от всей добычи) по цене 375 долл. за 1 тыс. м³, теперь – в условиях резкого падения из-за кризиса цен на газ в Европе – в значительно меньших объемах и по более низкой, среднеевропейской цене (порядка 190 долл.).

Не оставляет надежд на поставки туркменского газа через Каспий и Черное море и Евросоюз. Туркмения – потенциальный ключевой поставщик «голубого топлива» в альтернативный российский газопровод Nabucco. Реализация этого проекта возможна лишь при условии заключения ЕС стратегического соглашения о поставках газа из Туркмении сроком на 30 лет. Несмотря на некоторое улучшение позиций ЕС в предыдущие годы (меморандум 2008 г. о поставках 10 млрд. м³ в год), рамочный документ об изучении маршрута поставок с немецкой RWE (2009), а также намерение Туркмении поставлять в этот трубопровод порядка 10 млрд. м³, конкретных решений по строительству этого трубопровода так и не принято. Европарламент пошел на беспрецедентные политические уступки, ратифицировав торговое соглашение между ЕС и Туркменией, невзирая на ситуацию с правами человека в этой стране.

Осложняет реализацию проекта Транскаспийского газопровода и отсутствие договора о делимитации границы между Туркменией и Азербайджаном, газотранспортная система которого связана с Турцией Южнокавказской трубой.

Туркмения готова поставлять газ в Европу лишь по территории Ирана или России. Для этих целей может быть использован упоминавшийся новый газопровод в Иран. Но эта идея вряд ли будет поддержана Вашингтоном, который для изоляции Тегерана, по сути, лишил Nabucco газовых ресурсов. Правда, договоренности о строительстве «Северного» и «Южного» потоков практически не оставляют надежд на достаточность центральноазиатского газа для этого энергетического проекта. Туркмении только для выполнения уже имеющихся экспортных контрактов необходимо 80–90 млрд. м³ газа и около 20 млрд. м³ – для внутреннего рынка. Намерение же Ашхабада к 2015 г. довести объем газового экспорта до 125 млрд. м³ (увеличив его на 150% по сравнению с 2008 г.) эксперты оценивают как нереалистичное.

В мае 2010 г. началось строительство крупнейшего газопровода страны «Восток – Запад», протяженность которого составит 1 тыс. км. Это позволит создать единую газоперекачивающую систему страны. Кроме того, в декабре 2010 г. подписан договор о строительстве газопровода, связывающего Туркмению, Афганистан, Пакистан и Индию (ТАПИ), протяженностью около 1730 км. Мощность трубопровода составит около 33 млрд. м³ газа в год, из которых по 14 млрд. будут получать Пакистан и Индия, а 5 млрд. – Афганистан. Если строительство начнется в 2011 г., труба может

быть готова к концу 2015 г. Однако подписанные документы не включают многих элементов – точных дат реализации проекта, размера транзитных ставок и условий финансирования. Кроме того, ни афганское правительство, ни силы НАТО, находящиеся в стране, не могут гарантировать безопасность строительства газопровода и дальнейшего его функционирования на территории Афганистана.

Туркмения также приступила к диверсификации своего нефтяного экспорта (на долю которого в 2009 г. приходилось около 1/3 совокупного экспорта углеводородов) и начала перекачку до 40 тыс. барр. в день по нефтепроводу «Баку–Тбилиси–Джейхан» (БТД). На долю туркменской нефти в настоящее время приходится 4–5% общего объема перекачки через БТД.

Текстильная промышленность – вторая по значимости отрасль промышленного производства Туркмении. На национальных фабриках перерабатывается порядка 40% хлопка-сырца. Наиболее стабильны туркмено-турецкие СП, которые контролируют около 90% текстильной промышленности.

В электроэнергетике иностранных инвесторов интересуют проекты реконструкции действующих электростанций и комплексного обслуживания энергетических объектов. Они готовы предложить метеорологическое оборудование, ресурсосберегающие технологии с использованием ветровой и солнечной энергии. Особый интерес к партнерству в этой области проявляют Россия, США, Германия и Турция.

Несколько международных энергетических компаний предусматривают инвестирование 3 млрд. долл. в проект модернизации электроэнергетической системы Туркмении. Этот проект будет осуществляться в несколько этапов и вряд ли завершится до 2020 г. Вкупе с проектом модернизации крупнейшей в стране Балканабатской электростанции это позволит, как ожидается, утроить количество производимой электроэнергии к 2020 г.

Оценки перспектив развития экономики, данные руководством страны и международными экспертами, совпадают. И те и другие достаточно позитивно оценивают возможности Туркмении в восстановлении темпов экономического роста. По расчетам МВФ, добыча, переработка и экспорт углеводородов дают достаточные шансы не только сохранить экономические позиции, но и приумножить их, тем более что в конце 2009 г. удалось диверсифицировать транспортировку природного газа, добываемого на территории страны.

Озвученная президентом Г. Бердымухамедовым в мае 2010 г. «Экономическая стратегия Туркменистана» нацелена на эффективную интеграцию национальной экономики в мировую. Для этого, как он полагает, «стране необходимы достаточно диверсифицированный и модернизированный производственный потенциал, развитые транспортные и коммуникационные артерии, качественная рыночная инфраструктура, экономические и правовые гарантии и условия для привлечения широкомасштабных инвестиций, устойчивость социальной и политической систем». Благодаря курсу на диверсификацию национальной экономики в 2010 г. снижена зависимость госбюджета от доходов топливно-энергетического комплекса. Дальнейшее развитие получили агропромышленный комплекс, транспорт, связь, строительство, текстильная и пищевая промышленность. Продолжено возведение Национальной туристической зоны «Аваза», сооружение важных объектов транспортно-коммуникационной и промышленной инфраструктуры, реализация градостроительной программы в столице. В целом в 2010 г. в стране возведено свыше 240 крупных объектов общей стоимостью почти 12 млрд. долл. При этом финансирование национального бюджета для выполнения экономической стратегии в основном обеспечивал ТЭК страны.

* * *

Таким образом, Туркмения пытается, как и другие страны Центральной Азии, провести административные и политические реформы «сверху», не создавая реального гражданского общества, а укрепляя президентскую власть. Однако это специфика политической культуры страны. Большое значение туркменское руководство придает модернизации экономики, созданию и укреплению перерабатывающих отраслей, опираясь на доходы от нефтегазовой отрасли. Неспешные реформы и переход к относительной открытости страны вселяют надежды на Западе на ее постепенное встраивание в мировые процессы. Пока же Туркмения успешнее сотрудничает с соседями – Китаем, Ираном и Россией.

«Мир перемен», М., 2011 г., № 2, с. 75–90.

Мунзифахон Бабаджанова,
кандидат исторических наук
(Российско-Таджикский университет,
г. Душанбе)
**ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В ТАДЖИКИСТАНЕ: ПЕРВЫЕ ШАГИ**

Таджикистан – страна, не имеющая выхода к морю, с населением 7 млн. 124 тыс. человек. Географический ландшафт чрезвычайно сложен: 93% составляют высокогорья, из которых 6% – ледники, в то время как пахотные земли занимают только 7% общей территории, 73% населения проживают в сельской местности, причем 2/3 населения полагаются на сельское хозяйство как на основной источник средств к существованию. Таджикистан обладает богатыми водными ресурсами, что позволяет заниматься интенсивным сельским хозяйством, особенно выращиванием хлопка – основной сельскохозяйственной культуры. Дети составляют самую большую долю населения.

Каждый человек имеет право на образование независимо от возраста, пола, национальности, вероисповедания. Равный доступ к образованию обеспечивает равные возможности в раскрытии потенциала личности, получение более высокого уровня образования, расширение научно-технической грамотности. В Декларации тысячелетия ключевыми предпосылками развития человеческого потенциала признаны долгая и здоровая жизнь, образование, достойный уровень жизни, политические и гражданские свободы выбора для участия в жизни своего общества.

В «Стратегии сокращения бедности», принятой парламентом Республики Таджикистан в 2002 г., отмечено, что образование способствует экономическому росту, социальному и политическому развитию общества. Инвестиции, вложенные в развитие образования и человеческого капитала, будут способствовать достижению экономического роста страны, устранению бедности населения. Основные цели правительства республики – обеспечение равного доступа к базовому образованию, улучшение качества образования, которое в последнее десятилетие ухудшилось по ряду причин. План действий реформы образования на 2004–2009 гг., принятый Постановлением Правительства РТ в 2004 г. № 291, и разработанная на его основе «Национальная стратегия развития образования» внесли определенный вклад в развитие человеческого капитала в Таджикистане.

Обеспечение качественного образования для всех детей – прямая обязанность государства. После обретения независимости, и особенно после подписания мирного соглашения с оппозицией, Правительство РТ предприняло шаги по реформированию системы образования. Эти реформы стали основой для обеспечения качественного образования. Среди основных принципов государственной политики в области образования – обязательность общего основного образования, общедоступность общего среднего, начального профессионального образования и получение на конкурсной основе последующих уровней образования. Но остаются значительные препятствия на пути обеспечения качества в системе образования. Это касается и выпуска новых учебников, методических пособий, переподготовки учителей по интерактивным методам преподавания. Демократизация всего процесса образования и подготовки специалистов, а также необходимость изменения отношения к образованию со стороны родителей важны с точки зрения осознания их роли и ответственности социума в процессе модернизации образования в целом.

Следует особо подчеркнуть направленность законодательных актов Таджикистана на обеспечение гендерного равноправия в получении образования, ликвидацию бедности, улучшение качества образования посредством внедрения стандартов образования. По данным Министерства образования Республики Таджикистан, уровень охвата обучением населения от 7 до 15 лет в общеобразовательных учреждениях превысил 98%. В настоящее время во всех средних общеобразовательных школах количество учащихся 1–9-х классов составляет 1 493 954 человека. Основными причинами неграмотности небольшой части населения, отраженной в результатах переписи населения, стали гражданская война (1991–1997) и ее последствия: беженцы, бедность, многодетность, нехватка средств на приобретение школьно-письменных принадлежностей, учебников, школьной формы, одежды, обуви.

Неформальное образование осуществляется внешкольными детско-юношескими центрами, клубами по интересам, неправительственными, общественными, благотворительными организациями при поддержке государственных органов образования, местных органов власти, общин, международных организаций. В Таджикистане действует свыше 70 внешкольных детских учреждений дополнительного образования (дома творчества, центры эстетического воспитания, клубы по интересам, кружки юных техников, спортивные клубы, секции). Практически в каждом район-

ном центре функционирует по одному детскому учреждению неформального образования. Новые центры для детей и юношества действуют и в наиболее отдаленных районах республики: Раште, Рогуне, Таджикабаде, Джиргитале, Шаартузе, Фархоре.

Детские общественные и неправительственные организации осуществляют свою деятельность на основании совместного приказа Министерства образования и Комитета по делам молодежи при Правительстве Республики Таджикистан, подписанного в 1999 г., «Положение об ученических организациях и воспитательных учреждениях Республики Таджикистан». Во всех общеобразовательных школах республики действует детская общественная организация Таджикистана им. И. Сомони, которая имеет три возрастные ступени: «Ахтарон» (1–4-й классы), «Ворисони Оли Сомон» (5–9-й классы) и «Сомониен» (10–11-й классы). Организация помогает детям изучать права ребенка, заниматься творчеством, лучше учиться. В указанных детских общественных организациях основными помощниками детей выступают учителя истории и права, других общественных дисциплин. Неправительственные организации занимаются неформальным образованием детей и подростков. Так, при НПО «Адабсоро», «Наели наврас», «RCVC», «Мехр», «Ассоциации скаутов», «Наши дети» созданы учебно-производственные и образовательные центры по обучению грамоте, основам профессиональной деятельности детей, не обучающихся в школе, беспризорных детей, детей-сирот, детей из семей беженцев.

В многонациональном Таджикистане проживают представители более 120 национальностей и этнических групп, в том числе таджики, узбеки, русские, киргизы, туркмены, украинцы, белорусы, татары, евреи, грузины, армяне, азербайджанцы, корейцы. Отражением пестрой этнической картины страны стала национальная принадлежность студентов Российско-Таджикского (Славянского) университета. Представители всех национальностей пользуются равными правами. На языках этнических и языковых меньшинств сегодня выпускаются 177 периодических изданий, в том числе 45 на русском языке, 12 – на узбекском, 86 – на таджикском и русском, 25 – на таджикском и узбекском, 2 – на таджикском и киргизском и 7 – на таджикском и английском языках.

Рассмотрим первые шаги поликультурного образования молодежи на примере двух кафедр Российско-Таджикского (Славянского) университета – кафедры культурологии, педагогики, психо-

логии и кафедры ЮНЕСКО «Межкультурный диалог в современном мире».

При подготовке лекций и семинаров преподаватели используют не только исторические материалы об истории, культуре, религии народов мира, пытаясь привить студентам навыки, понимание, толерантность к традициям разных народов. Ширится внеаудиторная работа со студентами. В кружке «Караван культуры» факультета истории и международных отношений студенты готовят и обсуждают различные доклады; праздники и вечера, посвященные различным народам, что помогает им глубже понять и прочувствовать на практике культурное разнообразие народов и особенно тех, кто проживает или учится рядом с ними. Так молодежь приобщается к культурному наследию человечества.

«Этнодиалоги», М., 2011 г., № 2, с. 30–36.

Музафар Артиков,

исламовед (Национальный университет
Узбекистана, Ташкентский исламский университет)

ПАРАДИГМЫ МЕЖРЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В УЗБЕКИСТАНЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Религия была и остается самым простым и в то же время самым таинственным, самым универсальным и, несмотря на это, самым уникальным явлением в мире. Каждый народ, каждая страна за тысячелетия своего развития накопили неповторимый религиозный опыт, свое бесценное духовное наследие, которые и обеспечивают преемственность поколений, социализацию подрастающей смены, кристаллизацию национальных ценностей. Не является исключением и Узбекистан, на земле которого издревле мирно сосуществовали различные религии и конфессии, в добром соседстве жили, отдавая дань уважения вере и убеждениям, обычаям и традициям, зороастрийцы и буддисты, индуисты и иудеи, мусульмане и христиане. В течение тысячелетий в этом крае формировалась высокая культура межнационального общения и межрелигиозного диалога, был выработан неписанный устав гуманности и толерантности.

Главной парадигмой социальных отношений выступало то, что в центре мировоззрения стоял Человек – не единоведец, не представитель своей нации, не односельчанин, а просто человек.

Все то, что в других условиях и в некоторых регионах считалось чуть ли не главным (вероисповедание, цвет кожи, разрез глаз, ценности и ориентации), на этой земле становилось второстепенным. Еще античные историки – Геродот, Страбон, Ариан, Курций Руф – свидетельствовали о том, что здесь живут мужественные и мудрые люди, высоко ценящие чисто человеческие качества – любовь к родине, преданность своему долгу, веротерпимость. Преемственность традиций, высокая культура межэтнического общения, позитивная толерантность отмечались в Средние века испанским послом Руи Гонзалесом де Клавихо, арабским историком Ибн Батутой, в Новое время – венгерским ученым Германом Вамбери. Но никем из них не отмечались рецидивы ксенофобии, случаи межэтнических распрей или межрелигиозных конфликтов.

Главную причину такого миролюбия должно усматривать в классической парадигме, бессменной формуле, которая была выражена в Авесте лаконичным образом: «Добрая мысль, доброе слово, доброе дело». Нетрудно представить, что нужны были тысячелетия философских размышлений, научных изысканий и логических обобщений, чтобы выработать такую классическую формулу совершенства личности и общества, и еще тысячелетия, чтобы превратить ее в жизненное кредо каждого человека и всего народа. Востоковеды признают факт написания этого мирового шедевра на земле Древнего Хорезма. По решению ЮНЕСКО, в 2002 г. узбекский народ широко отметил 2700-ю годовщину Авесты, в Ургенче установлен монумент этой бессмертной книге. Еще одним, причем не локальным и даже не региональным, а глобальным в тех условиях фактором, имевшим важное значение в формировании культуры межкультурного общения, был, несомненно, Великий шёлковый путь, который пролегал через крупные города Узбекистана – Ташкент, Самарканд, Термез, Бухару, Хиву и др. Развитые торговые пути, караван-сарай, межкультурный обмен, конечно же, способствуют взаимообогащению культур и созданию атмосферы доверия и уважения, но только в том случае, если имеется благоприятная почва для этого. А такую почву составляют морально-нравственные устои, добрые традиции и непреходящие ценности. Только на сдобренной гуманностью и толерантностью почве возможно прорастание древа мира и согласия.

Буддийский пласт культуры в Узбекистане представлен высочайшими в художественном отношении памятниками эпохи Кушанской империи, духовным центром которой был Термез. Усилиями узбекских и японских археологов тщательно изучены

памятники Термеза и его окрестностей. Причем территория современного Узбекистана сыграла роль не столько транзитного пункта, сколько трамплина для последующей «миграции» буддизма в Юго-Восточную Азию. Местное население, если даже и не поклонялось огню или не почитало Будду, с уважением относилось к верованиям других, не проявляло неприязни к чужим взглядам или иной вере. При этом не допускало «вторжения» в свой мир чуждых обычаев и обрядов. Афоризм великого Фирдоуси: «О, глазам бы не увидеть моим, как родной мой обычай изгнан чужим» – был своего рода парадигмой межкультурного обмена.

Христианство проникло в Среднюю Азию в III–IV вв., т.е. задолго до ислама. Письменные источники свидетельствуют о том, что уже в 334 г. в Мерве функционировала епархия, которая была бы возможной только при наличии множества крупных христианских общин. Есть сведения, что мервское духовенство имело большой вес в Восточной церкви и участвовало в Соборах – в частности, Никейском соборе 325 г.

Предполагается, что распространение христианства на Востоке, в частности в Иране, Туране, Индии, было связано с деятельностью апостола Фомы. Как бы то ни было, в первые века н.э. из Сирии и Персии христиане начали переселяться в Среднюю Азию.

Следующий этап распространения христианства в Средней Азии приходится на период правления сасанидского царя Яздигарда II (438–457). В VI–VII вв. господствующие позиции завоевало несторианство, были созданы, по свидетельству В. Бартольда и Э. Захау, митрополии в Герате, Самарканде, Кашгаре и т.д. Среди христиан, хотя большинство их было несторианами, встречались и монофизиты, и якубиты Западно-сирийской церкви, а также православные мелькиты.

Для истории христианства в Средней Азии большое значение имеют сведения величайшего ученого-энциклопедиста Абу Рейхана Бируни о мелькитской общине в Хорезме. По мнению В. В. Бартольда, хорезмские христиане доисламского периода по преимуществу были мелькитами. В «Памятниках минувших поколений» Бируни писал о том, что в Хорезме по календарю христиан-мелькитов 21 июня отмечается как день памяти священнослужителя Барахия, который через 200 лет после Иисуса Христа принес его религию в Мерв. Основательны предположения В.В. Бартольда о том, что хорезмские мелькиты были подчинены мелькитскому митрополиту Мервскому и что сам Бируни получил данные о церковном календаре от них же в Хорезме еще до того,

как покинул его, т.е. до 995 г. Столь же высоко ценит В.В. Бартольд и сведения Бируни о сабиях, главным образом южных, об их переселении в VII в. и о некоторых особенностях их религии.

В VIII в. в Мавераннахр («Земля за рекой» – так называли арабы этот край) пришел ислам и за относительно короткий срок завоевал умы и сердца народа. «Главная причина этого, в первую очередь, связана с правдивостью и чистотой священной религии, ее гуманностью и толерантностью, призывом человечества к добру и благодетельству, ролью и значением оправданных жизненных испытаний ценности и традиций, передающихся из поколения в поколение». Разумеется, следует учесть и то, что ислам нашел здесь благоприятную почву, пришел в унисон с вековыми традициями и обычаями, сделал свой осознанный исторический выбор. Ввиду того, что уровень культуры и общественного сознания жителей края был довольно высоким, ислам был принят в Средней Азии как бы рационалистическим путем, т.е. «с умом». Этим объясняется возникновение школ и толков, основанных на «рабъ» и «акъл». Узбекские ученые, такие как Имам Бухари, Иса Термизи, Матуриди, Махмуд Замахшари, Каффал Шаши, Бурханиддин Маргинани и сотни других внесли огромный вклад в развитие исламской цивилизации, неопределима их заслуга в превращении этой религии в мировую.

Нетерпимость, ксенофобия, претензии на обладание истиной в последней инстанции, которые были присущи первому поколению мусульман, были вскоре «заменены» в этом крае межрелигиозным диалогом, философией консенсуса и идеологией толерантности. Религиозные различия хотя и существуют, но не становятся существенными.

Бируни, в честь которого американский ученый Дж. Сартон назвал XI век «веком Бируни», касаясь трех основных различий между жителями мусульманских областей и индийцами, прежде всего останавливается на различии языков. Лишь на второе место Бируни ставит религиозные различия, о которых он говорит очень лаконично и объективно: «Мы ничего не признаем из того, во что веруют они, но и они не признают ничего из того, во что веруем мы». Третье различие Бируни видит в нравах и обычаях, которые могут быть причиной известной неприязни. Но и здесь Бируни весьма объективен: «Впрочем, – пишет он, – подобные предубеждения преобладают не только в наших взаимоотношениях с индийцами, но и между всеми народами в их отношениях друг к другу».

Серьезным ударом по мусульманско-христианскому содружеству был «желтый крестовый поход» монгольских несториан. Л.Н. Гумилёв утверждает, что несториане стояли на пороге создания охватывающей всю Азию «империи третьего типа», где главенствовала бы их религия. И действительно, во времена первых Чингизидов несториане были очень близки к тому, чтобы захватить власть в Великой Орде. Монгольские армии, которые возглавлял несторианец Кит-Бука, завоевали почти все мусульманские страны, повсюду сжигая мечети, истребляя мусульманское духовенство, огнем и мечом пытаясь насадить несторианство. Монголы дошли до Египта, оставившегося последней опорой ислама. В решающей битве египтяне одержали победу над армией Кит-Буки. Примечательно, что в этой битве за спасение ислама на стороне мусульман в составе союзных Египту войск Золотой Орды сражалась и дружина православных русичей.

Со второй половины XIX в., с завоеванием царской Россией, наступила новая эра православия в Средней Азии, началось бурное строительство православных церквей, первая из которых была воздвигнута в 1847 г. в крепости Раим Сырдарьинской области. После этого были организованы православные общины и построены церкви в Ташкенте (1865), Аулия-ата (1866), Жулече и Мерке (1866), Туркестане (1866), Джизаке (1866), Ура-тюбе (1867), Чиназе (1868), Чимкенте (1868), в которых богослужением руководили военные священнослужители. В Зерафшанском округе сформировались общины в Самарканде и Каттакургане.

Постановлением Священного Синода в 1865 г. был основан Ташкентский округ, объединяющий церкви. А в 1871 г. был издан указ императора России о создании Ташкентской и Туркестанской епархии: епархия специально была расположена в г. Верный (ныне – Алма-Ата) с целью рассредоточения светской и церковной властей и во избежание кривотолков и недоразумений со стороны местного населения. Администрация империи пошла по пути невмешательства в религиозную жизнь коренного населения. Изучение истории христианства в Узбекистане показывает, что православная церковь в лице местной епархии смогла выработать дееспособный модус добрососедских отношений и мирного сосуществования с другими религиями, прежде всего с исламом. Еще в XIX в. три сельских храма в Туркестане были полностью построены на средства мусульманских благотворителей. При этом мусульмане считали для себя почетным участие в строительстве православных храмов, ими были созданы резные иконостасы и киоты для Иосифа

фо-Георгиевского собора в Ташкенте, соборов в Коканде, Андижане, Намангане, Фергане, а также в Казахстане и других регионах Центральной Азии. Эти произведения искусства были уникальны. Ведь нигде в мире больше не было резьбы по алебастру в христианских храмах. Эти церкви отличались особой красотой лепных украшений, использованием в убранстве традиционной для местных народов резьбы по ганчу (алебастру) и карагачу (дереву), храмовые здания и ограды украшались восточной мозаикой.

Величественные храмы и мечети, потрясающие воображение фрески, иконы, прекрасные материальные и религиозные обряды, нравственные заповеди обогатили духовный мир человечества. Мусульмане и христиане вместе занимались благотворительностью, создавали приюты для детей-сирот, в которых воспитывались сироты разных национальностей. Причем закон Божий детям мусульман преподавал мулла, а русским – православный священник.

К началу XX в. в Туркестане проживали 6,003 млн. мусульман и 391 тыс. православных, на 5340 мечетей приходилось 306 церквей. Кроме этого в крае проживали 10,1 тыс. старообрядцев, 8,2 тыс. лютеран, 7,8 тыс. католиков, 28 тыс. иудеев, 17,1 тыс. представителей других религий. Первая лютеранская община была зарегистрирована в Ташкенте 12 января 1865 г., а 19 октября 1899 г. состоялась инаугурация кирхи. С переселением поляков в XIX в. началось строительство католической церкви. В 1897 г. усилиями Бонавентуры Пранайтиса – курата Рима, было создано благотворительное общество римо-католиков. Строительство величественного здания костела было завершено в 1917 г., но до 1991 г. оно использовалось не по назначению.

В советское время христиане и мусульмане Узбекистана пережили все ужасы репрессий, раскулачивания, воинствующей атеизации наряду с представителями других религий.

Только в условиях независимости Узбекистана религиозная жизнь вошла в нормальное русло, деятельность религиозных организаций получила надежную конституционную гарантию и легитимную основу. В настоящее время прошли регистрацию согласно Закону Республики Узбекистан «О свободе совести и религиозных организациях» и успешно функционируют: одна епархия, одна семинария, три монастыря и 33 церкви – всего 38 православных организаций. Кроме этого, функционируют две лютеранские, четыре новоапостольские, пять римско-католических, 52 корейских протестантских церкви, с учетом 23 баптистских, 10 адвентистских, 21 церкви христиан полного евангелия – всего более 160 христи-

анских религиозных организаций. Разумеется, ситуация не может быть всегда абсолютно прозрачной, отношения – столь идиллическими, а перспективы – слишком безоблачными. Иногда возникают проблемы, но не между официальными религиями и конфессиями, а связанные с незаконной миссионерской деятельностью, религиозным фундаментализмом.

На состоявшейся в 1995 г. в Ташкенте международной христианско-мусульманской конференции на тему: «Совместно жить под одним небом» главы мусульманского и православного духовенства Центральной Азии приняли обращение к живущим в регионе верующим обеих религий. В этом документе сказано: «Мы стоим за религиозную свободу, однако нас беспокоит, когда ею злоупотребляют иностранные миссионерские организации, число которых все растет. Мы озабочены их действиями, несущими разделение, их невниманием к нашей культуре и традициям, их агрессивной религиозной пропагандой и тем, что они используют материальные нужды людей в целях прозелитизма.

Деятели Ислама и Православия, как добрые соседи и искренние сотрудники в укреплении наших государств, решительно настроены на борьбу со всяким искажением образа наших великих мировых религий. Мы будем стремиться к тому, чтобы наши верующие получали объективное, полное и почтительное к иной вере образование, которое открывает наши умы и сердца для уважения религиозных убеждений друг друга».

Узбекистан – часть открытого мира, и здесь религиозные фундаменталисты, международные террористы пытаются нарушить ритм жизни, сеять панику и страх, нагнетать исламофобию и другие виды нетерпимости. Республика столкнулась с целым рядом выпадов международного терроризма, особо крупных – в феврале 1999 г. в Ташкенте, 12–13 мая 2005 г. в Андижане и т.д. Но многонациональный и поликонфессиональный народ Узбекистана смог сохранить свои идеалы, свою приверженность общечеловеческим ценностям и принципам демократии. Терроризм – это общий враг, с которым надо бороться сообща православным христианам, и истинным мусульманам, да и всем народам мира.

В своей речи митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир сказал: «К политической, экономической, национальной смуте на постсоветском пространстве добавилась массивная духовная интервенция. Теперь же – с целью спекуляции на созданном богоборцами духовном вакууме – в СНГ ринулись тысячи пропагандистов искаженной и извращенной духовности. В этом

темном наступлении представлен весь спектр соблазна: от псевдохристианских ересей до экзотических культов и прямого сатанизма». Об истинном смысле этого нашествия с постоянной тревогой говорил Святейший Патриарх: «Я убежден в том, что ими всеми, заезжими зарубежными проповедниками, руководит не желание просветить, а желание разъединить, разделить общество, и без того раздробленное политически, еще и по вероисповедному признаку».

Общечеловеческая религиозная солидарность возможна только на основе взаимоуважения, высокой толерантности, межкультурного обмена. Цель современного межрелигиозного диалога – не сглаживание доктринальных различий, не «смещение вер» и тем более не обсуждение внутриконфессиональных проблем. Главное его содержание – это поиск совместной реакции на происходящее в наших странах и вокруг них. Оценивая общественные процессы, мы призваны соиздательно влиять на них, дабы неизменно быть истинными миротворцами. Заострение расхождений, обсуждение заведомо неприемлемых друг для друга догматов, ненужная полемика могут принести только вред. Это не нужно ни мусульманам, ни христианам. Как сказано в Коране, «Аллах – наш Господь и ваш Господь; нам – наши деяния, вам – ваши деяния. Нет доводов между нами и вами, Аллах соберет нас, и к Нему возвращение!»

Каждая мировая религия претендует на обладание полнотой Божественного Откровения, каждая имеет свой собственный несокрушимый фундамент. Перечень нравственных добродетелей, к которым призываются верующие, в православии и исламе почти одинаков. Христианство часто называют религией любви, ислам – религией справедливости. Существенное различие их мировоззрений – в определении того, какое из двух этих великих чувств должно главенствовать при служении человека Богу. Но в земной жизни справедливости не о чем спорить с любовью. На протяжении 13 веков народы Центральной Азии исповедуют ислам, предки живущих здесь славян более тысячи лет тому назад приняли христианство, на этой земле буддизм стал государственной религией еще во времена Кушанской империи. Все три мировые религии проповедуют одни и те же нравственные добродетели: миротворчество, милосердие, трудолюбие, моральную чистоту, любовь к детям, уважение к старшим.

На протяжении столетий закалившееся во многих испытаниях содружество приверженцев разных религиозных конфессий в Центральной Азии успешно развивается и в наши дни. Единство

в неприятии греха и беззакония, в стремлении воспитать молодежь в общечеловеческих нравственных идеалах, привить им такие качества, как честность и порядочность, доброта и уважение к старшим, справедливость и трудолюбие.

Здесь исследователи, умеющие отделять религию от политики, могут засвидетельствовать: на всем протяжении истории между разными религиозными направлениями конфликтов не возникало никогда. Дружба между религиями поддерживается на всех уровнях. Особо нужно отметить, что теплые дружеские отношения существуют и между представителями духовенства. Из многовекового опыта мы знаем, что вражда и разделение, обман и порок, безнравственность, ослепление ложными идеалами экстремистов, поругание отеческой веры и народных традиций несут в себе разрушение, страдание и гибель.

Великий русский философ К. Леонтьев утверждает и доказывает эту мысль убедительными историческими примерами, подчеркивая, что только там, где взаимодействуют различные типы мировоззрений, национальных и религиозных традиций, происходит «цветение культур», однообразные же социумы обречены на увядание. Именно «цветение культур» явило свету мусульманский мир, просвещенный и веротерпимый, сплотивший представителей многих народов и разных религий в державном созидании.

В 1996 г. широко отмечалось 125-летие Епархиального управления РПЦ с участием преподобного Алексия II – тогдашнего Патриарха Московского и всея Руси, в декабре того же года – 100-летний юбилей лютеранской церкви. В апреле 1999 г. был издан указ президента Узбекистана о создании Ташкентского исламского университета, который в мае 2000 г. посетил тогдашний президент России В.В. Путин.

14–16 октября 2000 г. в Ташкенте проходила международная конференция под эгидой ЮНЕСКО на тему: «Мировые религии на пути к культуре мира», которая получила широкий международный резонанс. «Диалог христианства и ислама» (28 марта 2003) – такова была тема конференции, организованной университетом Оснабрюк Германии и Академией государственного и общественного строительства Узбекистана. В Нью-Йорке и Париже проходили семинары, посвященные межкультурным и межрелигиозным связям. С 20 февраля по 29 мая 2008 г. Духовное управление мусульман Узбекистана совместно с Ташкентской епархией РПЦ организовало серию встреч со студентами республиканских высших и средних специальных учебных заведений. В феврале 2011 г. был

организован семинар «Всемирная неделя гармоничных межконфессиональных отношений» с участием представителей всех конфессий Узбекистана.

Эта неполная хронология основных событий межконфессионального диалога еще раз подтверждает вывод о том, что в республике всячески стимулируются мирные начинания, направленные на укрепление межнационального согласия и позитивной толерантности. «Совместно жить под одним небом» – такова основная парадигма межрелигиозного диалога, которая конкретизируется постулатом: «Общего между нами больше, чем различий».

Ведущая роль в формировании высокой культуры межнационального общения и межконфессионального диалога, естественно, принадлежит исламу, мусульманскому духовенству. Объявление Организацией Исламская конференция города Ташкента «Столицей исламской культуры» в 2007 г. стало еще одним свидетельством мирового признания вклада Узбекистана в развитие исламской цивилизации.

* * *

На основе изложенного и анализа проблемы взаимоотношений мировых религий можно сделать некоторые выводы.

Первый вывод – исторического характера: в прошлом, благодаря приоритету этических норм гуманизма, гостеприимства и широты души народа, «другой» не воспринимался как «чужой»; вера, обычаи и обряды других, если и не воспринимались как свои, то заслуживали не меньшего уважения. Вершины толерантности достиг великий Бируни, основатель сравнительного религиоведения. Вот что он писал в предисловии к своему труду «Индия»: «Я не делал необоснованных нападок на противника и не считал предосудительным приводить его собственные слова, – хотя бы они и противоречили истинной вере и ее приверженцу было бы неприятно слушать речи противника, ибо такова вера индийца, – и ему она лучше видна и понятна. В этой книге нет места полемике и спорам, и я не занимаюсь в ней тем, чтобы приводить аргументы противников и оспаривать тех из них, кто отклоняется от истины. Она содержит только изложение: я привожу теории индийцев и параллельно касаюсь теории греков, чтобы показать взаимную близость». В этих словах Бируин достаточно четко выразил свои принципиальные установки относительно изучения истории и сис-

тем мировоззрения «иноверцев», а именно: объективное рассмотрение сего без какой-либо критики с религиозных позиций. И на протяжении всей своей научной деятельности он не отходит от этих установок. Бируни с уважением говорит о заслугах в развитии человеческой мысли и культуры и древних греков, и хорезмийцев, и персов, и сирийцев, и арабов и других народов. Главной парадигмой социальных отношений было то, что в центре мировоззрения стоял Человек. Все то, что в некоторых регионах считалось чуть ли не главным (вероисповедание, раса, национальность, политические ориентации) на этой земле становилось второстепенным. В творчестве величайшего гуманиста всех времен Алишера Навои вопросы межэтнической дружбы и религиозной толерантности нашли наиболее яркое выражение. Для мировоззрения большинства титанов мысли мусульманского ренессанса было характерно то, что в центре внимания стоит человек как таковой, человеческое общество как таковое, вне тенденциозных симпатий или антипатий к тому или иному народу или религии.

Второй вывод философского характера: социальной базой толерантности выступала, если можно так выразиться, титульная конфессия, т.е. религия, которая занимала, если и не господствующее, то, по крайней мере, главенствующее положение в обществе. Ни прозелитизм, ни миссионерство не провоцировались мусульманскими правителями Узбекистана. Даже царская Россия не проводила политику искусственной (или насильственной) христианизации в колониальном Туркестане. Сегрегирующая роль религии была сведена до минимума, а приоритет был отдан интегрирующей роли гуманитарных, этических норм.

Третий вывод именно этического плана – в крае сформировалась высокая ответственность тех социальных слоев, которые пользовались плодами толерантности, ответственность, которая вырабатывается благодаря осознанию своего долга, которая обязывает вести себя достойно, не переходить границы дозволенного, сохранять чувство благодарности.

*«Мировая религия в контексте современной культуры:
Новые перспективы диалога и взаимопонимания»,
СПб., 2011 г., с. 160–168.*

Виктор Коргун,
доктор исторических наук (ИВ РАН)
**США В АФГАНИСТАНЕ:
МИССИЯ НЕВЫПОЛНИМА?**

События 11 сентября 2001 г. вписали новую страницу в современную историю. Мир столкнулся с открытым вызовом со стороны международного терроризма, который поставил под угрозу безопасность и стабильное развитие не только в регионе Среднего Востока, где он получил государственную поддержку со стороны режима талибов в Афганистане, но и во всех частях света. Главной жертвой террористов «Аль-Каиды» стали США, но волны терактов и угроз разошлись по всем континентам. Однако неудивительно, что именно Соединенные Штаты первыми начали вооруженную борьбу против терроризма и исламского экстремизма, возглавив международную антитеррористическую коалицию и ликвидировав режим талибов в конце 2001 г.

Вместе с тем сами США в свое время в немалой степени содействовали возникновению исламского экстремизма, поддерживая группировки афганских моджахедов в их борьбе против советских войск и просоветского режима в Кабуле в 1980-е годы. В рядах экстремистов находился и будущий «террорист номер один» Усама бен Ладен, поставлявший моджахедам оружие и оказывавший им финансовую помощь. В дальнейшем Вашингтон заигрывал и с талибами, стремясь при их поддержке получить контроль над транспортировкой каспийских энергоресурсов через проектировавшийся тогда газопровод Туркмения–Афганистан–Пакистан–Индия (ТАПИ). Однако фанатизм и неуступчивость талибов, их враждебное отношение к западному образу жизни и к самому Западу, открытая поддержка «Аль-Каиды» и ее одиозного лидера вынудили США радикально изменить свою ориентацию в регионе и нанести превентивные ракетные удары по базам террористов в Афганистане в 1998 г. Впрочем, это не мешало американцам вплоть до событий 11 сентября продолжать оказывать финансовую помощь режиму талибов, притом что и ООН и сами Соединенные Штаты ввели против него ряд санкций в 1999–2000 гг.

Столкнувшись с очередным отказом экстремистов выдать бен Ладена, обвиненного в осуществлении терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне, 7 октября 2001 г. США и их союзники по НАТО начали военную операцию «Несокрушимая свобода» против ре-

жима талибов при поддержке антиталибского Северного альянса. Легитимность действий Соединенных Штатов была обеспечена соответствующей резолюцией Совета Безопасности ООН. Вашингтон при этом получил поддержку со стороны президента России В. Путина: талибы оказывали всяческое содействие чеченским сепаратистам, в 1999 г. официально признав Чеченскую Республику Ичкерия и создав в Афганистане лагеря по подготовке чеченских боевиков.

С самого начала США оказались активно вовлечены не только в разгром талибов, но и в строительство новой государственности Афганистана. Главной целью Вашингтона была объявлена ликвидация очага международного терроризма в лице афганских талибов и поддерживавшей их организации «Аль-Каида». При этом предполагалось, что США не будут участвовать в борьбе против производства и незаконного оборота наркотиков (ответственной за эту задачу стала Великобритания) и в миротворческих операциях. В числе других задач было установление мира в стране путем формирования представительного полиэтнического правительства, избранного афганцами без внешнего вмешательства.

Наряду с Россией, которая вместе с Ираном, Узбекистаном и Индией поддерживала антиталибский Северный альянс, представители различных афганских политических сил приняли активное участие в Боннской конференции по Афганистану, проходившей с 27 ноября по 5 декабря 2001 г. при содействии ООН. США и Россия вели в те дни крупные закулисные игры, стремясь протолкнуть своих протеже в будущие структуры власти в стране. В ходе конференции было подписано соглашение, установившее рамочные условия для двухлетнего переходного периода. Главой Временной администрации по настоянию и под давлением США стал их ставленник, вождь влиятельного пуштунского племени попальзай Хамид Карзай, в течение предыдущих четырех лет находившийся в эмиграции в Соединенных Штатах. Однако ключевые посты в новом правительстве (министра обороны, министров внутренних и иностранных дел) заняли поддерживаемые Россией лидеры Северного альянса. При этом бывший король Афганистана Мухаммад Захир Шах, на которого Вашингтон долгие годы делал ставку, оказался в стороне с неопределенным будущим статусом.

Для обеспечения военной операции в Афганистане США обратились к руководству стран Центральной Азии с предложением предоставить американской армии и ее союзникам по антитеррористической коалиции военные базы. Будущее военное присутст-

вие США в регионе вызвало неоднозначную реакцию России, поскольку Центральная Азия входит в зону ее военно-политической ответственности. Однако с самого начала присоединившись к Вашингтону в борьбе против терроризма, Москва дала негласное добро на размещение войск Запада в регионе. При этом было оговорено, что США и их западные союзники будут использовать базы для совершения разведывательно-поисковых и спасательных операций. Узбекистан, Таджикистан и Киргизия согласились на размещение западных сил на своей территории, и уже через неделю после начала боевых действий в Афганистане на узбекской базе в Ханабаде разместились более 1000 американских военнослужащих.

В результате проведения операции «Несокрушимая свобода» режим талибов был ликвидирован, однако военных и политических целей союзникам удалось достигнуть лишь частично. Основные силы движения «Талибан» были не разгромлены, а скорее ослаблены. Большинство руководителей талибов и «Аль-Каиды» во главе с муллой Омаром и Усамой бен Ладеном вместе со значительной частью своих вооруженных отрядов бежали в соседний Пакистан, где получили убежище среди пуштунских племен «независимой полосы» (ФАТА) – самоуправляемых районов вдоль пакистано-афганской границы. Основная масса рядовых талибов растворилась среди местного населения юга и востока Афганистана. Войска США и их союзников сосредоточились на поиске и захвате Усамы бен Ладена, за содействие в поимке которого Вашингтон обещал выплатить 50 млн. долл.

Между тем проведенная операция выявила немалые просчеты в стратегии США в Афганистане. Массированные бомбардировки, которые американское военное командование предпочло наземным боевым действиям, сопровождались серьезными потерями среди мирного населения. Это усугубило гуманитарный кризис в стране, вызвало поток беженцев и привело к срыву поставок гуманитарной помощи для 1,5 млн. голодавших. Число мигрантов внутри страны увеличилось примерно на 360 тыс. человек, количество беженцев в Иран и Пакистан составило около 200 тыс. человек.

Бомбардировки были восприняты многими афганцами как война не против терроризма, а против самого Афганистана, что привело к появлению антиамериканских настроений, особенно среди консервативной части населения зоны пуштунских племен, а также в других мусульманских, в первую очередь арабских, стра-

нах. В Пакистане, руководство которого во главе с генералом П. Мушаррафом под давлением США было вынуждено оказать помощь американцам в войне с террором и перестать поддерживать талибов, прокатились крупные антиправительственные и антиамериканские демонстрации исламских фундаменталистов.

В операции «Несокрушимая свобода» принимали активное участие вооруженные формирования Северного альянса, которые, собственно, и нанесли поражение талибам при содействии авиации США. При этом в ходе кампании американцы использовали полевых командиров моджахедов и их вооруженные отряды, для привлечения которых выделяли значительные суммы. Так, по данным американской прессы, полевым командирам выплачивали в среднем по 200 тыс. долл. за сотрудничество. Такого рода акции имели долговременные негативные последствия: финансируемые США полевые командиры, большей частью воевавшие в рядах Северного альянса, после падения режима талибов усилили свои позиции благодаря содержанию собственных вооруженных формирований. Большинство из них оказались коррумпированы, связаны с криминальным бизнесом, в первую очередь с наркотрафиком.

Многие поддержанные таким образом США уорлорды использовали американские деньги не столько на преследование талибов, сколько на борьбу со своими соперниками. В качестве характерного примера можно привести случай с начальником службы безопасности восточной провинции Нангархар Хазратом Али. Американцы стали сотрудничать с ним еще в ходе боевых действий в долине Панджшер, где дислоцировался отряд Хазрата. Во время операции по поимке бен Ладена в районе Тора Бора в декабре 2001 – январе 2002 г. на Хазрата Али и его людей была возложена основная задача по задержанию «террориста номер один». Однако бен Ладен и его ближайшие соратники ускользнули из окружения и переправились в Пакистан. В Кабуле поговаривали о том, что «Аль-Каида» предложила Хазрату более крупную сумму, нежели американцы. Он не стал опровергать слухи, а прямо обвинил в провале операции своего соперника, командующего корпусом в Нангархаре Хаджи Замана, в стремлении дискредитировать его и убрать из провинции. «Тора Бора, – писал итальянский журналист Пино Буонджорно, – это синоним того, как не нужно вести войну против терроризма. Из-за огромного количества допущенных ошибок обреченной на провал военной тактики, просчетов спецслужб и сомнительной помощи афганских союзни-

ков США саудовский террорист посмеялся над тем, что называется самой могущественной армией в мире».

Усилив свои позиции, многие уорлорды заняли руководящие посты в своих провинциях – губернаторов, начальников уездов, командующих войсками и др. Глава центральной администрации Х. Карзай был вынужден считаться с их влиянием и оставить на занятых должностях. Их лояльность Кабулу обрела номинальный характер, в итоге власть центрального правительства оказалась слабой: в первые годы после ликвидации режима талибов она, по сути, не выходила за пределы Кабульской провинции.

В январе 2002 г. в соответствии с резолюцией ООН № 1386 от 20 декабря 2001 г. в Афганистане был сформирован многонациональный контингент миротворческих сил (International Security Assistance Force – ISAF) численностью 5 тыс. человек, в задачу которого входило обеспечение безопасности столицы страны и ее окрестностей. В рамках этой структуры были созданы команды по восстановлению провинций, которые занимались обеспечением устойчивости местных органов власти, а также оказывали им экономическую и социальную помощь. Подразделения войск США не вошли в состав ISAF, а сформировали собственную армейскую группировку, которая развернула боевые действия против остатков отрядов талибов на юго-востоке и востоке страны.

С начала 2002 г. основные усилия антитеррористической коалиции, в состав которой вошли подразделения армий США, Великобритании, Канады, Голландии, Дании и Австралии, сосредоточились на юге и востоке Афганистана, где союзники осуществляли войсковые операции по поиску и ликвидации отрядов движения «Талибан» и «Аль-Каиды». США быстро наращивали численность своей группировки: к январю 2002 г. американский контингент насчитывал 5 тыс. человек, а к августу – 8 тыс.

Наряду с решением чисто военных задач по борьбе с терроризмом Соединенные Штаты заявили о себе как о ведущем игроке на афганском политическом поле. Основную ставку они сделали на своего протеже Х. Карзая, пользовавшегося влиянием в среде афганской политической эмиграции. Во время пребывания в США он был связан с американским бизнес-истеблишментом и занимался активной политической деятельностью. После гибели его отца от рук талибов в Кветте (Пакистан) в 1999 г. он пытался заручиться поддержкой Вашингтона в организации пуштунского антиталибского движения, а в 2000 г. выступал в Сенате США с разъяснениями ситуации в Афганистане. Х. Карзай завязал контакты с

некоторыми представителями американских политических кругов, в том числе с Майклом Шиханом, специалистом по борьбе с терроризмом, сотрудником администраций Дж. Буша-старшего и У. Клинтона. Однако чиновник не мог обещать будущему президенту ничего существенного: в то время администрация Дж. Буша-младшего просто-напросто игнорировала события, происходившие в Афганистане, который был в ее глазах государством-неудачником, особенно в свете военных успехов талибов.

Все изменилось после 11 сентября 2001 г. Узнав о терактах в Нью-Йорке и Вашингтоне, Х. Карзай в октябре сформировал вооруженный отряд и начал боевые действия против талибов на юге Афганистана, однако его отряд едва не попал в засаду, а сам Х. Карзай был ранен. Его спасли американские спецназовцы. К началу декабря, когда на конференции в Бонне собрались различные афганские политические силы, Х. Карзай был уже довольно известной политической фигурой. В Афганистан он вернулся на американском самолете главой Временной администрации и высадился на военно-воздушной базе Баграм, занятой американскими войсками.

В ходе международной конференции по Афганистану, состоявшейся 21 января 2002 г. в Токио, США подкрепили свою политическую поддержку режима Х. Карзая финансовой помощью, выделив на восстановление страны 296,75 млн. долл. (больше средств направил только Европейский союз – 550 млн. евро, или 495 млн. долл.).

28 января Дж. Буш-младший, принимая афганского лидера в Вашингтоне, заявил о «длительном партнерстве» в реорганизации афганских вооруженных сил. «Соединенные Штаты останутся другом афганского народа», – с пафосом сказал американский президент на пресс-конференции после встречи с Х. Карзаем. Это был первый визит главы Афганистана в США за последние 40 лет. Х. Карзай принял участие в церемонии поднятия национального флага над посольством Афганистана в Вашингтоне, закрытым в 1996 г.

Между тем Соединенные Штаты не сразу определились с формой своего военного участия в афганских событиях: ранее была сформулирована лишь задача. Уже в феврале 2002 г. этот вопрос вызвал разногласия между Госдепартаментом и Пентагоном. Дипломатическое ведомство предлагало использовать войска для патрулирования всей территории страны, в то время как военные настаивали на скорейшем создании новой Национальной

армии Афганистана. Позиция Министерства обороны возоблада, и США взяли обязательства по подготовке солдат и офицеров афганской армии и финансированию этого процесса.

Усилиями Вашингтона к весне 2002 г. в Афганистане окончательно сформировалась международная антитеррористическая коалиция из 17 стран. США направили 5000 военнослужащих, Канада – 2200, Великобритания – 1700. Крупные контингенты прислали также Испания, Дания, Германия. Турция, Норвегия.

Вскоре американское присутствие (не только военное) в стране стало постепенно приобретать всеобъемлющий характер. В различных афганских министерствах и ведомствах осели американские советники, которые, однако, в отличие от советских в 1980-е годы, не афишировали свою деятельность. Основным «локомотивом» политики Вашингтона в Афганистане стал посол США Залмай Халильзад, американский гражданин афганского происхождения. Этот человек оказал сильнейшее влияние на процесс политического развития Афганистана в постталибский период.

З. Халильзад родился в Мазари-Шарифе в семье финансового чиновника местной администрации. Высшее образование получил в Бейруте в 1974 г., затем защитил диссертацию в Чикагском университете и в 1984 г. получил гражданство США. В 1985 г. не без его рекомендаций ЦРУ стало поставлять афганским моджахедам зенитные ракеты «Стингер», которые заметно повлияли на ход войны в Афганистане в пользу афганской оппозиции. Тогда же под влиянием З. Бжезинского, своего коллеги по Колумбийскому университету, в котором З. Халильзад работал преподавателем, и в последующем – своего шефа П. Вулфовица, начальника отдела политического планирования Госдепартамента, он стал одним из «ястребов», влившийся в ряды американских неоконсерваторов. В 1998 г. он подписал открытое письмо У. Клинтону, настаивая на ликвидации режима Саддама Хусейна. Вместе с ним подписи поставили министр обороны Д. Рамсфелд и П. Вулфовиц.

В середине 1990-х годов З. Халильзад стал консультантом американской нефтяной компании «UNOCAL», которая вместе с рядом других зарубежных предприятий разрабатывала проект строительства газопровода из Туркмении в Пакистан через афганскую территорию. Когда в 1996 г. талибы захватили власть в Афганистане, З. Халильзад был одним из тех, кто публично поддержал теократический режим, заявив, что тот не носит антиамериканского характера. Занимаясь проблемой газопровода, он даже встречался с делегацией талибов в Хьюстоне. Однако к концу

1990-х годов его отношение к исламским экстремистам радикально изменилось: он стал доказывать опасность деятельности бен Ладена и политики режима талибов, приютивших международного «террориста номер один».

После событий 11 сентября З. Халильзад стал одним из наиболее востребованных политических экспертов в Вашингтоне, работал консультантом Совета национальной безопасности США под руководством Кондолизы Райс и занимался вопросами планирования американской политики в Афганистане. На Боннской конференции З. Халильзад и спецпредставитель Генерального секретаря ООН Лахдар Брахими стали главными закулисными фигурами переговорного процесса, усилиями и под нажимом которых и было сформировано Временное правительство во главе с Х. Карзаем.

В феврале 2002 г. З. Халильзад был назначен специальным представителем президента США в Афганистане и негласно участвовал в политической жизни страны на правах невидимого, но осязаемого проводника американских интересов. Так, он принимал активное участие в подготовке и работе Чрезвычайной Лоя джирги в июне 2002 г. в Кабуле, в ходе которой было сформировано Переходное правительство Афганистана. При этом З. Халильзад вновь лоббировал интересы Х. Карзая и отодвинул на обочину фигуру бывшего короля Мухаммада Захир Шаха, который в апреле 2002 г. вернулся на родину из эмиграции и рассчитывал стать главой государства, оставив Х. Карзая в ранге премьер-министра. Экс-монарх получил «утешительный приз» – декоративный титул «Отец нации». Под давлением США остался в стороне и бывший президент Афганистана Б. Раббани, которого американцы вывели из игры еще на Боннской конференции. Любопытно, что 86 делегатов Лоя джирги бойкотировали голосование, сославшись на то, что заседание было организовано американцами с целью протолкнуть на высший пост своего протеже – Х. Карзая.

В конце 2003 г. З. Халильзад был назначен послом США в Афганистане. С того момента он стал участником всех крупных политических событий в этой стране, зачастую определяя их характер и направляя в нужное (в первую очередь Соединенным Штатам) русло. Он быстро сблизился с Х. Карзаем и стал его тенью. Влияние этого «серого кардинала» на афганского лидера было так велико, что тот не принимал ни одного значимого решения без совета американского посла. Их сотрудничество стало настолько тесным, а невидимая власть З. Халильзада настолько

ощутимой, что среди афганцев американский посол получил негласный титул «вице-короля» Афганистана.

Даже после годичного отсутствия в стране, когда З. Халильзад исполнял обязанности посла США в Ираке, он не утратил своих позиций в Кабуле и, вернувшись в 2003 г., сразу же окунулся в активную политическую деятельность, участвовав в подготовке и принятии новой афганской Конституции 2004 г. Собственно, наряду со спецпредставителем Генерального секретаря ООН Л. Брахими и Х. Карзаем он был одним из авторов Основного закона Афганистана.

В ходе обсуждения Конституции возникали критические моменты, которые могли привести к срыву всего процесса ее принятия, и посол З. Халильзад проявил себя опытным посредником. Так, например, выяснилось, что в Переходном правительстве работало немало министров с американским паспортом. Усилиями З. Халильзада и Л. Брахими было найдено компромиссное решение.

Впрочем, некоторые обозреватели уже тогда поставили под сомнение возможность успешной реализации Конституции, в частности потому, что она была навязана афганцам ее зарубежными архитекторами. Целью сильной президентской власти в Афганистане, как полагал один из иностранных обозревателей, было не будущее процветание страны, а гарантия того, что контроль над ней на самом высшем уровне останется в руках Вашингтона. Во всей этой игре, по мнению аналитика, Х. Карзай был не более чем пешкой на шахматной доске.

Таланты З. Халильзада вновь потребовались осенью 2004 г. во время президентских выборов в Афганистане. Администрация Дж. Буша-младшего делала серьезную ставку на своего протеже Х. Карзая, победа которого должна была продемонстрировать несомненный успех Вашингтона в продвижении демократии в Афганистане и увеличить тем самым шансы самого Дж. Буша-младшего на президентских выборах в ноябре.

Х. Карзай был бесспорным фаворитом в предвыборной гонке. Он в той или иной мере устраивал различные политические, религиозные, этнические фракции и группировки, а также простых афганцев как деятель, способный успешно выкачивать деньги из мирового сообщества, причем часть этих средств шла на подкуп крупнейших полевых командиров и прочих влиятельных фигур.

Однако и Х. Карзаю пришлось выдержать нелегкую борьбу. Его соперники пытались объединиться в оппозиционный блок и

выдвинуть единого кандидата, но личные политические амбиции конкурентов главы Переходного правительства оказались сильней общенациональных интересов. Уже накануне выборов оппозиция объявила бойкот, что могло привести к срыву выборов или, в лучшем случае, сделать их нелегитимными. Х. Карзай был возмущен: «Кто более важен – эти 15 кандидатов или миллионы людей, пришедших голосовать?» Взволновалось и мировое сообщество: на выборы было выделено 200 млн. долл. Пришлось пустить в ход «правую руку» президента – посла США в Афганистане З. Халильзада, который встретился с мятежными кандидатами и уговорил их снять бойкот, содействовав, таким образом, победе Х. Карзая.

Достижения американского посла были по достоинству оценены Вашингтоном, и в июне 2005 г. З. Халильзад был переброшен на новый, уже знакомый ему и более сложный участок работы – послом США в Ираке, а в 2007 г. назначен представителем США в ООН.

В то время как президент Дж. Буш-младший убеждал соотечественников в исключительно антитеррористическом характере войны в Афганистане, некоторые ученые и журналисты все более открыто писали о том, что истинной причиной данной кампании стало стремление сменить режим талибов на более дружественный США, способный содействовать реализации их экономических интересов в Центральной Азии.

Действительно, американцев привлекали большие запасы углеводородов в Прикаспийском регионе, к которым они давно искали доступ. В этом контексте стратегическое положение Афганистана трудно переоценить. Каспийский бассейн обладает громадным объемом нефти и газа стоимостью 16 трлн. долл., и самый прямой путь к богатейшим мировым рынкам лежит через Афганистан. Некоторые западные обозреватели называют этот регион «Ближним Востоком XXI века». Вот как оценивал его значимость исполнительный директор энергетической компании «Halliburton» Дик Чейни, в последующем – вице-президент США, выступая в 1998 г. перед капитанами американского нефтяного бизнеса: «Я не могу себе представить, что в будущем может внезапно появиться регион, стратегически настолько же важный, как Каспий».

Вашингтон не мог мириться с тем, что нефть Прикаспия перекачивается Каспийским трубопроводным консорциумом во главе с американской же компанией «Chevron» в Россию. США вообще не нравились варианты транспортировки энергоресурсов через Россию и Иран, поэтому американские энергетические кон-

черны и правительственные чиновники проявили такой интерес к Афганистану – возможному транзитному маршруту прокладки «трубы» в обход российской территории. Известный пакистанский журналист Ахмед Рашид, автор книги «Талибан: Воинствующий ислам, нефть и фундаментализм в Центральной Азии», убежден: политика США в регионе в первые десять лет XXI в. диктовалась главным образом корпоративным интересом к его ресурсам

Действительно, в 1995 г. американская нефтяная компания «UNOCAL» провела переговоры с президентом Туркменистана С. Ниязовым о строительстве газопровода из Туркмении через афганскую территорию в Пакистан для перекачки туркменского газа к пакистанским портам на побережье Аравийского моря. В 1996 г. после прихода к власти в Кабуле талибов американцы вступили и с ними в контакт на предмет подписания соответствующего соглашения. Исламский фундаментализм талибов и проводившиеся ими массовые репрессии, равно как и появление в Афганистане Усамы бен Ладена и боевиков его «Аль-Каиды» в 1996 г., помешали установлению нормальных дипломатических отношений с США, но не стали непреодолимым препятствием на пути возможного заключения сделки. В ноябре 1997 г. руководство компании «UNOCAL» во главе с ее вице-президентом М. Миллером принимало делегацию талибов в Хьюстоне, ублажая афганских экстремистов номерами в дорогом отеле и изысканной едой и предлагая им выгодный контракт.

Администрация У. Клинтона негласно поддерживала усилия компании, но сделка все же не состоялась: талибы отказались сотрудничать с американцами. После взрывов посольств США в Кении и Танзании в 1998 г. Вашингтон тоже больше не захотел иметь с ними дела и в октябре того же года нанес ракетный удар по базам «Аль-Каиды» в Хосте. Тем не менее попытки вести с талибами негласные переговоры Вашингтон не прекращал вплоть до 11 сентября 2001 г. Более того, администрация Дж. Буша-младшего предоставила афганскому режиму помощь в размере 124 млн. долл. США продолжали видеть в талибах потенциальных партнеров, способных обеспечить политическую стабильность в стране и получать немалые дивиденды от строящихся американскими компаниями трубопроводов. Однако в ходе тайных встреч в Вашингтоне, Исламабаде и Берлине в 2001 г. американцы требовали выдачи им бен Ладена и включения в состав правительства Кабула представителей других политических сил, а когда получили окончательный отказ, пригрозили применить силу. Многие эксперты не

исключают, что эта угроза и спровоцировала бен Ладена осуществить теракты 11 сентября в качестве упреждающего удара из опасений, что талибы сдадутся и заставят его покинуть Афганистан.

Учитывая, что в администрации Дж. Буша-младшего доминировали люди, в прошлом тесно связанные с нефтяным бизнесом, наивно полагать, что на стратегические планы Вашингтона по «поимке и наказанию» «Аль-Каиды» не повлияли экономические цели США в регионе. Гор Видал в своей книге «Бессрочная война ради бессрочного мира», вышедшей в 2002 г., прямо писал, что в основе «войны с терроризмом» администрации Дж. Буша-младшего лежала жажда наживы и власти. «Нам нужен Афганистан, – заявлял автор, – потому что это ворота в Центральную Азию, богатую нефтью и газом. <...> В этом вся проблема. Мы устанавливаем свой контроль над Центральной Азией».

Последовавшие за терактами 11 сентября события во многом подтвердили эту мысль. Едва начались бомбардировки Афганистана в октябре 2001 г., американский посол в Исламабаде У. Чемберлен известил пакистанское правительство, что в связи с геополитическими изменениями переговоры по проекту газопровода будут возобновлены. Х. Карзай тем временем не замедлил заявить, что его правительство намерено тесно сотрудничать с соседними странами и американскими нефтяными компаниями для получения максимальных прибылей от транспортировки нефти и газа Каспийского бассейна. 8 февраля 2002 г. глава Временной администрации Афганистана посетил Исламабад, сказав в ходе визита, что они с президентом П. Мушаррафом обсудили проект центрально-азиатского трубопровода и сочли его отвечающим интересам обеих стран.

В дальнейшем был создан международный консорциум по реализации проекта, в который вошли «UNOCAL», «Газпром», энергетические компании Японии, Южной Кореи, Саудовской Аравии, представители правительств Туркменистана, Афганистана и Пакистана. К проекту подключилась и Индия, а Азиатский банк развития даже выделил деньги на проектно-исследовательские работы. Однако строительство газопровода через Афганистан постоянно откладывается, поскольку крупные инвесторы, в первую очередь «UNOCAL», не спешат вкладывать огромные средства, пока в стране не будут обеспечены стабильность и безопасность.

Наконец, не последнее по значимости место в американской политике в регионе занимает геополитический аспект. США стремятся обеспечить в Центральной Азии свое политическое домини-

рование или по меньшей мере преобладающее влияние. Основные задачи – вытеснить или потеснить Россию, не допустить Китай как одного из главных игроков, заблокировать Иран, держать под контролем обладающих ядерным статусом Индию и Пакистан. Война в Афганистане позволила США обеспечить в регионе свое военное присутствие, получить две военные базы – в Узбекистане и Киргизии. Неслучайно Москва, поддержав Вашингтон в рамках антитеррористической коалиции, в дальнейшем проявляла растущее беспокойство по поводу расширявшейся экономической и военно-политической экспансии США в регионе.

Между тем парламентские выборы 2005 г. оказались последними в выполнении Боннских договоренностей: за прошедший после конференции период были избраны парламент, президент и провинциальные органы власти Афганистана, принята новая, либеральная Конституция, созданы основные политические институты. Военная обстановка в стране также давала основания для определенного оптимизма: главные силы талибов были локализованы на юге и востоке и использовали тактику партизанской войны, их численность составляла около 2–3 тыс. человек, которые были неспособны проводить масштабные операции и не смогли сорвать президентские и парламентские выборы (в 2004 и 2005 гг. соответственно). К 2005 г. оптимизм проник и в кабинеты руководства Афганистана. Президент Х. Карзай был близок к уверенности, что мощь и влияние талибов и «Аль-Каиды» неуклонно слабеют, угроза терроризма больше не исходит из его страны и уже нет острой необходимости в ведении активных боевых действий.

Действительно, в первые годы после свержения режима талибов движение исламских экстремистов было разрозненным и ослабленным. Американские военные говорили о проведенной кампании как о «легкой прогулке». В такой обнадеживавшей атмосфере 23 мая 2005 г. в Вашингтоне была принята совместная американо-афганская декларация о стратегическом сотрудничестве, подписанная президентами Х. Карзаем и Дж. Бушем-младшим. США и Афганистан, как было указано в документе, «совместными усилиями подавили сеть международных террористов, с тем чтобы Афганистан никогда больше не был убежищем для террористов».

В декларации звучали призывы к поддержанию мирных и конструктивных отношений Афганистана с его соседями и была подчеркнута ненацеленность сотрудничества Кабула и Вашингтона против третьих стран. Влиятельные афганские политические

круги рассматривали декларацию как полноценное соглашение о стратегическом партнерстве, хотя совершенно определенно документ не имел обязывающей юридической силы и не мог служить регулятором двусторонних отношений, а потому носил скорее формальный характер.

В декларации был затронут вопрос о статусе американских баз в Афганистане: Вашингтон претендовал на то, чтобы сделать их постоянными, а президент Х. Карзай был склонен пойти навстречу заокеанским партнерам. Однако вопрос о базах, имевший большое стратегическое, к тому же долговременное значение, надолго завис, поскольку, согласно Конституции, такого рода проблемы вошли в сферу компетенций парламента или Лоя джирги. США не стали форсировать решение данного вопроса, вернувшись к нему лишь в 2011 г., накануне начала вывода американских войск из страны. Но об этом несколько позже.

Тем временем в 2003 г. США втянулись в новую военную кампанию – в Ираке. «Война в Ираке, – подчеркнул в своей речи в декабре 2009 г. президент Барак Обама, – поглотила большую часть наших войск, наших ресурсов, нашей дипломатии, нашего национального внимания – решение вторгнуться в Ирак привело к значительному разрыву между Америкой и большей частью мира». В результате военно-политическая ситуация в Афганистане стала довольно быстро меняться. Пользуясь возникшей паузой в боевых действиях или, по меньшей мере, снижением их масштаба и интенсивности, а также тем, что Вашингтон переключил не только свое внимание, но и ресурсы на иракскую войну, талибы смогли в течение двух лет перегруппироваться, реорганизовать свою военно-политическую структуру, обновить вооружение, усилить координацию и развернуть масштабные действия против войск США и НАТО.

После начала войны в Ираке афганские экстремисты сменили тактику, перенея методы борьбы у своих иракских коллег: стали избегать крупных вооруженных столкновений с противником, предпочитая партизанские акции – нападения небольшими мобильными группами на военные объекты (базы и другие места расположения войск коалиции и афганских частей, блокпосты), а также на представителей гражданской администрации, сотрудников международных и неправительственных организаций. Кроме того, талибы начали применять запугивание и террор в отношении всех лиц, сотрудничавших с американцами и администрацией Х. Карзая, проводить диверсионные акты, в том числе с использо-

ванием смертников, что стало новым для Афганистана явлением. Первый крупный акт такого рода был совершен в январе 2006 г. в Спинбулдаке, пограничном городе к югу от Кандагара, где в результате взрыва погиб 21 человек. В дальнейшем акции террористов-смертников участились, и хотя они были нацелены в основном на военнослужащих войск НАТО, на практике 85% жертв приходилось на мирное население. К концу 2006 г. в стране было осуществлено более 100 акций террористов-самоубийц, жертвами которых стали 225 мирных жителей и 40 военнослужащих НАТО. Через год было совершено 228 терактов. Организация «Human Rights Watch» давала другие данные: в 2006 г. было 189 акций такого рода, в результате которых погибли 492 мирных жителя.

К концу лета 2006 г. масштабы военных действий талибов приняли угрожающий характер: исламисты приобрели доминирующее влияние в четырех южных и двух восточных провинциях. В условиях усиления подрывной и террористической деятельности афганских экстремистов и их союзников США и НАТО были вынуждены принимать все более масштабные меры по поддержанию стабильности в стране. В поисках путей эффективного противодействия талибам командование международной коалиции произвело перегруппировку сил: в августе 2006 г. они перешли под командование НАТО, на юге страны были дислоцированы британские, голландские и канадские войска, большая часть американцев развернула боевые действия на юго-востоке и востоке Афганистана. Однако эта акция не внесла перелома в военную ситуацию в стране.

Все это вынуждало США наряду с проведением крупных военных наземных операций шире использовать авиацию. Авиаудары по населенным пунктам, где, по сведениям разведки, могли находиться талибы, сопровождалась ростом потерь среди местного мирного населения, причем эти потери были сопоставимы с жертвами военных акций талибов. Так, по данным ООН, за восемь месяцев 2007 г. в результате всех боевых действий погибли 1040 мирных жителей, за тот же период 2008 г. – 1445, из них 800 человек (55%) были убиты талибами и 645 (45%) стали жертвами натовских бомбардировок. Согласно данным Миссии содействия ООН в Афганистане (UNAMA), за первые 10 месяцев 2009 г. погибли 2038 человек, что на 10,8% больше, чем за тот же период 2008 г. (1838 человек). В 2010 г. число жертв среди гражданского населения выросло еще на 15% и достигло 2777 человек. При этом 440 человек погибли в результате действий правительственных

войск и 171 человек – во время натовских бомбардировок (на 52% меньше, чем в предыдущем году).

Военная активность талибов нарастала из года в год. Так, в 2007 г., по данным международного аналитического центра – Совета по безопасности и сотрудничеству, военное присутствие экстремистов было отмечено на 54% территории страны, в 2008 г. – на 72%. В самом Афганистане и за его пределами все больше утверждались во мнении, что ситуация зашла в тупик. Нужны были новая стратегия, новые идеи, новые усилия, в первую очередь для воздействия «на умы и сердца» простых афганцев, оставивших надежду на лучшее будущее. Лидеры стран – членов НАТО, в том числе США, начали осознавать, что следует переключиться с боевых действий на реконструкцию страны, результатом которой станет повышение жизненного уровня населения, что, в свою очередь, будет залогом успешного решения наиболее важных задач – борьбы с терроризмом, наркобизнесом, всеобщей коррупцией, безработицей.

На фоне военных неудач США и их союзники постепенно теряли симпатии населения Афганистана, соответственно росли антизападные, в первую очередь антиамериканские, настроения. Так, по данным опросов населения, поддержка американцев в стране упала с 57% в 2006 г. до 42% в 2007 г. Тенденция сохранилась и в последующие годы.

При этом администрация Дж. Буша-младшего по-прежнему делала основную ставку на увеличение численности военного контингента США, равно как и войск других стран НАТО, на которых Вашингтон оказывал давление с тем, чтобы заставить их расширить свое военное присутствие в стране. К концу 2009 г. численность войск Североатлантического альянса в Афганистане превысила 100 тыс. человек. Однако это не привело к изменению характера и масштабов боевых действий, и рост потерь как среди мирного населения, так и среди военнослужащих США и их союзников продолжился.

Военные неудачи войск НАТО в Афганистане руководство Соединенных Штатов связывало с громадными расходами: уже в 2007 г. бюджетный департамент Конгресса США подсчитал, что с 2001 г. на эту военную кампанию потребовалось около 200 млрд. долл., а к 2017 г. расходы на войну в двух странах – Ираке и Афганистане – могут достигнуть 2,4 трлн. долл. Учитывая, что Америка уже давно живет в долг, 700 млрд. долл. из этой суммы могут составить одни лишь проценты. Группа конгрессменов-демократов

из Совместного экономического комитета представила доклад, в котором указала, что долговременные расходы на две войны могут составить от 2,6 до 4,5 трлн. долл.

Между тем осложнявшаяся военная обстановка в Афганистане, отсутствие массовой поддержки войск НАТО со стороны местных жителей, растущие антивоенные настроения в самих США вызывали все больший пессимизм у американского военного командования и даже ряда влиятельных политиков. Уже в 2008 г. в прессе появились признания высокопоставленных американских военных в том, что США и их союзники проигрывают войну в Афганистане. Все с большей остротой вставал вопрос об изменении военной стратегии Вашингтона, были высказаны мнения о том, что необходимо увеличить финансирование реконструкции Афганистана, однако по-прежнему руководство США делало ставку на наращивание американского военного присутствия, одновременно острого выдвигая идею о проведении переговоров с лидером талибов муллой Омаром о разделе власти в стране. Впрочем, официальные правительственные круги в Вашингтоне отрицали такую возможность, ссылаясь на нежелание вести переговоры с террористами.

В мае 2008 г. министры иностранных дел США и Афганистана Кондолиза Райс и Рангин Дадфар Спанта подписали новую декларацию о стратегическом партнерстве, подтвердив прежние обязательства сторон. В документе была подчеркнута необходимость достижения долговременной безопасности, демократии и процветания Афганистана, предусмотрено укрепление афганских правоохранительных структур и обеспечение экономической стабильности. Декларация подтверждала намерения двух стран продвигать демократическое управление и развитие гражданского общества, которое должно базироваться на торжестве закона и правах человека.

Победа на президентских выборах в США в ноябре 2008 г. Б. Обамы получила поддержку большинства афганцев, которые связывали с ним надежду на достижение мира в своей стране. В первые же дни после выборов американский президент определил приоритет своей внешней политики – борьба против воинствующего экстремизма в Афганистане и Пакистане. «Я думаю, – писал уже упомянутый нами известный пакистанский журналист Ахмед Рашид, – что Обама более открыт новой стратегии и новой политике. И это, я полагаю, должно принять форму регионального подхода к прекращению конфликта в Афганистане и Пакистане».

К тому времени многие американские генералы, включая министра обороны Р. Гейтса и председателя Комитета начальников штабов ВС США адмирала М. Маллена, были убеждены в том, что одними лишь военными методами невозможно решить афганскую проблему и нужно работать над социально-экономическим развитием, а для этого – идти на примирение с талибами в той или иной форме. К такому убеждению пришли и вашингтонские политики, в том числе президент Б. Обама, который признался, что США «не выигрывают войну». Новая администрация заявила о приверженности идее переговоров с теми талибами, с которыми возможно примирение, однако на тех же условиях, какие выдвинул ранее Х. Карзай: отказ от насилия и признание афганской Конституции.

В борьбе с терроризмом резко возросла также роль Пакистана, ближайшего союзника США в регионе. Исламабад не только обеспечивал логистику для американской миссии в Афганистане, но и втянулся в длительную войну с «Аль-Каидой», обосновавшейся на пакистанской территории, и с собственными исламскими экстремистами, угрожавшими целостности государства. Однако в Вашингтоне были опасения по поводу стабильности Пакистана – ядерного государства, где не только угнездилась международная террористическая организация во главе с бен Ладеном, но и появились условия для рекрутирования новых бойцов всемирного джихада. В этой связи США выделили Пакистану на развитие 11 млрд. долл. на пять лет (2002–2007) и 7,5 млрд. долл. на следующие пять лет. Однако на практике основные средства шли на укрепление пакистанской армии и ISI (Межведомственной разведки), практически минуя какой-либо контроль, – на экономическое развитие и гуманитарную помощь ушло не более 10% полученных средств. Так постепенно Пакистан стал важной частью борьбы с международным терроризмом.

Это нашло отражение в новой афганской стратегии президента Б. Обамы, обнародованной 27 марта 2009 г. и получившей название «Политика Аф-Пак». Стратегия предусматривает обеспечение стабильности по обе стороны афгано-пакистанской границы с последующим сокращением численности американских войск. При этом в основу документа был положен новый, региональный принцип, в рамках которого США рассматривают Афганистан и Пакистан как единый фронт борьбы против терроризма и исламского экстремизма. В многочисленных комментариях, причем на довольно высоком уровне, было признано, что нет чисто военного

решения афганской проблемы. «Данная стратегия не сосредоточена только на одной стране, – заявил адмирал М. Маллен, выступая в Вашингтоне на 2-й ежегодной конференции начальников штабов ВС стран Центральной и Южной Азии. – И она является всеобъемлющей в том плане, что затрагивает не только военный аспект наших действий, но также экономический и дипломатический. <...> Все это необходимо реализовывать одновременно. Одни военные меры не сработают». В связи с этим наряду с увеличением численности войск США в Афганистане было запланировано расширение американской помощи в восстановлении афганской экономики, создании Национальной афганской армии и других силовых структур, улучшении системы управления страной. Также было предусмотрено увеличение военной и финансовой помощи Пакистану.

В целом задачи миссии США в Афганистане получили более конкретное содержание по сравнению со стратегией Дж. Буш-младшего. В качестве приоритета уже не значилось распространение демократии, «свободного общества», гражданских прав и свобод, которые с завидным упорством США навязывали консервативному афганскому обществу и которые не получили должной поддержки со стороны населения. Новая стратегия следовала средним путем между довольно ограниченной в своих задачах военной миссией и гораздо более амбициозными планами государственного строительства. Что касается борьбы с террором, основная цель осталась прежней – ликвидация террористической организации «Аль-Каида». Реализовать эту цель было предусмотрено в рамках формулы «подорвать, обезглавить и разгромить» (to disrupt, dismantle and defeat) «Аль-Каиду» в Афганистане и Пакистане и предотвратить ее появление в любой другой стране в будущем.

Однако под давлением военного командования руководство Соединенных Штатов по-прежнему делало ставку на увеличение численности американских войск в Афганистане. Так, осенью 2009 г. командующий военным контингентом США генерал С. Маккристал потребовал прислать подкрепление в 40 тыс. человек и довести, таким образом, общую численность американских войск до 100 тыс. человек, а всей иностранной группировки в Афганистане до 150 тыс. Одновременно Вашингтон поставил задачу резко расширить масштабы подготовки Национальной афганской армии, материальное обеспечение и вооружение которой полностью взяли на себя Соединенные Штаты, и довести ее численность

в 2010 г. до 134 тыс. человек, а впоследствии – до 240 тыс. Вместе с тем было предусмотрено увеличение финансовых средств на невоенные цели (создание эффективных органов государственного управления, борьбу с коррупцией и наркобизнесом). В рамках реконструкции афганской экономики приоритет был отдан развитию сельского хозяйства, где занято до 80% населения, энергетике, дорожному строительству, просвещению и здравоохранению.

Не последнюю роль должны были сыграть дипломатические меры, которые бы затронули все страны региона – Пакистан, Иран, государства Центральной Азии, Россию, Индию, Китай. Также было предложено наладить переговорный процесс с «умеренными талибами». Немалые надежды в этом США возлагали на Пакистан, который намеревались использовать в качестве посредника. Впрочем, Исламабад не скрывал стремления играть ключевую роль в урегулировании, тем более что под его контролем находились ниши сложного клубка разномасштабных сил и структур мятежников. В пакистанской столице, вероятно, ждали скорейшего ухода войск международной коалиции, в первую очередь США, чтобы немедленно воспользоваться возможным вакуумом власти в Афганистане.

В декабре 2009 г. Б. Обама окончательно сформулировал три важнейших элемента своей стратегии: создание условий для передачи ответственности за безопасность афганским силовым структурам; усиление гражданской инициативы в стране; эффективное партнерство с Пакистаном. В тот же период американский президент заявил о том, что планирует начать вывод войск в июле 2011 г. и завершить его в 2014 г. Вслед за этим о намерении вывести свои войска в ближайшие годы объявили союзники США по НАТО. В частности, Канада запланировала уже летом 2011 г. прекратить свое участие в военных действиях и начать вывод войск.

С серьезными проблемами столкнулась американская администрация в ходе президентских выборов в Афганистане в августе 2009 г. Надо сказать, что отношения между главами двух стран складывались далеко не безоблачно. Будучи все эти годы фаворитом Запада, в новых условиях Х. Карзай уже не мог быть уверен в его безусловной поддержке со стороны США: Б. Обама, заявив о том, что урегулирование ситуации в Афганистане стало приоритетом его внешней политики, отнюдь не собирался обеспечить афганскому президенту легкую жизнь, критикуя его за «отсиживание в бункере» и неспособность эффективно руководить страной. Другие западные лидеры следовали тому же курсу, постоянно призывая Х. Карзая грамотно наладить управление, что больше напоми-

нало строгие наказы, нежели дружеские рекомендации. Постоянно отбиваясь от идущей с Запада критики его правительства за повальную коррупцию и отсутствие торжества закона, Х. Карзай атаковал США и НАТО обвинениями в том, что жертвами их бомбардировок становятся сотни мирных жителей. В конце января 2009 г. президент Афганистана пригрозил созвать Лоя джиргу для обсуждения вопроса о гибели гражданского населения и обысках в домах, которые устраивали иностранные солдаты.

Еще в конце 2008 г. Б. Обама склонялся к тому, что Х. Карзай – ненадежная и неэффективная фигура. Госсекретарь Хиллари Клинтон заявляла, что афганский лидер управляет наркогосударством, а американские эксперты – архитекторы афганской политики США выражали обеспокоенность тем, что международная коалиция проигрывает войну в Афганистане, и открыто говорили о намерении по возможности обходить Х. Карзая и иметь дело напрямую с губернаторами провинций. В преддверии выборов в Афганистане Вашингтон стал терять доверие к афганскому президенту, который явно не справлялся с новыми вызовами и старыми проблемами – плохим управлением, высокой безработицей, nepoтизмом, тотальной коррупцией, наркобизнесом, бандитизмом (в том числе политическим), недоверием и отсутствием поддержки населения. Уже в мае 2009 г. американцы взвешивали шансы других возможных кандидатов на пост президента, пригласив некоторых из них в Вашингтон, однако в конечном счете никому не отдали предпочтение, заняв выжидательную позицию.

В ходе выборов 20 августа, не выявивших победителя, были допущены многочисленные нарушения, в том числе командой Х. Карзая. Обработка результатов голосования затянулась на несколько недель. Наконец, победителем был объявлен действующий президент, набравший 54,6% голосов. Его главный соперник доктор Абдулла получил 27,7%. Однако под давлением лидеров оппозиции, прямо обвинивших Х. Карзая в массовой фальсификации, Независимая комиссия по жалобам и претензиям была вынуждена провести новый подсчет голосов.

В этой напряженной обстановке усиливались беспокойство и разочарование официального Вашингтона. Все последние годы Х. Карзай использовал обязательства США перед своей страной в немалой степени в собственных интересах, и как бы им ни были недовольны американцы, он был уверен, что они не покинут Афганистан. В результате Соединенные Штаты оказались заложниками сложившейся ситуации: при всем недовольстве массовой

фальсификацией выборов они все же не могли рискнуть открыто вмешаться и были вынуждены ждать исхода, который зависел от решения Независимой комиссии по жалобам и претензиям.

Складывавшаяся в сентябре ситуация обнаружила признаки нарастающего политического кризиса, который грозил подорвать восьмилетние международные усилия по стабилизации обстановки в стране. Действительно, США за это время столько вложили в нее, что Б. Обама и его посланник в Афганистане и Пакистане Р. Холбрук имели все основания надеяться на благоприятный исход выборов, но они оказались скандально нечестными. Наиболее разумный выход Соединенные Штаты видели в том, чтобы подтолкнуть двух основных соперников сесть за стол переговоров и сформировать коалицию, однако бывшие союзники все менее скрывали взаимную враждебность. Доктор Абдулла категорически отказывался войти в будущее правительство Х. Карзая, заявляя, что хочет перемен и не желает продолжения status quo. При этом США публично не высказывали своих симпатий, хотя и не делали большого секрета из желания «подрезать крылья» действующему президенту.

США, ЕС и ООН долго не могли сделать выбор между двумя вариантами действий: признать Х. Карзая победителем или продавливать проведение второго тура, что опять же давало шанс талибам заявлять о марионеточном характере афганского правительства. Наконец, Центризбирком назначил дату второго тура голосования – 7 ноября, и неожиданно ситуация разрешилась сама собой: доктор Абдулла отказался принимать дальнейшее участие в выборах. Так Х. Карзай в силу сложившихся обстоятельств сохранил свой пост. США неохотно вернулись к его поддержке, поставив ему довольно жесткие условия по борьбе с коррупцией и наркобизнесом (многие, в том числе американские, политики и военные подозревали его брата, главу Законодательного собрания провинции Кандагар, Ахмада Вали Карзая в тесных связях с наркомафией).

В конце 2009 г. Б. Обама занялся решением вопроса об увеличении численности контингента США в Афганистане. Эта тема вызвала неоднозначную реакцию и даже раскол в американском военно-политическом истеблишменте, однако президент в конце ноября 2009 г. все же принял решение направить туда дополнительные 30 тыс. человек. Уже в феврале 2010 г. они начали масштабную военную операцию «Моштарак» на юге Афганистана совместно с частями афганской армии с целью вытеснить талибов

из региона и предотвратить захват ими Кандагара. При этом глава Белого дома заявил об ограничении сроков пребывания американских войск в стране: Б. Обама был полон решимости начать их вывод до конца своего президентства. К началу 2011 г. численность американского контингента достигла 100 тыс. человек.

Реакция на решение расширить военное присутствие США была неоднозначной и в самом Афганистане. Х. Карзай поддержал это решение, талибы же заявили, что рост американского военного присутствия ничего не изменит в стране, грозили расширением масштабов вооруженной борьбы против западных войск и предупредили о грядущем увеличении потерь в рядах иностранных контингентов. В США опросы общественного мнения показывали: 52% американцев выступали за прекращение военного присутствия в Афганистане, что также придавало талибам уверенности в собственной конечной победе.

В начале 2011 г. началась подготовка к выводу американских войск и передаче ответственности за обеспечение безопасности афганским силовым структурам. Дабы оценить характер предстоящего процесса, в январе 2011 г. Афганистан с официальным визитом посетил вице-президент США Джо Байден. Его визит был истолкован в Соединенных Штатах как поворотная точка в политическом курсе Вашингтона в отношении Афганистана. Одновременно в военных кругах США подняли вопрос о резком увеличении численности афганских силовых структур. Как заявил на слушаниях 17 февраля в сенатском Комитете по делам Вооруженных сил глава Пентагона Р. Гейтс, правительственные силы безопасности в Афганистане надо увеличить еще на 45–70 тыс. человек, чтобы быть уверенными в том, что страна сможет самостоятельно противостоять экстремистам. Р. Гейтс добавил, что США «намереваются израсходовать 12,8 млрд. долл. на обучение афганских солдат и полицейских и их оснащение в 2012 фин. г.», который начался 1 октября 2011 г. На эти же цели с 2003 по 2009 г. было затрачено 20 млрд. долл. По данным главы Пентагона, в середине лета 2011 г. численность афганской армии должна была составлять 150 тыс. солдат и офицеров и к октябрю возрасти до 171,6 тыс. человек. Силам международной коалиции, по оценкам Министерства обороны США, противостоят 25–30 тыс. талибов и иных экстремистов.

Начало подготовки к выводу войск было омрачено акцией сожжения Корана американским пастором Терри Джонсом во Флориде 20 марта, что вызвало взрыв протеста в Афганистане и ряде других мусульманских стран. В г. Мазари-Шариф разъярен-

ная толпа совершила нападение на местную штаб-квартиру ООН, в результате чего погибли 12 сотрудников международной организации. Президентам США и Афганистана пришлось выступить с осуждением действий американского священника.

2 мая 2011 г. силами спецназа США в пакистанском г. Аббота был убит Усама бен Ладен, за которым Соединенные Штаты охотились около десяти лет. Однако ликвидация главы международного терроризма существенно не повлияла на характер военнополитической ситуации в регионе. Тем не менее в связи с объявленным президентом США графиком предстоящего вывода войск обстановка в самом Афганистане серьезно осложнилась, о чем свидетельствовала серия убийств ряда политических и государственных деятелей страны. Так, 28 мая в г. Талукан, центре северной провинции Тахар, террорист-смертник убил генерала Мухаммада Дауда, заместителя министра внутренних дел по борьбе с наркотиками. По данным афганских следственных органов, убийцей был боевик Исламского движения Узбекистана, поддерживающего тесную связь с организацией «Аль-Каида». В то же время в прессе появились сообщения о причастности покойного генерала к афганскому наркотрафику, что наводило на мысль о возможном переезде сфер влияния в среде наркомафии.

12 июля было совершено еще одно преступление: брата президента, главу провинциального совета Кандагара Ахмада Вали Карзая, убил его телохранитель (по другим данным – помощник и близкий родственник). Вали Карзай тоже пользовался, мягко говоря, сомнительной репутацией: типичный уорлорд, он обладал полной властью в провинции, управляя ею как независимым княжеством. Его подозревали в том, что он был одним из крупнейших наркобаронов Афганистана, практиковал рейдерские захваты земельных участков, которые незаконно сдавал в аренду НАТО, в 2009 г. сфальсифицировал итоги президентских выборов в провинции в пользу своего брата, «отмывал» огромные деньги, поддерживал связи с лидерами талибов и т.д. В то же время в британской прессе высказывали мнение, что он был тесно связан с ЦРУ. Однако США, которые с 2001 г. делали на него ставку, уже давно не скрывали своего недовольства Вали Карзаем, пытались убедить президента ограничить аппетиты его брата, но и Хамид Карзай и сам хозяин Кандагара отрицали все обвинения. В итоге в народе стали говорить о том, что США, не имея возможности лишить Вали Карзая его влияния и власти, были вынуждены загнать его в легитимные рамки, «инкорпорировать» и вернуться к сотрудниче-

ству в русле новой стратегии Б. Обамы. На главу Кандагара, по его собственным словам, было совершено восемь покушений, при этом все покушавшиеся погибли. Так или иначе, смерть брата президента поставила в трудное положение и Х. Карзая, и его партнеров-американцев, которые опасались возникновения вакуума власти в Кандагарском регионе и, следовательно, укрепления там влияния талибов. Последние взяли на себя ответственность за данное убийство, но официальной версии так и не последовало: многие были заинтересованы в устранении Ахмада Вали Карзая с политической арены.

Наконец, 20 сентября террористом-смертником был убит бывший президент Афганистана, профессор Бурхануддин Раббани. Обстоятельства данного преступления весьма напоминали ситуацию, при которой погиб национальный герой Афганистана Ахмад Шах Масуд 9 сентября 2001 г. Убийцы профессора были допущены к нему как представители талибов, пришедшие на встречу для переговоров. Б. Раббани, будучи лидером парламентской оппозиции, возглавлял также Высший совет мира – официальную структуру, созданную для ведения переговоров с талибами и их союзниками. Убийство бывшего президента, ответственность за которое взяла на себя группировка «Хаккани», близкий союзник движения «Талибан», было попыткой сорвать переговорный процесс, обострить обстановку в стране, вбить клин в отношения (и без того непростые) между таджиками и поддерживающими их национальными меньшинствами севера Афганистана, с одной стороны, и пуштунами – с другой. Это событие настолько потрясло афганский политический истеблишмент, что президент Х. Карзай 29 сентября выступил с заявлением об отказе вести переговоры с талибами, «руководство которых не обладает нужной независимостью для принятия собственного решения по вопросу мирных переговоров и прекращения военных действий». Партнером в переговорном процессе, по словам президента, становится Пакистан, который оказывает влияние на экстремистов.

В этот крайне напряженный момент, в условиях начала вывода войск НАТО, талибы не обошли своим вниманием и американцев. В ситуации, когда президент Б. Обама объявил о готовности Вашингтона начать с ними переговоры, экстремисты совершили нападение на посольство США в Кабуле, находящееся в наиболее охраняемом районе города: 14 сентября, окопавшись в строящемся высотном доме недалеко от посольства, они в течение целого дня обстреливали американскую миссию из стрелкового

оружия и гранатометов. Афганская полиция при поддержке американцев была вынуждена использовать вертолеты для уничтожения террористов. Среди граждан США и других стран Запада не было потерь. Американский посол Р. Крокер обвинил в совершении акции группировку «Хаккани». Несмотря на то что он пытался преуменьшить масштабы и значение этого события, оно свидетельствовало о способности талибов организовать и провести масштабную операцию в столице.

Все эти трагические события показали, что антиправительственные силы по-прежнему обладают серьезным военным потенциалом. При этом мятежниками движет стремление не только продемонстрировать свои возможности, но и оказать давление на правительство и его западных союзников, подтолкнуть последних к скорейшему уходу из Афганистана, подготовить почву для того, чтобы в дальнейшем диктовать свои условия Кабулу в случае возможных переговоров, от которых они пока отказываются.

Тем временем США ведут с афганскими официальными лицами затянувшееся обсуждение соглашения о статусе американцев в Афганистане после завершения вывода войск коалиции в 2014 г. Несмотря на давление, оказываемое на Б. Обаму американской общественностью, требующей скорейшего вывода американского контингента, глава Белого дома вынужден прислушиваться и к руководству Афганистана, которое высказывает опасение, что, оставшись без военной поддержки Запада, страна вновь станет ареной гражданской войны и источником угрозы безопасности региона. Об этом шла речь на афгано-американских переговорах, начавшихся в марте 2011 г., в ходе которых стороны обсуждали вопрос о заключении нового соглашения о стратегическом партнерстве, предусматривающем дальнейшее пребывание военных и гражданских специалистов США в Афганистане после 2014 г. Речь идет об американских спецслужбах, разведке и авиации. Афганцы отказались подписать подготовленный Вашингтоном проект соглашения как сформулированный «расплывчато» и предложили свой, более детальный.

Достаточно сложным оказался вопрос о будущем статусе американских военнослужащих в Афганистане, руководство которого настаивает на том, что они должны находиться под афганской юрисдикцией. «Не может быть никаких параллельных структур, – категорически заявил советник президента Х. Карзая по иностранным делам Р.Д. Спанта. – Все должно быть в соответствии с нашим суверенитетом и Конституцией». В апреле Х. Карзай объявил

о том, что собирается созвать Лоя джиргу для обсуждения вопроса об американо-афганских стратегических отношениях. Переговоры возобновились в июне, однако стороны после долгих дискуссий так и не выработали приемлемого документа, и принятие соответствующего решения было отложено.

В рамках обсуждения долгосрочных контактов между США и Афганистаном встал вопрос о судьбе военных баз, на которых в настоящее время дислоцированы части американской армии. Среди афганских официальных лиц нет однозначного мнения на этот счет. Так, Ахмад Вали Карзай считал, что закрепление за США на постоянной основе военных баз в Афганистане необходимо, поскольку предотвратит возможное вмешательство соседей во внутренние дела страны. Однако сам президент не разделяет данную точку зрения, подчеркивая, что этот вопрос должны решать парламент и старейшины. Соединенные Штаты заняли осторожную позицию. Впервые ее обозначила в конце 2010 г. госсекретарь Х. Клинтон, которая, подводя итоги ноябрьского саммита НАТО в Лиссабоне, одобрявшего план передачи правительству Афганистана функций по обеспечению безопасности в стране, подчеркнула, что США не планируют создавать там постоянные базы. В марте 2011 г. эту позицию подтвердила заместитель министра обороны США по политическим вопросам М. Флорной, которая заявила о том, что Вашингтон не стремится получить эти базы в свое распоряжение. Такого же мнения, подчеркнула она, придерживается и президент Б. Обама. Данная формулировка, однако, не исключает возможности обеспечить в Афганистане долгосрочное военное присутствие Соединенных Штатов. «Американские военные могут в течение длительного времени находиться в различных странах мира, не обладая там базами на постоянной основе», – заявил газете «Guardian» представитель США. Свое видение данной проблемы изложил командующий войсками НАТО в Афганистане в тот период генерал Д. Петреус, предложивший создать «совместные» афгано-американские базы. Выступая на слушаниях в сенатском Комитете по обороне, он заявил, что необходимо остаться в регионе, в котором у США «столь жизненно важные интересы».

Собственные позиции по данному вопросу высказали и соседи Афганистана. Так, Иран заявил, что он категорически против сохранения американских военных баз рядом со своими границами. Россия и Индия также выразили беспокойство по этому поводу. Свое неодобрение высказал и традиционно политически нейтральный Китай.

Таким образом, вывод войск США из Афганистана начался в сложных условиях. Вашингтон оставляет при этом множество нерешенных проблем. В частности, не достигнута главная цель – покончить с терроризмом в Афганистане и регионе. Талибы и их союзники по-прежнему представляют здесь серьезную угрозу миру и безопасности. Значительно ослаблена, но не уничтожена террористическая организация «Аль-Каида». Военные методы урегулирования ситуации, на которые делала ставку администрация Дж. Буша-младшего, не сработали, и теперь США вынуждены идти на переговоры с талибами. Этот путь непредсказуем и полон неопределенностей, но сегодня ему нет альтернативы. Никто не может прогнозировать, что ожидает страну после ухода войск США и НАТО. Всеобщая коррупция, наркотрафик, произвол уорлордов, организованная преступность, безработица – все это остается неотъемлемой частью сегодняшнего Афганистана.

Между тем есть основания полагать, что США уходят не окончательно – у них остаются важные геостратегические, политические, экономические интересы в регионе. Из Афганистана будут выведены лишь боевые части, однако военное присутствие Соединенных Штатов сохранится, поскольку им нужно противостоять Ирану, сдерживать Россию и Китай, не допускать утечки ядерного оружия Пакистана в руки террористов. Кроме того, американские геологи недавно обнаружили в Афганистане богатейшие запасы природных ресурсов, в том числе стратегического назначения. Как можно оставить такую богатую кладовую? В общем, работы предстоит много. На одно лишь не хватает времени, средств, усилий, решимости – помочь Афганистану обрести, наконец, мир и безопасность. К сожалению, эта задача в итоге оказалась за пределами благородных устремлений Запада.

«Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика», М., 2011 г., № 3, с. 106–131.

НОВОЕ В ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О НАЦИОНАЛИЗМЕ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ТУРЦИЯ В НАЧАЛЕ XXI в.

Туба Канджи на примере изменений, внесенных в середине первого десятилетия XXI в. в учебные программы турецких школ, показывает, как процессы глобализации и европейской интеграции

вливают на формирование в общественном сознании отношения к проблемам национализма и национальной идентичности. Рассуждения о национализме в современной Турции справедливы лишь с учетом исторических обстоятельств, в которых происходило зарождение государства. Турецкая Республика (ТР) возникла после поражения в Первой мировой войне Османской империи, оккупации территории страны иностранными государствами и изнурительной войны за независимость. Подобные исторические обстоятельства повлияли на характер турецкого национализма, неотъемлемыми чертами которого стали «забота о сохранении территории, упор на существование врагов и необходимость защищать независимость». В период строительства основ ТР национализм стал важнейшей идеологической составляющей проекта ускоренной модернизации страны, продолжая уже в мирное время нести в себе идею о том, что долгом каждого турка является защита государства. Когда в середине 50-х годов произошел раскол на «левых» и «правых», вылившийся в политическую борьбу, продолжавшуюся несколько десятилетий, и те, и другие объявляли себя националистами и защитниками нации и государства, с той разницей, что первые выступали с позиций антикоммунизма, а вторые – антиимпериализма.

В 1980 г. конец этому противостоянию положил военный переворот, следствием которого стала временная деполитизация общества. Единственно правильной версией национализма был официально провозглашен «национализм по Ататюрку». Эта аутентичная версия, построенная на идее защиты государства при ведущей роли военно-бюрократической элиты, легла в основу новой турецкой конституции 1982 г. и в таком виде была внедрена в школьные программы и учебники середины 80-х годов. Однако именно эти годы стали для Турции временем коренных перемен. Это и отказ от импортозамещающей модели развития, и переход к рыночной экономике, и появление признаков гражданского общества, и рост популярности исламских политических организаций, и подъем курдского движения.

В подобных условиях государственная элита вновь сделала упор на «национализм по Ататюрку», чтобы противостоять глобализации и восстановить главенство государства перед лицом новых неуклонно усиливающихся акторов. В рамках этой политики понятие «угроза» в контексте государственного национализма стало предметом изучения даже в начальной школе. В 1986 г. специальным решением Высшего совета по вопросам образования в пе-

речень обязательных дисциплин были добавлены предметы под рубрикой «Предметы, относящиеся к Ататюркизму» (с. 363). Среди них была и проблема «угрозы», внесенная в учебники по обществоведению в главу «Наша родина и ее соседи». В ней содержались рассуждения об особом геополитическом положении Турции и подчеркивалась необходимость «быть сильными, сознательными, едиными и солидарными».

90-е годы XX в. прошли в атмосфере разочарования от отсутствия реальных перспектив интеграции в ЕС. В 1997 г. на саммите в Люксембурге Турция не была включена в список кандидатов. Хотя уже в 1999 г. на саммите в Хельсинки ситуация в отношениях между ТР и ЕС стала меняться в лучшую сторону (она все-таки была включена в список кандидатов на членство), реальный прогресс наметился лишь в 2002 г., после встречи в Копенгагене, когда было определено время начала переговоров о вступлении в ЕС. Одновременно усилились националистические настроения в обществе, и проблема безопасности вновь стала предметом обсуждения. В учебники по обществоведению была внесена новая глава под названием «Отечество и нация», где особое внимание уделялось понятию «нация», которое расшифровывалось как общность языка, истории, территории, культуры и идеалов. Далее говорилось, что, «поскольку народ, живущий на территории Турции, отвечает всем этим характеристикам, то он и образует Турецкий народ, создавший ТР, называется турецкой нацией». Такой упор на единую национальную принадлежность указывал на озабоченность руководства страны явно обозначившейся проблемой дезинтеграции и дифференциации общества, которое всегда провозглашалось единым, но никогда в реальности таковым не было.

В учебники 1995 г. были добавлены новые положения. Так, в главе «Отечество и нация» появилась идея «мученичества». Там, в частности, говорилось, что «некая территория может называться родиной только в том случае, если существует народ, который за нее умирает». Помимо этого, большее внимание стало уделяться значению и роли Вооруженных сил. Армия была названа одним из важнейших элементов национального могущества. Служба в ее рядах провозглашалась «священным долгом». Специфической чертой турецкой культуры называлось качество турка «быть солдатом от рождения». В отличие от учебников середины 80-х годов, где проблема угрозы национальной безопасности скрывалась за расплывчатой формулировкой о необходимости «быть сильными,

сознательными, едиными и солидарными», в изданиях середины и конца 90-х годов не только подчеркивалось важное геополитическое значение ТР, но и обращалось внимание на стремление других государств, в частности восточных и юго-восточных соседей, «не дать Турции стать сильной» и на их попытки «разделить Турцию, чтобы расширить собственные границы».

Договоренности, достигнутые в Копенгагене, способствовали ускорению процесса демократизации, поскольку обязательным условием начала переговоров о вступлении ТР в ЕС было проведение комплекса реформ с целью привести национальное законодательство в соответствие с европейскими требованиями. Начало 2000-х годов было отмечено принятием целого ряда поправок в Конституцию, в том числе касающихся соблюдения в стране гражданских прав и свобод. Несмотря на ускоренный «пакетный» режим внесения изменений в Основной закон, реформа образования (т.е. коррекция учебных программ и методик в соответствии с принятым руководством страны курсом на демократизацию) началась с отставанием. Первые реальные шаги были сделаны только в 2005 г.

Инициаторы реформы ставили перед собой задачу вывести процесс обучения на современный уровень, изучить и использовать практику ЕС, выработать методики, согласующиеся с европейскими стандартами. Были проанализированы американские и европейские школьные учебники с аналогичной тематикой. В качестве консультантов привлекались зарубежные специалисты. В результате новые учебники были созданы в совершенно ином стиле, с учетом детской психологии. Ставилась задача пробудить в детях активность и навыки самостоятельного осмысления информации.

Новые учебники не содержали специальных разделов, посвященных понятиям «нация» и «родина». В тексте эти слова встречались значительно реже, чем прежде, зато чаще стали упоминаться такие понятия, как «страна» и «общество». Меньше внимания уделялось этническим проблемам (мифам о происхождении народа и рассказам о великих предшественниках). В качестве примеров для подражания предлагались факты из жизни всемирно известных турецких спортсменов, деятелей искусства, ученых и политиков. Исчез образ врага, который в прежних редакциях возникал в связи с другими странами и народами. Как и раньше, особое внимание обращалось на обязанность гражданина защищать родину. Но наряду с этим впервые речь зашла о гражданских пра-

вах, правах ребенка, правах потребителей. Необходимости знать свои права придавалось не меньшее значение, чем осознанию обязанностей. Однако наряду со многими позитивными изменениями новые учебники несли в себе и явные недостатки. «Важнейшим из них является то, что термины “идентичность” и “различия” встречаются редко и в основном применительно к таким описательным категориям, как физические особенности, идентификационные карточки, чувства, мысли, хобби». Кроме того, первые шаги к «осовремениванию» пособий по обществоведению коснулись лишь учебников для младшей школы. Все понятия, относившиеся в прежних версиях к теме национализма («угроза», «мученичество», «нация воинов» и другие), перекочевали в почти неизменном виде в учебники для старших классов. Так случилось, что появление модернизированных программ по обществоведению и новых пособий совпало с усилением в стране националистических настроений. Регулярно давал себя знать «банальный национализм» повседневной жизни, подпитываемый общей неприязнью к оккупировавшему Ирак Западу.

Огромную роль сыграла активизация боевиков Рабочей партии Курдистана на юго-восточных границах Турции. Последнее обстоятельство повлияло на президентскую кампанию 2007 г., проходившую под националистическими лозунгами. В сложившейся обстановке тема национализма вновь заняла важное место в общественных дискуссиях. Одним из предметов обсуждения как раз оказались модернизированные учебники. Их стали критиковать за «активную поддержку неолиберальной идеологии и глобального капитализма», но особенно за то, что в них «не уделено достаточно внимания предметам, относящимся к Атаюркизму». В результате в 2007 г. Министерством национального образования была создана комиссия для внесения исправлений в новые учебники с учетом обнаруженных недостатков.

В заключение автор пишет, что курс на европейскую интеграцию служит стимулом для ускорения процесса демократизации Турции. Об этом свидетельствуют мероприятия середины первого десятилетия нынешнего века, когда сближение ТР и ЕС было особенно заметным. «Однако даже в период тесного взаимодействия, одновременно с завоеваниями позитивного характера возможны проявления негативной реакции, оспаривание этих завоеваний и сопротивление им. Достижения в области демократизации оспариваются и тормозятся военно-бюрократической элитой, а также разного рода политическими и общественными деятелями, кото-

рые стремятся укрепить *raison d'Etat* (государственные интересы), цепляясь за национализм».

Рецензию подготовила Н.Б. Шувалова

«Востоковедение и африканистика»:
РЖ/ИНИОН РАН, М., 2011 г., с. 100–104.

Марина Каменева,

кандидат филологических наук (ИБ РАН)

**ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
НА КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЕ РАЗВИТИЕ В ИРАНЕ
(XX – НАЧАЛО XXI в.)**

Европейский капитал, а вместе с ним и европейский образ жизни начали постепенно внедряться в различные сферы жизни иранского общества начиная с XIX в. Еще Насер-эд-Дин-Шах, вступивший на престол в 1848 г., строго требовал соблюдения и распространения европейских манер и этикета при дворе, поддерживал идею светского образования. Значительное усиление этого процесса наблюдалось вплоть до революции 1979 г., и он в определенной степени поощрялся руководством страны. Влияние Запада на идеологию и культуру Ирана осуществлялось различными путями, как прямыми, так и косвенными. Это – расширение торговли с Западом и укрепление экономических отношений с европейскими странами и США, работа иранских специалистов по заимствованным технологиям, обучение иранской молодежи во Франции, Англии, Германии и США, функционирование учебных заведений, где преподавали главным образом иностранные специалисты, и иностранных школ, а также многое другое.

Усиление влияния Запада сказалось, в частности, и на персидском литературном языке, лексическая система которого в конце XIX – начале XX в. характеризовалась массовым проникновением в нее европеизмов. Особенно много заимствований появилось в терминологии, что было связано с необходимостью номинации новых реалий и недостаточной развитостью терминологических систем персидского языка. На первом этапе это были преимущественно заимствования из французского языка. На фоне обилия лексем французского происхождения наблюдались лишь отдельные вкрапления английских слов, несмотря на то что вплоть до 1979 г. как английский, так и американский капитал занимали господствующие позиции в Иране, и англо-американское влияние

на все сферы жизни иранского общества, за исключением культуры, было решающим. В этой области главенствующее положение принадлежало Франции, что объясняется целым рядом как объективных, так и субъективных факторов. К первым можно отнести такие, как высокий престиж французской культуры и, как следствие, французского языка в мире, близость Турции и России, где французский язык в то время играл существенную роль в культурной жизни обеих стран, а также то обстоятельство, что многие персы получали образование в России, где они активно приобщались к французскому языку. Среди обстоятельств субъективного характера следует выделить положительное отношение правящих кругов Ирана к проникновению французской культуры и французского языка в страну.

Конец XIX – начало XX в. в Иране характеризуются развитием конституционного движения и новых форм государственности. В это время французский язык сыграл значительную роль в обогащении общественно-политической лексики персидского литературного языка. К галлицизмам этого периода можно отнести: *parleman* парламент, *demokrasi* демократия, *kudeta* государственный переворот, *kongre* конгресс, *kabine* кабинет, *burzhuazi* буржуазия и многие другие.

Франция оказала также положительное влияние на развитие иранской экономики, ускорение научно-технического прогресса в стране. В лексике персидского языка это нашло отражение в системе научно-технической терминологии, которая заимствовала в этот период такие французские лексемы, как, например, *kompani* компания, *burs* биржа, *prozhe* проект, *azhans* агентство, *shimi* химия, *gramer* грамматика, *fizik* физика, и т.д.

Воздействие французской культуры и западного образа жизни было весьма ощутимым в Иране вплоть до революции 1979 г. Оно также нашло отражение в лексике персидского языка. К франкоязычным заимствованиям, принадлежащим к данным тематическим сферам, можно отнести *degam* драма, *anstitu* институт (научно-исследовательский), *bale* балет, *mod* мода и др.

Из французского языка была заимствована также спортивная (*patinazh* конькобежный спорт, *ruen* очко, *medal* медаль и т.д.) и военная лексика (*zhenral* генерал, *manovr* маневр, *bomb* бомба и др.).

Считается, что лексика английского происхождения также sporadически проникала в персидский язык, вероятно, с конца XIX в., как, например, в сферу спортивной терминологии (*forvard* форвард, *kapitan* капитан *gol* гол и др.).

Возникшее в 1920–1930-е годы в Иране движение за чистоту персидского языка можно рассматривать как реакцию на вестернизацию общественной жизни в стране и, как результат, – на увеличение количества заимствований в нем из западноевропейских языков, ведущее место среди которых занимали галлицизмы. Важная роль в этой кампании принадлежала созданной в 1935 г. и просуществовавшей до 1941 г. Академии языка и литературы. Ее основная задача состояла в том, чтобы заменить заимствованную лексику заново сконструированными исконными, в целом этимологически ясными лексемами или же восстановить вышедшие из сферы активного функционирования староиранские слова и словосочетания. Так, например, слово «театр» было предложено заменить на *tamashaxane* (*tamasha* осмотр, рассматривание, хапе здание, помещение); *dosye* «досье» на *parvande*; *detector* детектор на *ashkarsaz*, *arkolozhi* «археология» на *bastanshenasi* и т.д. И следует подчеркнуть, что многие из предложенных Академией лексем успешно функционируют в современном персидском языке.

Однако несмотря на весьма активную и в целом успешную пуристическую деятельность, давшую персидскому языку значительное количество лексических эквивалентов функционировавшим в то время европейским заимствованиям, общественно-политическая, научно-техническая и бытовая лексика продолжали включать в себя достаточно большое количество французских заимствований, в том числе и интернационализмов, пришедших в персидский язык через французский.

Культурная переориентация, повлекшая за собой и языковую переориентацию с французского на английский язык, началась после окончания Второй мировой войны и активно шла на протяжении нескольких последующих десятилетий, вплоть до исламской революции, которая повлияла и на проводимую в Иране языковую политику. Английский язык постепенно занимал все более прочные позиции в общественной жизни Ирана. Однако, так же, как, например, в Японии, овладение им не было массовым, что было связано с достаточно сильными позициями национальной, самобытной иранской культуры и национальных традиций, существованием постоянной оппозиции западному влиянию как протеста против включения страны в сферу культурных интересов Запада.

Распространение научно-технического прогресса во многих странах мира, в том числе и в Иране, выдвинуло насущную необходимость номинации новых предметов, понятий и явлений. В от-

личие от прошлого именно английскому, а не французскому языку стала принадлежать основная роль в расширении терминологического фонда персидского литературного языка. В этот период из английского языка были заимствованы такие научно-технические термины, как, например: компьютер, *minibus* «микроавтобус», *fotokopî* «фотокопия», *tayîr* «печатание», *konteyner* «контейнер», *treyleg* «прицеп» и др. В персидский язык вошли многие спортивные термины: *tîm* «команда»: *kar* «кубок»: *estadium* «стадион», а также обиходно-бытовая лексика: *sandvich* «бутерброд», *eslayd* «слайд», *supermarket* «универсальный магазин» и т.д.

Планомерно проводимая правящими кругами Ирана языковая политика, направленная на пополнение терминологического состава персидского языка за счет собственных внутренних языковых ресурсов, способствовала созданию определенных преград на пути проникновения заимствованной лексики, в том числе европейских, в современный персидский язык. Аналогичным задачам была подчинена и деятельность созданной в конце 1970 г. Академии языка Ирана, которая предлагала исконно иранские лексемы в качестве эквивалентов заимствованной лексики, прежде всего английского происхождения. Так, например, было предложено заменить *trafik* «уличное движение» на *shodamad*, *mask* «маска» на *pushane* и т.д.

После исламской революции 1979 г. в результате прихода к власти в Иране ортодоксального мусульманского духовенства антизападная направленность, в том числе и в области культуры, стала характерной чертой политической линии нового иранского руководства. В рамках культурной революции, объявленной в 1980 г. соответствующим указом имама Хомейни, была объявлена борьба за самобытность иранской культуры. Составной частью проводимой культурной политики была языковая политика, которая была направлена как на ограничение использования самих западноевропейских языков, прежде всего английского в жизни Ирана, так и на борьбу против проникновения заимствований из этих языков, в первую очередь англицизмов, в современный персидский язык. Такие идеологические установки получили воплощение в запрете на преподавание западноевропейских языков в начальной школе, сокращении часов их преподавания в средней школе с шести до четырех в неделю, расформировании всех иностранных школ в стране, переименовании улиц и площадей, названных на западный лад, прекращении радио- и телепередач на английском языке, закрытии большинства периодических изданий

на европейских языках, запрещении использования по решению Межлиса в 1995 г. европейских слов в государственных учреждениях.

Что же касается собственно персидского языка, то его лексическая система развивается под воздействием двух тенденций. С одной стороны, это целенаправленная деятельность в рамках официально объявленной культурной доктрины исламской республики по сокращению количества западноевропейской лексики в персидском языке и их замене исконными языковыми элементами. Именно для осуществления этой важной задачи в сфере языковой политики в феврале 1990 г. Академия персидского языка и литературы на страницах «Бюллетеня Академии» и других своих изданий выносит на общественное обсуждение свои предложения в виде вновь созданных собственно персидских терминов вместо соответствующих иноязычных слов. С другой стороны, идет стихийный процесс пополнения персидской лексики, в первую очередь ее терминологического состава, за счет заимствований из европейских языков.

В первые годы после исламской революции на одно из первых мест в качестве языка-источника вновь выходит французский язык. Такое положение можно, видимо, объяснить политическими причинами, в частности резко отрицательным отношением руководства ИРИ к США и Англии. Значительно более благоприятно складывались отношения между Ираном и Францией, причем как до 1979 г., так и после победы исламской революции. В этот период в персидском языке наряду с англицизмами стали появляться и французские заимствования, приток которых в последние десятилетия перед революционными событиями 1979 г. значительно сократился. К французским лексическим инновациям этого периода можно отнести: *konvensyun* «конвенция»; *alternativ* «альтернатива»; *ultimatum* «ультиматум»; *zhenerik* «генеральный» (*tarhe zhenerik* «генеральный план»); *term* «семестр»; *taksiservis* «таксисервис»; *tur* «турне» и др. Интересно, что часть лексем активно функционировали в персидском языке еще до начала пуристической кампании 1920–1930-х годов, но в результате деятельности Академии языка и литературы Ирана вышли из сферы употребления.

Устойчивость западного влияния на персидский язык объясняется целым рядом объективных причин. Это, в первую очередь, связано с тем, что торгово-экономические отношения и деловые контакты Ирана с западными партнерами и обучение иранских студентов за границей, продолжавшиеся после революции 1979 г.,

вынуждали руководство страны проявлять определенную терпимость к европейскому влиянию. Так, в высших учебных заведениях Ирана сохранялось изучение английского и французского языков, функционировали также специальные курсы по изучению английского и немецкого языков для студентов, выезжающих на учебу за рубеж и для абитуриентов высших учебных заведений.

Конец 90-х годов XX в. – начало XXI в. – это период неконтролируемого усиления роли английского языка в общественной жизни ИРИ, роста его престижа и уровня владения им, особенно среди молодежи, которая составляет значительную часть населения страны. Такое положение вещей в языковой области является прямым следствием влияния мировых глобализационных процессов и на Иран. Принимая во внимание тот факт, что в современной социалингвистической научной литературе лингвистический аспект глобализации принято связывать с распространением английского как языка мирового общения, как всеобщего второго языка, не вызывает удивления и дальнейшее укрепление его позиций в иранском обществе, в том числе и как источника заимствований. Западноевропейские языки, и в первую очередь английский, продолжают занимать определенную нишу в системе функционирующих в Иране языковых образований. Их изучают в иранских средних и высших учебных заведениях, причем к английскому, французскому и немецкому добавились итальянский и испанский. Для изучения английского языка издается научная литература – двуязычные англо-персидские и персидско-английские словари по различным областям знаний, грамматика английского языка, учебники и учебные пособия, а на нем – художественная литература – произведения классической английской литературы, как, например, романы Ч. Диккенса и т.д. На иранском телевидении работает специальный новостной канал на английском языке – Iran Press, нацеленный на потребителей как внутри страны, так и за ее пределами. На нем также издаются газеты, как, например, Tehran Times и Tehran Daily.

Что касается лексики персидского языка, то, несмотря на все пуристические мероприятия, проводимые Академией языка и литературы Ирана, англицизмы и в целом европеизмы активно функционируют в современном персидском языке; значительная их часть либо уже превратилась, либо находится в процессе превращения в интернационализмы. Особенно активно этот процесс идет в сфере терминологии. К заимствованным англицизмам можно отнести: mobail «мобильный» (telefon-e mobail «мобильный те-

лефон»; labi «лобби» (политический термин); kemping «кемпинг»; risk «риск»; telekabin «кабина фуникулера»; hamburger «гамбургер» и мн. др. Часто заимствованные и исконные лексемы либо сосуществуют в языке практически на равных, как, например, keshvari – sivil «гражданский», balgard; charxbal – helikopter «вертолет», либо заимствованные превалируют над предложенными Академией языка и литературы исконными вариантами, как, например: kamruuter – raуane «компьютер»; telefone mobail – telefone hamrah мобильный телефон и т.д.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что в настоящее время глобализационные процессы, происходящие в мире, несмотря ни на какие идеологические заслоны, оказывают значительное влияние на культуру современного иранского общества и на персидский язык. При этом надо иметь в виду, что оно носит стихийный характер. Вместе с тем в современном Иране вопрос о возможной замене персидского языка на английский не стоит на повестке дня. Не идет также речь и о параллельном функционировании этих двух языков в иранском обществе, как, например, в Индии. Персидский язык занимает прочные позиции в Исламской Республике Иран.

«Восток (Oriens)», М., 2012 г., с. 77–80.

В. Беляков,

востоковед

ПРИНЦИПЫ ДЕЛОВОЙ ЖИЗНИ В ЕГИПТЕ

Чтобы успешно вести бизнес в странах Востока, необходимо учитывать менталитет их народов, сложившиеся в этих странах нормы деловой жизни. Египет – государство, с которым у нашей страны более полувека существуют торгово-экономические отношения. В 1960–1980-х годах там при содействии СССР были построены 111 экономических объектов, в том числе такие крупные, как высотная Асуанская плотина, металлургический комбинат в Хелуане, алюминиевый завод в Наг-Хаммади. В 1991 г. при президенте Хосни Мубараке было начато проведение программы экономических реформ. А в 2004 г. начался новый ее этап, сопровождавшийся созданием максимально благоприятного климата для иностранных инвестиций, либерализацией банковской системы, снижением налогов, сокращением таможенных тарифов. В итоге возник корпус египетских бизнесменов, предпринимателей в пер-

вом поколении, стремящихся к максимальной прибыли в кратчайшие сроки, подчас без учета влияния этого на будущее их собственного бизнеса. К началу XXI в. частный сектор занял в Египте доминирующие позиции. Растет там и число иностранных и многонациональных компаний.

Крупные египетские города располагают широкими возможностями для иностранных бизнесменов. Основные гостиницы имеют бизнес-центры, оборудованные спутниковым телевидением, беспроводным Интернетом, факсами и принтерами. В них имеются также специальные залы для проведения конференций и презентаций, нередко с оборудованием для синхронного перевода, работают операторы мобильной связи, обеспечивающие роуминг со всеми странами мира. Государственные учреждения работают с 8.00 до 14.00, выходные – пятница и суббота. Однако сотрудники редко собираются к 8.00 и не всегда бывают на месте до 14.00. По этому же графику работают и банки, включая частные, но сотрудники там более дисциплинированы. Офисы частных компаний обычно открыты с 9.00 до 17.00, в ряде случаев рабочий день их сотрудников делится на две части: с 9.00 до 14.00 и с 17.00 до 21.00.

Характерная черта бизнеса по-египетски – его медлительность. Отчасти это вызвано неторопливостью ритма жизни в Египте из-за его климата, но не только. Традиционный стиль руководства компаний таков, что все решения принимает только глава компании, а он может, заболеть или находиться в отпуске, в командировке. Чем ниже уровень делового контакта, тем больше времени необходимо для решения, поскольку, например, предложение о сотрудничестве должно пройти несколько уровней в системе управления и затем спуститься обратно вниз для исполнения. И только уважение к привычному ритму бизнеса ведет к успеху. Любые попытки подтолкнуть ход событий непродуктивны и могут привести лишь к конфликту, что будет означать вашу неудачу. «Египтяне считают гордость, более важной, чем собственные интересы, – отмечает египетский автор (Zayan J.). – Можете жаловаться, но все жалобы следует направлять только на самый высокий уровень. Жаловаться руководителям среднего уровня бесполезно».

Иностранный предприниматель, желающий работать на египетском рынке, может учредить филиал своей компании либо ее представительство. Законодательство не требует наличия местного партнера, но для гарантии успеха это крайне желательно.

Во-первых, местные хорошо знают рынок.

Во-вторых, преодолеют бюрократические препоны, что не всегда легко.

В-третьих, знакомы с тем, кого, за что и как следует благодарить, без чего нормальный бизнес в стране невозможен.

И в-четвертых, местный партнер будет содействовать установлению нужных связей.

Вообще личные связи и доверие – ключевые компоненты успешного бизнеса в Египте. Они необходимы не только для того, чтобы проникнуть на местный рынок, но и для того, чтобы фирма нормально функционировала. Дружеские, доверительные отношения с партнерами гарантируют, что контракты будут выполняться, счета оплачиваться вовремя, назначенные деловые встречи состоятся, а допущенные ошибки будут быстро исправлены.

Устанавливая отношения с египетскими партнерами, следует все время помнить, что ни в коем случае нельзя подчеркивать свое несходство с местными жителями. Это правило номер один для европейца, желающего комфортно чувствовать себя в чужой стране. Египтяне считают себя ничем не хуже других, что естественно. Но они другие. Высокомерное похлопывание по плечу совершенно недопустимо и разрушительно для личных отношений, а следовательно, и для бизнеса.

Чтобы поддерживать дружеские отношения с партнерами, необходимо регулярно встречаться с ними в неформальной обстановке. Лучше всего приглашать их в кафе или ресторан. В принципе можно пригласить партнера и к себе домой. Но, во-первых, без супруги, а во-вторых, в этом случае не ждите, что и он пригласит вас к себе домой: даже европейски образованные египтяне распахивают двери своего дома только для близких друзей. Все большую роль играют в египетском обществе женщины. Им доступны любые посты, вплоть до министерских. Женщины занимаются и бизнесом. Как и с партнерами-мужчинами, с ними надо поддерживать дружеские отношения. Однако не должно быть ничего личного. Пригласить женщину-партнера поужинать в ресторан в Египте считается недопустимым.

Египет – преимущественно исламская страна, но там нет «сухого закона». Отношение к алкоголю варьируется от удовольствия до отвращения. Так что если вы не уверены в том, что ваш гость употребляет алкогольные напитки, лучше их ему не предлагать и не употреблять при нем самому. Некоторые египтяне, особо строго придерживающиеся исламских традиций, воспринимают

появление на столе алкоголя как оскорбление. Это относится и к подаркам. Традиционная русская «бутылка» для партнера в Египте, как правило, совершенно не подходит.

Официальные приемы в Египте, если только их не организуют иностранные посольства, – «мальчишники». Жен приглашать не принято. На приемах, устроенных госучреждениями, спиртное не подают. Частные фирмы, чтобы угодить своим иностранным партнерам, нередко выставляют на приемах и спиртное. Из-за жары, особенно летом, наиболее активная социальная жизнь в Египте происходит вечером. Обед может быть назначен на 17.00, а ужин – на 22.00, а то и позже. Практически все египетские бизнесмены сносно говорят по-английски, поэтому, чтобы избежать посредников, особенно в конфиденциальной беседе, лучше заранее подучить этот язык.

Вознаграждение за услуги – бакшиш – норма повседневной жизни египтян. Бакшиш вполне вписывается в традиции ислама, широко использующего различные формы поддержания нуждающихся мусульман и снижения социальной напряженности в обществе. Любой бизнесмен обязательно сталкивается с мелкими чиновниками, для того чтобы получить лицензию, разрешение, сертификат. В этом случае вознаграждение сотрудника неизбежно, причем оно не рассматривается как коррупция. Считается, что это финансовая помощь низкооплачиваемым чиновникам в обмен на ускорение получения документов. Чиновники полагают, что бизнесмены вполне в состоянии поделить с ними крохами от своей прибыли. Многие служащие только и сводят концы с концами благодаря мелким взяткам. Но в современный бизнес вошла и традиция, которую уже вполне можно квалифицировать как коррупцию. Это так называемая умуля, «откат», выплата комиссионных человеку, который от имени своей фирмы заключил с вашей фирмой контракт.

Стóит в этой связи напомнить, что делиться с малоимущими считается в исламских странах нормой. Каждый зажиточный мусульманин должен ежегодно добровольно жертвовать неимущим закят (один из столпов ислама, обычно примерно 1/40 часть имущества). Считается, что он «позволяет добиться более справедливого распределения жизненных благ и духовно очищает того, кто его своевременно платит, свидетельствуя о чистоте праведножитого состояния». Во время Рамадана, месяца поста, для нуждающихся организуют «столы милосердия». Когда на заходе солнца пост прерывается, за этими столами можно бесплатно поесть.

Во время мусульманских праздников принято раздавать милостыню бедным.

Египтяне не склонны безоговорочно выполнять обещания. Сказать: «нет», «не знаю» – считается невежливым. Среди иностранцев, живущих в Египте, популярна такая шутка: у египтян есть собственная IBM — ин ша Алла («если пожелает Аллах»), букра («завтра»), малейш («ну и ладно»). Если египтянин не может или не хочет что-то сделать, то скажет: «Букра, ин ша Алла!» Это синоним слова «никогда».

Необязательность египтян проявляется в их отношении ко времени. «Запомните, время – не деньги», – учит иностранных читателей египетский автор. Опоздать на встречу на 15–20 минут считается нормальным. В многомиллионных Каире и Александрии это усугубляется хаотичным движением транспорта. Ныне, в эпоху мобильных телефонов, иностранного партнера могут предупредить об опоздании, но могут и не предупредить. При этом сами египтяне ждут от иностранцев большей пунктуальности. Застряв в пробке, желательно позвонить и сообщить об опоздании. Впрочем, придя вовремя, иной раз ощущаешь, что тебя еще не ждали. С учетом транспортных проблем и особенностей местного этикета не стоит назначать больше двух встреч в день, причем желательно подальше разнести их во времени. Встречи, назначенные заранее, лучше подтвердить накануне.

В любом египетском офисе секретарь директора сначала спросит у вас: «Что будете пить?» Обычно предлагают чай, кофе, прохладительные напитки, но не спиртное. Отказываться нельзя, даже если сегодня уже выпито пять чашек кофе, четыре чашки чаю и три бутылочки пепси, – это невежливо. Надо заказать что-нибудь и сделать пару глотков. Ни в коем случае нельзя начинать беседу прямо с деловых вопросов. Следует помнить, что время – не деньги. Сначала надо поговорить о том о сем, похвалить офис, пожаловаться на погоду. Политики и особенно религии лучше не касаться. Нельзя спрашивать хозяина о самочувствии его жены, даже если вы с ней знакомы. Это считается крайне неучтивым. Допив (или сделав вид, что допили) свой кофе, можно не спеша поворачивать разговор на деловую тему. Но и эту тему собеседник может прерывать, рассказывая о достижениях собственных или своей фирмы. Надо подыгрывать ему, не спешить. Ни в коем случае нельзя смотреть на часы, это невежливо.

Первые встречи носят обычно формальный характер. При этом очень важно обращение к собеседнику. К министру, губерна-

тору, послу следует обращаться «Ваше превосходительство» («Your Excellency»). В обращении к остальным в обиходе обычное «мистер». В Египте принято обязательно называть ученую степень, если таковая имеется, например «доктор Бутрос Гали». При этом вполне допустимо обращаться к собеседнику по имени, а не по фамилии: «доктор Бутрос», «мистер Махмуд». Обязательно называют и творческую профессию, к которым египтяне относят и инженеров, и агрономов, а не только писателей или художников (скажем, «инженер Махмуд»). Готовясь к первой встрече, стоит тщательно проверить титул и профессию собеседника. От этого будет во многом зависеть успех встречи, да и последующие отношения.

Египтяне весьма строги в отношении одежды. На все официальные мероприятия следует приходить только в костюме и при галстуке. Кстати сказать, в Большой зал каирского Оперного театра без галстука вообще не пускают. Летом на мероприятия под открытым небом можно прийти без пиджака, в рубашке с коротким рукавом, но обязательно при галстуке. Принят и особый летний костюм (бадья сейф) типа «сафари». Его пиджак надевается прямо на майку. Галстук с ним не носят. Но такой костюм годится только для будничных встреч. Джинсы и футболки или тенниски из деловой одежды полностью исключены. Египтяне крайне отрицательно относятся к мужчинам с длинными волосами или хвостиком, с пирсингом или с ювелирными украшениями. Допустимым считается только обручальное кольцо – единственное золотое ювелирное изделие, которое разрешается носить мужчине-мусульманину.

При знакомстве принято обмениваться визитными карточками. Как правило, надпись на карточке делается на том языке, на котором их владелец собирается общаться с египтянами, чаще всего – на английском. Если иностранец знает еще и арабский язык, то тогда следует заказать двустороннюю карточку. Однако если он говорит только по-английски, то имеет смысл напечатать отдельную карточку и на арабском языке. Она может пригодиться в том случае, если собеседник плохо знает английский.

Во время переговоров с потенциальными партнерами следует учитывать еще две особенности египетского бизнеса.

Во-первых, не воспринимать обещания буквально. Если собеседник говорит «определенно», то это скорее всего означает «может быть». «Немедленно» обычно на деле превращается в «скоро».

Во-вторых, первоначально заявленная цена никогда не бывает окончательной. Собеседник ожидает, что она будет отвергнута, и, увидев сомнения партнера, снизит цену. Но и партнер должен в своем первом предложении дать завышенную цену, будучи готовым ее снизить. Египтян отличает гибкость в подходе к ценам, и то же они надеются встретить у своих иностранных партнеров. Даже если договоренность не достигнута, это не значит, что дальнейшие переговоры бессмысленны. Стоит позванивать своему собеседнику, и вполне возможно, что в конечном итоге удастся найти для обеих сторон приемлемые условия сделки.

В конце года принято обмениваться подарками. Чаще всего это традиционные для любого бизнеса настольные письменные приборы, авторучки, зажигалки. Удачный подарок – сувенир из своей страны. Подарки, однако, не должны быть дорогими. Во-первых, ценится внимание, а не сам подарок. А во-вторых, бизнесмен тоже вынужден будет сделать подарок своему иностранному партнеру. Ответный подарок должен соответствовать цене полученного, так что не стоит вводить партнера в лишние расходы.

Египтяне больше любят говорить, чем слушать. Поэтому в деловом общении явное преимущество отдается переговорам. Часто устраиваются и презентации, чтобы познакомить партнеров с новым продуктом. В недавно созданных частных компаниях они проходят обычно так же, как и везде: на них отводится определенное время, ведущего внимательно слушают, не перебивая и задавая вопросы только тогда, когда он закончил. По-иному подчас ведут себя участники презентации, если она проходит в госкомпании или старой семейной фирме. Ведущего могут перебивать телефонные звонки, секретарь, пришедший к шефу с бумагой на подпись, входящие в помещение или выходящие из него люди. Не надо нервничать, надо потерпеть, потому что это вовсе не значит, что презентация партнеру не интересна. Просто таков присущий руководству данной фирмы деловой стиль.

Чаще всего на презентациях присутствуют управленцы среднего уровня. Изложение должно быть четким и деловым. Шутки неуместны. Египтянам присуще чувство юмора, и у них, как и в России, в широком ходу анекдоты, но местный юмор зачастую не совпадает с иностранным. Услышав от иностранца шутку, египтянин начинает думать, что же в ней смешного, отвлекаясь при этом от презентации. Кроме того, учтивость требует, чтобы он сделал вид, будто ему смешно, что для него неприятно. Презентацию надо сделать короче и сразу перейти к сути дела, если присут-

ствует глава компании. Шефу могут позвонить; следует переждать, пока он поговорит по телефону.

Гражданский кодекс – основной источник законодательства в стране. Он базируется главным образом на Кодексе Наполеона. Деловые контракты желательно составлять подробно, обязательно включив в них штрафные санкции за невыполнение в срок. Это немного дисциплинирует партнеров-египтян. Контракты, как правило, заключаются на арабском языке, реже – на английском. Прежде чем подписывать контракт, стоит обратиться в Российский центр науки и культуры в Каире или Александрии с просьбой перевести его на русский язык. За небольшую плату это сделают квалифицированные российские переводчики. Как и на Западе, в случае конфликтных ситуаций дело передается в суд. Однако судебная тяжба в Египте, как и везде, – дело долгое и хлопотное. Поэтому эксперты советуют включать в контракт положение об арбитраже. Египетские суды признают решения иностранных арбитражных органов. Если контракт составлен на английском языке, то для подачи дела в суд необходимо перевести его на арабский язык, а перевод заверить нотариально.

Словом, в деловом этикете сегодняшнего Египта причудливо переплелось традиционное с современным, причем традиционного больше, и это подчас создает немалые трудности для бизнесменов, желающих выйти на египетский рынок. Некоторым так и не удается закрепиться. Но если учитывать и уважать местные традиции, можно с успехом устанавливать и развивать коммерческие связи с этой страной. Об этом говорит тот факт, что на египетском рынке работают сотни иностранных компаний, в том числе и российские.

«Этикет народов Востока: Нормативная традиция, ритуал, обычаи», М., 2011 г., с. 129–135.

Ольга Меренкова,

историк

(Музей антропологии и этнографии РАН,

г. Санкт-Петербург)

«БРИТАНСКИЕ БАНГЛАДЕШЦЫ»

В ПОИСКЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Еще до образования независимого государства Бангладеш в 1971 г. его жители идентифицировали себя либо как «мусульмане,

живущие в Бенгалии», либо как «бенгальцы, исповедующие ислам». В 1940-х годах акцентирование на религиозном факторе идентичности объединило восточных бенгальцев с остальными мусульманами Индии и привело к образованию независимого государства Пакистан. В 1971 г. национальный фактор бенгальской идентичности сыграл решающую роль в выделении из состава Пакистана независимого государства Бангладеш. В данной работе на примере общины бангладешцев, проживающих в Великобритании, проводится исследование того, как менялось понимание бенгальцами, а позднее и бангладешцами, своей этничности на протяжении различных исторических периодов.

Проблема этничности, или этнической идентификации, стала особенно актуальна по причине интенсивных социальных и политических изменений. В современном мире наблюдаются две тенденции в формировании человеческих сообществ. С одной стороны, происходит интенсификация международных хозяйственных и культурных связей, создание глобальной коммуникационной и транспортной структуры («глобализация»). Люди, оказавшиеся вдали от исторической родины и родственников, сохранили с ними многочисленные виртуальные связи. С другой стороны, возвращается интерес к малой родине, этнической самобытности, тому, что выделяет культурно близких людей. В эту тенденцию вписываются попытки возрождения и консервации европейских народностей, создание сильных общин эмигрантов.

В результате глобализации людям и товарам становится легче перемещаться между странами, и в это же самое время усиливаются процессы диверсификации. Эти процессы все чаще привлекают внимание отечественных и западных исследователей. Особое внимание уделяется феномену межэтнических отношений и взаимодействий между этническими общностями. Акценты ставятся на раскрытии закономерностей и особенностей процессов взаимодействия этносов, психологии конфликтов, соперничества, сотрудничества, межэтнической коммуникации, процессов аккультурации и адаптации.

Кроме того, в настоящее время на первый план в научной среде выходят исследования, посвященные формированию, развитию и функционированию этнического самосознания в условиях инокультурной среды. Наряду с термином «этничность» («ethnicity») в западных работах широко используется и понятие «идентификация» («identification»). Проблема идентификации, или самоидентификации, в последнее время особо актуальна в научно-

исследовательской среде. В период важных социальных и политических изменений наблюдается повышенное внимание к изучению различных проявлений идентификации: по национальному, профессиональному, региональному, местному и прочим признакам.

Повышенный интерес у исследователей феномена этничности вызывает возможность смещения акцентов самоидентификации. И здесь в качестве примера можно привести общину бангладешцев в Великобритании.

Понимание бенгальцами своей этничности менялось в различные исторические периоды. В зависимости от этого менялся политический курс, проводимый бенгальскими лидерами, что, в конечном итоге, привело к выделению Восточной Бенгалии сначала из состава Индии, а затем и Пакистана, и образованию независимого государства Бангладеш. Необходимо проследить некоторые аспекты истории Восточной Бенгалии (с 1971 г. – Бангладеш), чтобы лучше представлять, как именно формировалось отношение бангладешцев к собственной идентификации и как в дальнейшем они, приехав в Великобританию, смогли идентифицировать себя в инокультурной среде. В отличие от населения Западной Бенгалии, где большинство составляют индусы, жители Бангладеш (бывшей Восточной Бенгалии) преимущественно исповедуют ислам.

Впервые ислам появился на территории Бенгалии в XIII в. вместе с армиями мусульманских завоевателей. Однако это не означает, что население Бенгалии, особенно ее восточных областей, насильственно обращалось в ислам. Еще до прихода ислама суровые ограничения кастовой системы и социальная организация, характерные для всего индусского населения, в Бенгалии несколько смягчались благодаря влиянию буддизма. К XIX в. Западная и Восточная Бенгалия оказались в оппозиции друг другу по конфессиональному признаку. На западе преобладали индусы, на востоке – мусульмане. После переписи 1872 г., проведенной среди населения всей Бенгалии (включавшей в себя современное государство Бангладеш, а также индийские провинции Западная Бенгалия и Ассам), выявилось, что ислам в этом регионе стал преобладающей конфессией.

В начале XX в. англичане сделали попытку административно разделить Бенгалию на Западную и Восточную для более удобного управления в рамках колониальной стратегии «разделяй и властвуй». Мусульманские лидеры во многом приветствовали этот раздел, поскольку он открывал новые экономические возможности и создавал рабочие места. Индусы категорически не желали разде-

ла и рассматривали его как попытку ущемления национального достоинства бенгальцев. Они призывали народ вспомнить о едином культурном наследии, о региональной независимости, а также о единстве бенгальской нации. Территории, населенные бенгальцами, вскоре, по требованию общественности, были вновь объединены. Однако разделение общества на «индусов» и «мусульман» становилось все заметнее.

В начале XX в. бенгальские мусульмане составляли приблизительно половину всех жителей Бенгалии и были самой многочисленной этнической группой среди индийских мусульман. Бенгальские мусульмане лидировали в среде мусульманских сепаратистов, призывавших всех мусульман индийского субконтинента к объединению для обретения собственной независимой территории. Ставя себя в один ряд с мусульманами севера и северо-запада, мусульмане Бенгалии предпочли временно игнорировать этнические, в том числе расовые, культурные и языковые различия с ними. Для реализации мечты о «южноазиатской мусульманской родине» и ради своих экономических и политических интересов они предпочли идентифицировать себя с мусульманами-небенгальцами. В случае отделения Восточной Бенгалии от Западной перед бенгальскими мусульманами открывались возможности реализовать себя в политической, экономической и социальной сферах. В данном случае религия оказалась «той маской, скрывающей значительные культурные различия, которые отличали мусульман Бенгалии от остальных мусульман Южной Азии».

В этом политическом ходе, как оказалось в дальнейшем, была заложена реальная возможность выделения мусульман Восточной Бенгалии в качестве отдельной этнической группы и будущего распада Пакистана.

В 1947 г. жители Восточной Бенгалии идентифицировали себя как «мусульмане, живущие в Бенгалии», и благодаря этому вошли в состав Пакистана как часть страны под названием «Восточный Пакистан». После образования независимого государства Пакистан мусульмане Бенгалии снова сменили свой главный идентификационный признак. На смену общей религии пришли национальное самосознание и ощущение себя в большей степени бенгальцами, нежели мусульманами. Однако это совсем не означает, что религиозный фактор был забыт, просто его значимость оказалась временно завуалирована. Вскоре после того как в 1947 г. образовалось независимое государство Пакистан, в Восточной Бенгалии, называвшейся в то время Восточным Пакистаном, стало

нарастать недовольство, вызванное относительно более низким статусом Восточного Пакистана по сравнению с Западным Пакистаном.

После обретения независимости Западный Пакистан стал доминирующей частью страны как в политическом, так и в экономическом аспекте, несмотря на то что восточное крыло поставляло огромное количество ресурсов. Следующим важным фактором, позднее спровоцировавшим раздел страны, стало решение западнопакистанской администрации в 1948 г. придать языку урду статус единственного государственного языка. Только в 1954 г. жителям Восточной Бенгалии удалось провести закон о признании бенгальского языка вторым государственным языком Пакистана наравне с урду. Движение в поддержку бенгальского языка было признано западнопакистанскими лидерами проявлением крайнего национализма и угрозой общегосударственным интересам.

Взаимоотношения между политическими силами Западного и Восточного Пакистана, весьма противоречивые изначально, так и не смогли улучшиться. Ситуацию также обострили и взаимные упреки политиков, стремившихся преуменьшить заслуги оппонентов в деятельности на благо страны.

К концу 1960-х годов язык и национальность стали значить для восточных бенгальцев больше, чем религия. Если раньше они идентифицировали себя как «мусульмане, живущие в Бенгалии», то теперь – как «бенгальцы, исповедующие ислам». Благодаря смене акцентов самоидентификации восточнобенгальским мусульманам удалось одержать победу на всеобщих выборах в Пакистане в декабре 1970 г., получив абсолютное большинство мандатов на территории своей провинции. Однако центральная администрация Пакистана не признала результаты выборов и отдала приказ об аресте лидера восточнобенгальских политических сил Муджибура Рахмана. Военно-административная верхушка, представлявшая интересы Западного Пакистана, не могла допустить прихода к власти представителя восточнопакистанской политической администрации. Была предложена идея о назначении двух премьер-министров: от Западного и Восточного Пакистана. 3 марта 1971 г. в Дакке состоялась встреча президента Пакистана Яхья Хана, Муджибура Рахмана и лидера Пакистанской народной партии, одержавшей на выборах победу в Западном Пакистане, Зульф리카ра Али Бхутто, однако переговоры не увенчались успехом. Военный режим ответил отказом на требование депутатов от Восточного Пакистана предоставить этой провинции региональную автоно-

мию. В ночь с 25 на 26 марта 1971 г. армия Западного Пакистана вошла на территорию Восточной Бенгалии. Целью данной операции было подавление бенгальского сопротивления, в том числе физическое устранение бенгальских лидеров, призывавших к независимости.

26 марта 1971 г. считается официальной датой начала войны за независимость, которая завершилась в декабре этого же года отделением Восточной Бенгалии от Западного Пакистана и образованием независимого государства Бангладеш.

Эти события могут служить наглядным примером того, как способность этнической группы менять отношение к собственной этничности приводит к серьезным политическим, экономическим и культурным переменам. В данном случае благодаря смене главенствующих идентификационных признаков бенгальцам удалось сформировать собственное государство Бангладеш. Если в середине XX в. акцент в самоидентификации бенгальцев делался на общей религии, то в 1971 г. – на значительных культурных и языковых особенностях, которые отличают бангладешцев от остальных жителей государства Пакистан.

Интересно также, нисколько не умаляя ценности расовых, культурных и лингвистических признаков бенгальской этничности, отметить тот факт, что хотя государство Бангладеш отделено от Пакистана по национальному признаку, но на сегодняшний момент ислам по-прежнему остается там главной государственной религией. Данный пример подтверждает, что не существует четко зафиксированных признаков этничности или этнической самоидентификации. Некоторые из таких признаков вполне могут изменяться в зависимости от политической и экономической ситуации, терять или приобретать большую или меньшую важность в общей системе ценностей.

Глубина и сложность проблемы, связанной с раскрытием понятия «этничность», могут быть еще более отчетливо выявлены на примере самоидентификации «британских бангладешцев». «Британскими бангладешцами» в Великобритании называют тех, кто сам иммигрировал в эту страну, или их потомков. Специфика ситуации, однако, такова, что восточные бенгальцы, приехавшие в Англию из единого государства Пакистан, идентифицировали себя после событий 1971 г. как «бангладешцы». Идеология существования особой бангладешской нации, отличной от пакистанской или западнобенгальской, лежит в основе политики этого молодого независимого государства. При этом отношение населения к

собственной идентификации может меняться от идеи единой бенгальской нации до идеи принадлежности к остальному исламскому миру.

В данном исследовании особое внимание будет уделено именно представителям бангладешской общины – как первичным иммигрантам, так и их потомкам. Речь пойдет по большей части об иммигрантах из Восточной Бенгалии (с 1971 г. – Бангладеш), конкретно из округа Силхет, поскольку 98% из 500 тыс. бангладешцев, проживающих в Англии в настоящее время, прибыли из округа Силхет. По сравнению с этой цифрой число иммигрантов из Западной Бенгалии относительно невелико (несколько тысяч) и не позволяет на данном этапе выделить их как самостоятельную группу, а также говорить об особенностях отношений именно между иммигрантами из Восточной Бенгалии и Западной Бенгалии. Отношения между бенгальцами и бангладешцами в Англии могли бы стать темой для дальнейшего анализа, но только как один из аспектов отношений между индусами и мусульманами в целом и в Великобритании в частности. Кроме того, следует отметить и особенности расселения данных групп. Территориально большая часть бангладешцев и иммигрантов из Западной Бенгалии проживают в разных районах.

Индийцы селятся преимущественно в районах Эктон и Саутхолл округа Илинг на юго-западе Лондона (близ аэропорта Хитроу), а также в районах Хаунслоу, Харроу, Уимблдон, Баркинг, Саут Вудфор. Бангладешцы довольно компактно поселились в окрестностях улицы Брик Лейн в районе Спиталфилдс округа Тауэр Хэмлетс. Эта улица уже получила в английской столице имя «Банглатаун» (Banglatown) – «Бенгальский город» – по аналогии с китайским Чайнатауном, расположенным в Западном Лондоне

Большинство бангладешцев, проживающих в настоящее время в районе Тауэр Хэмлетс в Восточном Лондоне, происходят из районов Балагандж, Джаганнатхпур, Гопалгандж и Беанибазар округа Силхет. Поскольку в основном члены бангладешской общины являются выходцами из округа Силхет, следует несколько подробнее остановиться на истории данного региона. Округ Силхет отличается особой культурной идентичностью. Он расположен в северо-восточной части Бангладеш. Издревле здесь обрабатывали землю, занимались разведением фруктов, а позднее возделывали многочисленные чайные плантации. Судьба округа Силхет, также как и самой Бенгалии, долгое время находилась во власти иностранных правителей.

В 1384 г. эта область была завоевана Хазратом Шахом Джалалом и попала под власть мусульманского султаната. Преимущественно именно благодаря Хазрату Шаху Джалалу и его сподвижникам в землях, принадлежащих в настоящее время округу Силхет, ислам получил такое широкое распространение. В 1622 г. власть в округе перешла к могольским правителям, а в 1765 г. – к Британской Ост-Индской компании. Позднее, в период британского правления, в округе не раз поднимались восстания против английского владычества: мусульманское (1782), сипайское (1857), движение Нанкар (1922–1923) и др. В 1874 г. британские власти приняли решение отделить Силхет от Бенгалии и административно присоединить к штату Ассам. Только в 1947 г. округ Силхет снова стал частью Восточной Бенгалии.

Силхетские деревни не являются отдельными поселениями, а представляют собой разбросанные ячейки патрилинейно связанных хозяйств, не соединенных экономически, но имеющих общих предков и поддерживающих родственные связи. Когда такое домашнее хозяйство становится слишком большим, оно распадается. Несколько старших братьев или кузенов перебираются на другое место, как правило, неподалеку от предыдущего. В Силхете существует множество деревень, которые образовались именно подобным образом и которые представляют собой «цепь» родственно связанных друг с другом хозяйств. Позднее именно эти «цепи» повлияли на характер миграции бенгальцев, и в частности силхетцев, в Великобританию.

Известно, что еще в XIX в. силхетцы служили в британском торговом флоте, и в начале XX в. в Англии их насчитывалось уже несколько десятков тысяч. Первое поколение бенгальских иммигрантов составляли в основном выходцы из средних слоев общества, большинство из которых проживали на родине в округе Силхет – процветающей, но политически нестабильной области Восточной Бенгалии. В миграции их привлекла прежде всего возможность заработать и отослать домой деньги. Собираясь вернуться к своим семьям, первые иммигранты вкладывали заработанные средства в покупку земли на родине. Первоначально у выходцев из округа Силхет и Восточной Бенгалии существовал так называемый «миф о возвращении», поскольку многие из них прибывали в Англию на заработки, мечтая вернуться домой с достатком.

После 1948 г. Великобритания столкнулась с большим притоком мигрантов. Тогда был принят Акт о британском гражданстве (British Nationality Act), оформивший единое гражданство для

метрополии и колоний с правом переселения и работы в Великобритании. Главными поставщиками иммигрантов были Индия и Пакистан, включавший тогда Восточную Бенгалию. Их «лидерство» сохранилось и до настоящего времени. Период с 1948 по 1961 г. характеризуется оформлением цепей миграции из Индии и Пакистана в Великобританию. Эта волна миграции в тот период еще не регулировалась британскими властями, ибо осуществлялась в рамках старых колониальных связей между странами Британского Содружества и бывшей метрополией. В 1971 г. после войны за независимость (26 марта – 3 декабря 1971 г.) из состава Пакистана выделилось независимое государство Бангладеш (ранее – Восточная Бенгалия). Это событие оказало значительное влияние на приток «первичных» иммигрантов-бангладешцев. Поскольку после 1971 г. ситуация в Бангладеш заметно ухудшилась как в экономическом, так и в политическом плане, люди, которые уже иммигрировали в Британию, постепенно отказывались от мысли о возвращении на историческую родину.

С течением времени внутри бангладешского сообщества в Англии возникло чувство отчужденности от британского общества, связанное с социальными факторами: принижением положения в обществе, дискриминацией, трудностями хозяйственной и культурной адаптации. Кроме того, вновь прибывшим иммигрантам мешал языковой барьер, поэтому они либо учили язык, либо были вынуждены общаться только внутри своей общины. Подобные настроения среди иммигрантов усиливались экономическим спадом и повышением уровня безработицы в Великобритании. Бангладешцы стали остро осознавать, что они не смогут заработать достаточно средств, чтобы снова осесть в Бангладеш и жить в роскоши. Поэтому, несмотря на то что бангладешцы продолжали отправлять денежные переводы на родину и покупали там землю, в 1970–1980-х годах многие из них старались вывезти в Англию сначала своих сыновей, а затем и жен с дочерьми. К середине 1980-х годов в Англии насчитывалось уже 100 тыс. «британских бангладешцев». С конца 1980-х годов численность южноазиатской общины Великобритании увеличивается преимущественно за счет тех, кто был рожден в этой стране от индийцев, пакистанцев и бангладешцев.

Иммиграция продолжилась и в 1990-е годы, несмотря на то что британским правительством был принят в 1988 г. (законодательно утвержден в июле 1989 г.) новый Акт об иммиграции (Immigration Act), отменивший право живущих в Англии мигрантов

привозить в страну членов семей и близких родственников. В 2006 г. в Великобритании проживали уже более 500 тыс. бангладешцев.

Хотелось бы отметить, что в течение последних десятилетий существенно изменилось отношение «британских бангладешцев» к собственной самоидентификации. Как отмечалось ранее, этническая самоидентификация может меняться под воздействием тех или иных причин. Это можно наблюдать на примере нескольких поколений иммигрантов из Бангладеш, оставшихся в Великобритании на постоянное жительство. Прежде всего, следует упомянуть о важных изменениях, которые произошли в мировоззрении молодого поколения – детей иммигрантов, рожденных уже в Англии. Если их родители могли с уверенностью назвать себя прежде всего бенгальцами (а с 1971 г. – бангладешцами), то в настоящее время дети бывших иммигрантов порой затрудняются с однозначным выбором. Сложность ситуации заключается в ответе на вопрос, выбрать ли для себя в качестве основного идентификационного признака религию, национальную культуру или британский образ жизни и в зависимости от этого идентифицировать себя как мусульманин, бангладешец или британец.

Необходимо исследовать природу изменения самоидентификации «британских бангладешцев», исходя из следующих аспектов: изменившегося отношения к Бангладеш, приспособленности к условиям жизни и обществу в Великобритании, личного обладания определенным общественным статусом, а также возраста и пола. В то время как для первого поколения иммигрантов связь с родиной была вполне естественным явлением, то их потомкам, рожденным в Великобритании, ситуация видится в несколько ином свете. Многие представители молодого поколения, родившиеся в Англии и воспитанные в условиях жизни среди носителей другой культуры, приезжая в Бангладеш, чтобы прикоснуться к истокам своей национальной культуры, испытывают настоящий шок. Это характерно как для юношей, так и для девушек. Молодые «британские бангладешцы», в отличие от своих сверстников в Бангладеш, не знакомы с условиями сельского быта. Они бывают чаще предоставлены сами себе, а не вовлечены в цикл домашних и сельскохозяйственных дел. Дети иммигрантов, как правило, более образованны, чем их бангладешские сверстники, и более свободны в выборе друзей и увлечений.

Кроме того, в отличие от родителей, которые в свое время прибыли из сельской местности и поселились в городах, дети им-

мигрантов, приезжая в дома родственников в Бангладеш, часто впервые сталкиваются с реалиями крестьянского быта. Как это ни странно, именно такие поездки на родину заставляют детей бывших иммигрантов осознать, насколько они «британизированы». Благодаря рассказам родных и близких в сознании молодого поколения бенгальцев-мусульман возникает довольно четкий образ Бангладеш. Их также учат дома, «как быть бангладешцами». Тем не менее идеальный образ страны и конкретные реалии на практике часто совершенно не совпадают.

Первому поколению иммигрантов «миф о возвращении» давал некую иллюзию того, что миграция не вносит каких-либо особых изменений в их жизнь. Они ощущали себя в Великобритании лицами, лишь временно прибывшими в страну. Это ощущение сохранялось вне зависимости от того, насколько благополучно им удавалось устроиться в Англии. Дети иммигрантов столкнулись в Великобритании с другими реалиями. Несмотря «а свою определенную «британизованность», они чувствовали себя в британском обществе «нежеланными гостями». Для представителей молодого поколения Бангладеш является той идеальной страной, где они могли бы ощущать себя полностью принятыми в общество.

Таким образом, в сознании детей иммигрантов Бангладеш предстает как «земля обетованная, красивая и мирная страна», где можно жить легко, честно и благополучно. Любопытно отметить, что в сознании тех, кто проживает в Бангладеш, миф о «благополучной стране» прямо противоположный – он относится к Англии. Этот миф о «благополучном доме», родине, куда можно вернуться, поддерживается в сознании молодого поколения благодаря рассказам родных, фотографиям и пр. Однако у многих из них представление о Бангладеш как об «идеальном доме» исчезает, как только они воочию сталкиваются с реалиями страны.

Бывает так, что дети иммигрантов лучше говорят по-английски, чем по-бенгальски, предпочитают носить европейскую, а не традиционную одежду, и имеют совсем другие привычки и увлечения, чем их бенгальские сверстники. «Британизованность» особенно заметна в поведении девушек, рожденных и воспитанных в Англии. Там им разрешается вести относительно «свободный» образ жизни: они учатся в смешанных школах, имеют друзей-англичан и даже ходят на вечеринки и дискотеки. Когда эти девушки приезжают в Бангладеш, они шокируют своих родственников тем, что не могут вести себя, «как положено» девушкам из традиционной мусульманской семьи. Понятия «скромного и

благочестивого поведения» у коренных бангладешцев и их «британизированных» родственников не всегда совпадают, а чаще вызывают непонимание между ними.

Рожденные в Англии девушки из семей бангладешских иммигрантов все чаще настаивают на том, чтобы продолжать учебу после школы, иметь собственную, а не в семейном бизнесе работу, тратить заработанные деньги на себя и даже жить отдельно. Конечно, родители все еще редко идут на подобные уступки. Однако следует признать, что в последнее время женщины и девушки из семей «британских бангладешцев» все чаще имеют работу вне дома, и необязательно в бизнесе, которым управляют члены их семей.

Кроме того, если девушка из семьи бангладешских иммигрантов выходит замуж за молодого человека, который, так же как и она, родился и вырос в Англии, то обычно муж только приветствует желание жены иметь собственную работу (или, по крайней мере, не возражает). Одна девушка из семьи бангладешских иммигрантов, рожденная в Великобритании, в ответ на вопрос о собственной идентификации сказала: «Я знаю много о культуре Бенгалии и своей религии. Мы все помним о своих корнях, но нет сомнения в том, что мы уже “британизировались”. Однако в конце дня мы ведь по-прежнему остаемся коричневыми?»

Это замечание очень важно для понимания того, что, столкнувшись в той или иной мере с проявлениями расизма, бангладешцы осознали: британское общество их не принимает как полноправных членов. Этот факт, однако, стимулировал бангладешскую общину объединиться и наравне с другими бороться за свои права. В этой борьбе особенно заметна роль молодого поколения, которое формирует собственные общественные организации, изучает британскую законодательную базу и стремится также заручиться поддержкой политиков.

Можно говорить о сохранении этнической идентичности в ряде поколений применительно к членам бангладешской общины, живущим в Великобритании. Однако следует также признать, что наиболее молодые «британские бангладешцы» находятся на распутье. Несмотря на то что большинство из них считают Бангладеш «своей исторической родиной» (во многом благодаря рассказам родных, а также деятельности различных организаций, направленной на сохранение родной культуры и языка), тем не менее молодое поколение «британских бангладешцев» все чаще подчеркивает свою «британизированность» или обращается к религиозному аспекту своей идентичности.

Таким образом, акцентирование религиозного признака идентификации опять становится важным моментом во взаимоотношениях различных поколений мусульман южноазиатского происхождения в Великобритании.

Итак, налицо очередное смещение акцентов в процессе идентификации этнолингвистических групп в составе населения Великобритании. Отдельные аспекты этой темы привлекли внимание ученых как британского, так и азиатского происхождения. Хотелось бы отметить, что проблема самоидентификации бангладешцев, рассмотренная на данных примерах, оставляет открытыми еще множество путей для исследования. Однако даже при поверхностном рассмотрении становится очевидным, насколько многообразны факторы, влияющие на то, как бангладешцы идентифицируют себя в конкретном обществе в тот или иной период. Молодое поколение «британских бангладешцев» осознает свою идентичность по отношению как к традиционной, так и к западноевропейской культуре. Специфика такой неоднозначной идентичности требует особого исследования.

*«Этнографическое обозрение»,
М., 2011 г., № 5, с. 109–116.*

«ВОСТОЧНЫЙ СЦЕНАРИЙ» – НОВАЯ ДОМИНАНТА РАЗВИТИЯ МИРА

Ситуация в Ливии, Египте и Сирии, роль Турции в развитии исламской цивилизации, российско-китайские отношения и визит Владимира Путина в Пекин, геополитические проблемы современного мира – эти и другие злободневные вопросы затрагивались в ходе беседы доктора политических наук, профессора и телеведущего Эраста Галумова с доктором исторических наук, профессором Леонидом Ивашовым. (Справка: Леонид Григорьевич Ивашов окончил Ташкентское высшее общевойсковое командное училище (1964) и Военную академию имени М.В. Фрунзе (1974). С 1976 г. руководил аппаратом министра обороны СССР, Маршала Советского Союза Д.Ф. Устинова, с 1987 г. был начальником Управления делами Министерства обороны СССР. В 1992–1996 гг. занимал должность секретаря Совета министров обороны государств – участников СНГ. В 1996–2001 гг. – начальник Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ. Генерал-полковник; имеет государственные на-

грады СССР, России, Югославии, Сирии и др. стран. Президент Академии геополитических проблем, эксперт в области геополитики, конфликтологии, международных отношений.)

Эраст Галумов: Исторически Ближний Восток веками был центром притяжения многих народов, различных религиозных конфессий и цивилизаций. Особенно быстро роль региона возрас- тала в течение прошлого столетия. Связано это с тем, что там тес- нейшим образом переплелись экономические и цивилизационные интересы многих стран современности. Мало кого оставили рав- нодушными буквально до основания потрясшие Ближний Восток «цветные» революции последнего времени. По этим проблемам высказывались и продолжают высказываться руководители ООН и сильнейших государств планеты, ученые и политологи. Все схо- дятся во мнении, что на наших глазах в Ближневосточном регионе разворачиваются мощные политические процессы, которые, бес- спорно, окажут влияние на весь мир и будущее человечества. Лео- нид Григорьевич, по роду своей службы Вы многие годы были тесно связаны с Ближним Востоком... Как сегодня Вы оцениваете ситуацию в этом сложном регионе, а также роль России в проис- ходящих там событиях?

Леонид Ивашов: Вы совершенно точно охарактеризовали положение Большого Ближнего Востока в мировой исторической перспективе. Однако мы не поймем значение происходящих там процессов без учета глобальной геополитической картины совре- менности. При этом хочу специально подчеркнуть, что геополити- ка сейчас мыслит категориями эпох, планетарных пространств и цивилизаций. Что из себя представляет нынешний мир? Прежняя биполярность его разрушена полностью. Однополярный сценарий тоже, в целом, не состоялся. Не сложился пока и многополярный мировой универсум. Традиционные государства в итоге все боль- ше превращаются в некие «размытые» субъекты мировых процес- сов и международных отношений. В качестве глобальных игроков на мировой арене усиливаются разнообразные транснациональные сообщества, которые навязали человечеству безраздельную власть денег, и деньги, как мы видим, действительно во многом опреде- ляют судьбу мира. Наряду с транснациональными образованиями все активнее заявляют о себе также различные этнокультурные и межрегиональные цивилизационные объединения.

На «силовой» геополитической «карте» отчетливо просмат- риваются несколько эшелонов. В первом ряду – США, Европа и Китай, которые существенно превосходят «игроков» второго по-

рядка – Японию, Индию, Россию, Бразилию и т.д. На наших глазах уже идет настоящая война между США и Китаем за то, какой «центр» станет «номером один». Европа – сильный «игрок», но, я бы сказал, чересчур пассивный: она хочет для себя спокойствия и благополучия, не ставит перед собой каких-то действительно глобальных геополитических задач, которые полностью отданы на откуп лидеру западной цивилизации – США. Теперь о Ближнем Востоке. Там мы наблюдаем, казалось бы, нелогичные действия Америки и Европы. Что бы там ни говорили сейчас о Каддафи, но Ливия при нем была процветающей и стабильной страной. Как и Египет при Мубараке, кстати сказать, преданном союзнике США... И вдруг запускается разрушительный процесс, открывающий ворота для прихода к власти экстремистских исламистских сил крайне радикальной направленности! На самом деле, при внимательном исследовании ситуации быстро выясняется, что в Ближневосточном регионе объединенный евро-американский «центр» геополитической силы пытается воспрепятствовать политико-экономической китайской экспансии.

Э.Г.: С чем, по Вашему мнению, мы имеем в данном случае дело: с противоборством цивилизационных начал, или все-таки это банальная схватка за ресурсы?

Л.И.: Ответ на ваш вопрос дает американская стратегия национальной безопасности в XXI в. Важнейшими для себя США определили три момента: для удержания своего превосходства им нужен контроль над ключевыми регионами мира, над стратегическими коммуникациями и глобальными ресурсами... На Ближнем Востоке, как известно, присутствует все. Сами западные СМИ активно пишут, что Запад создает в Ближневосточном регионе глобальную «дугу нестабильности». В обстановке внутренних «разборок», которые будут теперь продолжаться там не один год, американцам и их союзникам очень удобно контролировать ключевые страны и стратегические коммуникации. Ведь ясно же, что любая власть в «одемократических» государствах будет полностью зависеть от отношения к ним Америки и Европы.

Э.Г.: Когда все на Ближнем Востоке только начинало «полыхать», западные СМИ пытались представить события как результат «твиттерных революций» или «революций Фейсбука», которые якобы смогли поднять массы и вывести их на улицы и площади. Однако очень скоро появились трезвые суждения о том, что «сетевые» элементы использовались для прикрытия, на самом же деле это были организованные и весьма хорошо проплаченные

процессы, обострившие отношение людей к реальным недостаткам, имевшимся в государствах региона. Надо сказать, что ровно такие же недостатки имеются практически во всех странах, но «взорвались» именно те, которые были кем-то выбраны «для заклания»... Что Вы можете сказать по этому поводу?

Л.И.: Вы знаете, условия для революционных выступлений в Ближневосточном регионе, конечно, созрели давно. Эти страны, расположенные в историческом ядре мусульманства – в арабском мире, – стратегически отстают от соседей, тем более от государств, исповедующих другие цивилизационные парадигмы. Иначе говоря, складывается тенденция к превращению исламского мира в обслуживающий придаток развитой восточной и высоко-развитой западной цивилизаций. Так что условия для протестных действий объективны, и недовольных там действительно много.

С другой стороны, широко использовались и искусственные «стимуляторы». Вот, в июле я работал в Сирии, встречался с президентом Башаром Асадом и другими руководителями страны. Как создавалась «протестная линия» у них? Началось все с прилета помощника госсекретаря США в Турцию, куда были спешно приглашены бывший вице-президент Сирии, ограбивший страну, какие-то беглые чиновники, тоже обвиненные в коррупции. Из них на территории Турции и создали «руководящее ядро оппозиции». Дальше с помощью турецких спецслужб запустили «набор добровольцев» – людей, которые хотят вдоволь пострелять по «живым мишеням» и на этом еще и подзаработать. Оперативно сформированные военные отряды достаточно спокойно перешли сирийско-турецкую границу, которая фактически не охраняется ввиду официально дружественных отношений между этими странами. Вскоре вспыхнули беспорядки на севере Сирии. Это первый этап. На втором этапе уже из местных недовольных, которых, само собой, тоже хватает, были набраны новые отряды – естественно, за счет откуда-то поступивших средств. Беспорядки резко усилились. Что делает президент Асад? Он принимает решение не применять силу. Более того, приказывает изъять у полицейских оружие. В итоге «оппозиция» спокойно захватывает полицейские участки, силы правопорядка несут потери – некоторым полицейским буквально отрезали головы! Делалось все, чтобы спровоцировать силовые органы на кровопролитие. В конце концов, естественно, у кого-то из полицейских нервы не выдержали, и по протестной толпе был открыт огонь. Это катализировало волну недовольства.

Тогда Башар Асад делает очень смелый и неожиданный шаг: предлагает сирийскому обществу обновленческие реформы в гораздо большем объеме, чем требует так называемая «оппозиция». Запускается процесс самого широкого обсуждения повестки преобразований – с привлечением всех СМИ и телевидения. И вот тут уже нервы не выдерживают у истинных организаторов мятежа: американский и французский послы, игнорируя все принятые международные правила, садятся в свои машины, едут в город Хама, где находится «штаб» оппозиции, и публично призывают протестующих не идти на обсуждение предложенных руководством Сирии проектов, отказаться от любых контактов с властью... Вот такая неприглядная картина вырисовывается.

Э.Г.: Видимо, подобные действия дипломатов тоже послужили для России и Китая основанием наложить вето на резолюцию Совбеза ООН по Сирии. Ведь если вспомнить Ливию, там Россия и Китай воздержались при голосовании, что в итоге было весьма грубо использовано для эскалации неприкрытой агрессии против суверенной страны. Усилиями НАТО Ливия быстро превратилась в очередную «горячую точку» планеты. Так что российско-китайское вето в известной степени предотвратило в Сирии «бомбардировочно-демократический» сценарий, который западные страны эффективно применяют, начиная с Югославии. Вопрос к Вам, Леонид Григорьевич, вот какой: почему именно Сирия включена в «список ближайших целей»? Неужели настолько сильны ее позиции в современном арабском мире? Или здесь есть еще какие-то скрытые моменты?

Л.И.: Если взглянуть на карту Ближнего Востока, сразу видно, что Сирия – это своеобразный географический перекресток региона. Во-вторых, Сирия сама по себе удивительно интересная страна. Там, наряду с мусульманством, присутствует мощная христианская община, в том числе и православная ее часть. Христиане входят в правительство и активно участвуют в формировании внутренней и внешней политики... То есть в культурно-цивилизационном плане Сирия демонстрирует всему арабскому миру возможность миролюбивого проживания и нормального взаимодействия между представителями самых разных религиозных конфессий. Кстати, приведу интересный исторический момент, непосредственно связанный с Россией. Мы все знаем, что Русь крестил святой Владимир. Однако мало кому известно, что самого Владимира крестил как раз православный иерарх, прибывший из Сирии... Связи эти не прекращались и дальше. Особенно усили-

лись они в советский период: СССР оказывал помощь национально-освободительной борьбе сирийцев, потом становлению их государственности и созданию сирийских вооруженных сил. Советские специалисты участвовали в защите Сирии от внешних агрессоров... В общем, Россия и Сирия традиционно близки друг другу. Американцы, конечно, понимают и учитывают, что Россия сегодня может прийти на Ближний Восток именно через Сирию. То есть не только создать свою полноценную военную базу, но и обеспечить укрепление в регионе российского экономического присутствия и российских капиталов.

Э.Г.: Вы полагаете, что и здесь просматривается откровенный антироссийский тренд?

Л.И.: Безусловно.

Э.Г.: Существует еще такая версия. Сирия всегда очень тесно сотрудничала с Ираном – несмотря на международную обструкцию, устроенную Тегерану США и их союзниками... Видимо, возможность взаимной поддержки между Ираном и Сирией тоже беспокоит Запад?

Л.И.: Такой момент есть, несомненно, он учитывается западными стратегами, но вряд ли является для них определяющим. И вот почему. По мнению специалистов Академии геополитических проблем и по моему внутреннему ощущению, события, которые «раскручиваются» на Ближнем Востоке, свидетельствуют о подготовке «большой войны»... Не хочу никого пугать, однако факты – вещь упрямая. Скажем, американские финансисты уже вполне открыто утверждают в международных СМИ, что выходом из сложившегося в мире «экономического тупика» может быть только «большая война». Цель понятна: спасти доллар, т.е. упрочить экономическое главенство транснационального финансового олигархата в глобальном мире. В этой связи делается следующее. Израиль искусственно ослабляется. Наоборот, искусственно усиливаются радикальные исламистские силы. Кардинально меняется политическая ориентация Турции. В режиме «закипания» пребывают Иран и Саудовская Аравия... Каким может быть дальнейший сценарий? Вполне возможна очередная война Израиля – причем не с отдельными арабскими государствами, а с объединенным исламским миром. Такого напряжения, естественно, Израиль, несмотря на его немалую военную мощь, не выдержит. И тогда перед Тель-Авивом неминуемо встанет вопрос о применении ядерного оружия. И в Европе, и в Америке обязательно найдутся силы, которые будут всячески поощрять Израиль к такому шагу. И удар рано или

поздно может быть нанесен. В итоге весь нефтеносный регион Ближнего Востока на долгие годы погрузится в пучину жесточайшего хаоса и всеобщей разрухи.

Чтобы понять, зачем это нужно, вспомним, откуда сейчас Китай получает большую часть необходимой ему для дальнейшего развития нефти. Ответ известен: с Ближнего Востока. Как и Европа, разумеется, но европейцы поставки свои заблаговременно диверсифицировали. А вот Китаю в случае разгрома Ближневосточного региона придется не просто туго, а очень туго. Экономика Поднебесной быстро войдет в режим стагнации. И если своевременно раздуть тлеющие в Китае очаги нестабильности – «пробудить» к «революции» тех же тибетцев или уйгуров, то Пекину придется поневоле переключиться на урегулирование собственных внутренних проблем.

Планомерно и умело нагнетая обстановку, можно даже добиться такого положения, когда Пекин встанет перед угрозой гибели китайской цивилизации. И вряд ли тогда кто-то будет думать о соблюдении международных норм. В этом случае Китай в первую очередь обратит внимание на Россию – на наши Сибирь и Дальний Восток. Восполнить нефтяной дефицит Китая в случае потери им канала поставок с Ближнего Востока Россия своей маломощной трубой не в состоянии. Тем самым как бы сама собой будет канализирована агрессия Пекина на российские территории. Такой соблазн вполне может возникнуть, если речь, повторюсь, пойдет о выживании китайской цивилизации.

А что же Европа? Согласится ли она на отдачу Китаю нефтеносной Сибири и других ресурсных регионов России? Разумеется, нет. В соответствии с соглашением 2007 г. между Россией и НАТО о статусе сил, не так давно утвержденном уже в форме закона, натовские войска беспрепятственно войдут на нашу территорию. Вот вам и вся «раскладка», в которой Россия в любом случае проигрывает. Как минимум – вчистую выбывает из списка активных и влиятельных политических акторов глобального мира, а как максимум... Ну, об этом и говорить не стану. Такова подоплека упомянутого вами вето России и Китая на резолюцию по Сирии. Сам по себе факт этот беспрецедентный для постсоветских демократических времен, но ничего другого России и Китаю просто не остается.

Э.Г.: На днях в США раскрыт заговор, целью которого, по утверждению американских спецслужб, являлись взрывы у посольств Израиля и Саудовской Аравии в Вашингтоне, а также

убийство посла Саудовской Аравии. Следы организаторов терактов якобы ведут в Тегеран. По горячим следам выступила госсекретарь Хилари Клинтон и фактически потребовала покончить с Ираном, который продолжает оставаться одним из столпов исламской цивилизации. Реакция Госдепа, прямо скажем, предсказуемая... Недоумение вызывает откровенная грубость этой акции – американцы даже не скрывают, что действовали методом классической «подставы». Не кажется ли Вам, Леонид Григорьевич, что Вашингтон решил в этот раз не просто поколебать положение Ирана, но и, возможно, совершить оперативную «замену лидера» исламского мира – например, выдвинуть на первые роли Турцию?

Л.И.: Думаю, Белый дом весьма обеспокоили процессы, которые стали самопроизвольно развиваться в Ближневосточном регионе после вторжения американцев и их союзников в Ирак. По существу, на антикурдской основе сформировались союзнические отношения между Сирией, Турцией и Ираном. Мы в Академии расценивали эту ситуацию как основание для формирования в будущем единой мусульманской цивилизации. Ведь фактически все ветви ислама в данном случае подали прекрасный пример развития союзнических отношений. Конечно, американцы эту тенденцию тоже уловили. Для них она абсолютно неприемлема, поскольку главный принцип их политики – «разделяй и властвуй» – не меняется веками. Полагаю, сразу были предприняты необходимые меры, чтобы сорвать этот весьма перспективный для мусульманского мира план.

Э.Г.: И все же, почему буквально в последние месяцы так непредсказуемо стала вести себя Турция?

Л.И.: Первое – Стамбул стремится к независимой внешней политике; второе – в Турции обозначился в последнее время весьма четкий тренд «возвращения в свою цивилизацию». Тем самым страна объективно снизила свою лояльность к Соединенным Штатам, которые таких вещей никому не прощают.

Как мы помним, Кемаль Ататюрк пытался развернуть Турцию к Западу. Но сейчас в Стамбуле поняли, что ни в какой Евро-союз их не пустят. Идеи Ататюрка поэтому подвергаются серьезному переосмыслению. И хотя сам он остается культовой фигурой, однако уже ведутся дискуссии, насколько хороши были для страны инициированные им перемены... Не думаю, что Ататюрк будет свергнут со своего высочайшего пьедестала, однако видно невооруженным глазом, что турки не просто возвращаются в исламскую цивилизацию, но даже не прочь ее возглавить.

Важные перемены заметны в турецком политическом сообществе. Прежде всего, на второй план отодвинуты военные, которые с благословения Атаюрка играли исключительную роль в жизни страны. Нынешние президент и премьер-министр Турции – это, скажем так, мягкие националисты исламистского типа, тогда как министр иностранных дел – человек прозападный. В турецком бизнес-сообществе есть люди, ратующие за дальнейшее сближение с Европой, но есть и те, кто ратует за возврат в исламский мир. Нельзя не заметить, что американцы за последние два года несколько скорректировали внутреннюю и внешнюю политику Стамбула. Некоторые шаги Белого дома демонстрируют, что американцы не прочь и в Турции запустить «цветной» сценарий. Возможности для этого у Вашингтона есть – и очень хорошие. Ведь в Турции этнических турок не более 37%, остальное население составляют отуреченные народы и народности.

Стоило Стамбулу немного показать свой норов – тут же последовало решение Конгресса США о признании геноцида армян со стороны турок, пошел процесс формирования правительства нынешней турецкой части Армении в изгнании. Эти шаги сделаны, конечно, вовсе не из сострадания к армянам. На самом деле турецкому правительству дали понять, что произойдет, если оно продолжит неудобную американцам политику. Там ведь есть еще курдская проблема и другие сложности... В общем, «козырных карт» против турок хватает, и они понимают, что если американцы спланируют и профинансируют «цветную» операцию, то у Турции практически нет шансов устоять.

Э.Г.: Леонид Григорьевич, еще одно событие, привлекшее к себе внимание многих аналитиков и комментаторов, – визит премьер-министра Путина в Китай... Как Вы оцениваете в этой связи перспективы развития российско-китайских отношений? Станут ли они более конструктивными в экономическом плане и более доверительными в политическом измерении?

Л.И.: Проблем в отношениях с Китаем у нас достаточно, но я могу сказать однозначно: перспективы у нас есть, и перспективы очень хорошие. Первое, что нас связывает с Китаем, это фактор безопасности. Ту же систему противоракетной обороны мы можем предложить Пекину сделать совместно.

Второе совпадение – в подходах к формированию системы глобальной безопасности многополярного мира. Правда, здесь между нашими странами есть некоторое недопонимание. Китай хочет видеть мир многополярным, но при этом выводит «за скоб-

ки» Азию, которая, по мнению Пекина, должна быть однополярной и «китаеццентричной»... Кстати говоря, впервые Китай жестко заявил эту свою позицию после операции по устранению бен Ладена. Тогда китайские лидеры предупредили, что впредь при любом несанкционированном появлении вооруженных формирований на территории Пакистана Пекин будет рассматривать эту страну в состоянии войны с Поднебесной.

Третий момент тоже не из приятных. Еще в начале 1990-х годов Ельцин под воздействием укоренившегося советского стереотипа позволял себе разговаривать с китайскими лидерами несколько свысока. Потом ситуация выровнялась. Однако в настоящее время показывающий великолепные результаты экономического развития Китай ситуация равноправного взаимодействия со значительно отставшей Россией, похоже, удовлетворять перестала. Видимо, в Пекине начинают понемногу относиться к России как к «младшему брату».

Четвертый момент – Китай не уверен в последовательности нашей восточной политики. Мы ведь постоянно мечемся – то заявляем о своей принадлежности к западному цивилизационному сообществу и, соответственно, ориентируем в эту сторону нашу экономику и ресурсы, то оглядываемся на Восток... Конечно, такие шарахания не добавляют Москве авторитета в международном сообществе.

Э.Г.: Об экономической мощи Китая все мы хорошо знаем. А вот с военно-стратегической точки зрения представляет ли Китай для НАТО, для США, да и для России какую-то угрозу в настоящий момент?

Л.И.: Видите ли, Эраст Александрович, дело в том, что сегодня основой войны являются уже не военно-стратегические операции, но прежде всего геополитическая «подводка». Чисто военные действия превратились в составную часть геополитических битв и применяются теперь на завершающей стадии. Началось это в Югославии, потом прошло «апробацию» в Ираке, ну, и в Ливии мы уже видим вполне сложившуюся систему. В этом плане Китай сегодня гораздо мощнее и Америки, и Европы, и кого бы то ни было – потому что там достигнуто цивилизационное единство гражданского сообщества. И те 300 млн. китайцев, которые рассеяны по всему миру и которых раньше в Китае с презрением называли капиталистами и империалистами, сегодня признаны важнейшей частью китайского этноса, его авангардом за рубежами Поднебесной. Если помните, в 1999 г. американцы вроде бы по

ошибке нанесли ракетный удар по китайскому посольству в Белграде. Я через некоторое время побывал в США, и там мне рассказали вещи, которые никогда не публиковали никакие демократические СМИ. Так вот, после того как стало известно об атаке на китайское посольство, 13 млн. проживавших на тот момент в Америке китайцев единодушно выступили с резким протестом против политики Вашингтона. Несколько следующих суток ни в один китайский квартал не могла заехать ни одна полицейская машина – их просто жгли, а самих полицейских забрасывали, чем прidetся. И теперь американцы этот феномен очень даже учитывают в своей внутренней и внешней политике.

Такая поддержка китайской диаспоры на поверку оказывается гораздо важнее реального многократного превосходства США над Китаем по количеству и качеству вооружений. Она позволяет Китаю не распылять свои вооруженные силы по всему миру. Пекин создает оперативные и мобильные группировки, обеспечивающие защиту стратегических в плане выживания и развития китайской цивилизации направлений. Например, действует группировка, контролирующая Малаккский пролив, через который осуществляются основные нефтепоставки в Китай с Ближнего Востока, и американцы вынуждены с этим считаться. Потому что в Вашингтоне отдают себе отчет, что никакое самое высокоточное оружие не гарантирует США решительную победу в случае военного столкновения с Китаем.

России в такой ситуации просто необходимо выстраивать свою собственную эффективную геополитическую стратегию в отношении с Пекином. Соответственно, визит Путина в Китай накануне большой выборной кампании в России мне представляется весьма дальновидным шагом. Очень важно, что китайцы крайне ответственно относятся к международным протоколам и обязательствам. В одиночку они никогда не играют, следуя выверенной геополитической триаде: «я, мой союзник, наши общие противники». Этот момент следует учитывать и использовать максимально эффективно.

Э.Г.: Судя по реакции американских СМИ, в том числе такого «тяжеловеса», как «Файнэншл таймс», в США внимательно наблюдают за китайско-российскими политическими маневрами и анализируют их постоянно.

Л.И.: Это действительно так. Не случайно примерно за месяц до визита Путина в Пекин министр обороны США неожиданно объявил, что главные угрозы объединенному человечеству и

США исходят именно от Китая, Индии и России. Так что улучшение взаимоотношений и укрепление общих систем безопасности с Китаем для нас – жизненная необходимость. Однако делаться это должно, повторюсь, в рамках большой стратегической концепции. Ведь доверие в международных отношениях частенько и очень внезапно сменяется враждебностью – такие «перепады» тоже необходимо учитывать в различных планах единой геополитической игры. В свое время еще в СССР, а потом и в российском Министерстве обороны мы пытались выстроить некий баланс сил в Азиатском регионе. Тогда у нас сложилось такое представление: да, дружим с Китаем, эффективно сотрудничаем с ним, но стратегическим союзником нашим в этом регионе является все-таки Индия... Мне кажется, и сейчас этот вывод вполне актуален.

Э.Г.: Индия, безусловно, крупный игрок. Но по моим ощущениям – несколько аморфный в политическом плане. Дели слабо проявляет себя именно на международной арене. Впечатление такое, будто это классический «сторонний наблюдатель», пассивно вззирающий на происходящее.

Л.И.: В Ваших словах есть немалая доля истины. Но имеются и другие соображения. Если смотреть культурно-цивилизационные планы, то мы, россияне, наиболее близки именно с индийцами. Кроме того, Индия никогда не угрожала и не угрожает нашим интересам. Поэтому, в частности, в 1990-е годы у нас явно просматривалась приоритетность военно-технического сотрудничества как раз с Индией, и такое сотрудничество, вообще говоря, было бы неплохо продолжать. Однако от общих рассуждений пора переходить к геополитическим выводам. Итак, Россия сейчас явно уступает в своих возможностях Китаю, Америке и Европе. Если мы не хотим удовольствоваться своей нынешней ролью игрока «второго эшелона» с весьма неприятной перспективой очутиться вскоре в «третьих» и т.д. рядах, самое время приступить к формированию собственного центра силы. В рамках постсоветского пространства, естественно, за исключением Прибалтики, можно попытаться создать союз государств, способный выступать в рамках одной субъектности. В орбите притяжения такого образования неизбежно оказываются Индия и Иран, с которыми мы вполне сможем сформировать общие экономическое, политическое и иные пространства.

При эффективном взаимодействии сюда притянутся и другие страны. Мне кажется, даже для Японии подобный проект

вполне может быть интересен. Сейчас она зажата между экономиками и военно-политическими «жерновами» Китая и США, плюс к тому – весьма ограниченные ресурсы, никак не обеспечивающие решение задачи выживания самобытной японской цивилизации. Так что для высокоразвитой японской экономики новое формирование может стать настоящим «спасательным кругом». При этом, само собой, мы не ослабляем нашего взаимодействия с Китаем, Америкой и Евросоюзом. Просто занимаемся в известной степени «геополитической диверсификацией» своего международного окружения.

Э.Г.: Заманчивый план... Однако сам собой напрашивается вопрос: позволят ли нам сделать это наши «заклятые» геополитические «друзья»?

Л.И.: Позволят или не позволят – не суть важно. Полагаю, мы все же еще вполне способны сами позволять себе те или иные геополитические шаги – необходима лишь собственная воля. Поэтому-то предложение Владимира Владимировича Путина, возвращающее нас к озвученному Нурсултаном Назарбаевым еще в начале 1990-х годов евразийскому проекту, кажется мне и разумным и своевременным.

Э.Г.: Понимаю, что предсказания – дело неблагодарное, и все-таки: что, по Вашему мнению, ждет мир в ближайшие 20–30 лет? И самое главное – сможет ли Россия устоять перед теми мощными вызовами, которые Вы обрисовали?

Л.И.: Я полагаю, западная цивилизация – при всей ее нынешней силе – развивается уже по нисходящей, постепенно теряя роль главного субъекта мировых исторических процессов. Наоборот, зримо усиливается влияние других цивилизаций – прежде всего китайской, которой не так уж много уступает латиноамериканская. Не будем забывать и об Индии – уверен, что она не собирается вечно пребывать в положении «дремлющего сфинкса»... Все указанные цивилизации мы объединяем условно в понятие «восточный тип». Пробуждается и исламский мир, показавший свой потенциал в произошедших на наших глазах ближневосточных революциях.

Думаю, как раз через 20–30 лет вполне может четко обозначиться новая доминанта развития мира – по восточному сценарию. Это будет означать радикальный разворот человечества к совершенно иным, нежели чисто потребительские, ценностям и смыслам. Уже сегодня очевидно, что западная парадигма губительна для планеты. Мы обязательно придем к пониманию необходимо-

сти другой жизни, не связанной с обладанием несметными богатствами, которые якобы являются универсальным мерилom человеческой и государственной состоятельности. Наши потомки вспомнят о красоте, о духовном совершенствовании, об универсальной гармонии с миром, которые сами по себе даруют освобождение от суетного и делают человеческое существование осмысленно счастливым... Восток аккумулирует как раз такое отношение к жизни, и пока оно существует – не все потеряно для человечества.

Э.Г.: Другими словами, Вы хотите сказать, что далеко не все в нашем собственном советском прошлом с его яростным неприятием «золотого тельца» было однозначно негодным?

Л.И.: Вы знаете, Эраст Александрович, я абсолютно убежден: «советский геополитический проект», как его называл Александр Александрович Зиновьев, очень скоро будут искать, словно исчезнувшую Атлантиду. Это был величайший период, продемонстрировавший всему миру образец истинно высокого человеческого существования.

Э.Г.: Спасибо, Леонид Григорьевич, за эту встречу и за очень интересную беседу. Современные международные отношения обретают все более яркое культурно-цивилизационное наполнение. Содержательные смыслы геополитических конструктов подчас трудно уловить в хаотическом нагромождении текущих событий. Но делать это мы обязаны, потому что именно от адекватности наших ответов на разнообразные вызовы глобальной политики зависит, по большому счету, наше будущее, будущее наших детей и самой России.

«Мир и политика», М., 2011 г., № 10.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2012 – 9 (243)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 9/VIII-2012 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 11,0 Уч.-изд. л. 10,5
Тираж 500 экз. Заказ № 133

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9